

У меня споров со Сталиным было очень много...

<https://oralhistory.ru/talks/orh-372-373>

27 мая 1974

Собеседник

Гронский Иван Михайлович

Ведущие

Дувакин Виктор Дмитриевич, Арутчева Варвара Аветовна

Дата записи

Беседа записана 27 мая 1974 и опубликована 23 января 2023.

Введение

Иван Гронский — идеолог сталинской эпохи, создатель термина «социалистический реализм» и правая рука Сталина, чудом выживший в лагерях. Будучи главным редактором «Известий» и одним из авторов советской идеологии, он был знаком едва ли не со всеми писателями, поэтами, художниками и политиками своего времени, поэтому его устные свидетельства имеют огромный интерес для историков и всех, кто хочет понять, что представлял собой СССР 1920-х—1930-х годов.

В этой беседе Гронский рассказывает о том, как участвовал в революционном движении, боролся с бандитизмом в Курской области и с вредительством — в Коломне, о том, как обсуждал с Маяковским стихи для публикации в «Известиях» и о том, как ему не удалось «вразумить» Николая Клюева.

Беседа сопровождается подробными комментариями Владимира Радзишевского и фотографиями из архива семьи Гронских.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ну, прошу вас, Иван Михайлович. Вы человек опытный (*усмехается*).

Иван Михайлович Гронский: Ну что же, о себе я буду говорить немного. Родился я в 1894 году в крестьянской семье¹. Прадед мой и дед — крепостные крестьяне². Отец — питерский рабочий, участник революционного движения, был народовольцем и погиб в 1908 году в тюрьме царской³. Меня очень рано, после окончания церковно-приходской школы, отправили в Питер, на заработки⁴. Устроили вначале в ресторан Чванова⁵, на кухню поваренком. Там я проработал один год и убежал⁶. Поступил в небольшую слесарно-механическую мастерскую на Малом проспекте Петербургской стороны⁷ и затем перешел на завод «Вулкан»⁸, где прошел все стадии рабочего ученичества. Работал на многих заводах Петербурга: у Лесснера⁹, Барановского¹⁰, на Балтийском судостроительном, в мастерских¹¹, довольно рано вошел в революционное движение. В 1912 году, в начале, то ли в январе, то ли в феврале, я вступил в партию максималистов¹². Тут, по-видимому, сказалось окружение: друзья отца — народники, и под их влиянием я находился довольно длительное время.

Сидел в тюрьмах, жизнь складывалась нелегко. Пришлось много испытать и много перенести.

¹ *Родился... в крестьянской семье.* — И. М. Гронский (Федулов) родом из деревни Долматово, в девяносто верстах к северо-востоку от губернского города Ярославля. Это — Любимский уезд на стыке Ярославской, Вологодской и Костромской губерний. В деревне было всего двенадцать дворов.

² *Прадед мой и дед — крепостные крестьяне.* — «Прадеда своего в живых я уже не застал, а одного из его сыновей — Ивана Федуловича, моего деда по линии отца, — помню хорошо, — рассказывал Гронский. — Дед часто вспоминал, что в летнюю пору за столом у его отца собиралось до 60 детей и внуков. Семья была большая и дружная. В 1861 году, когда дед освободился от крепостной зависимости, ему было около сорока лет. <...> При освобождении ему дали новую фамилию по имени отца — ФЕДУЛОВ, которую дед Иван не любил, справедливо усматривая в этом факте проявление произвола крепостника-помещика. Не любил ее и мой отец, родившийся, как я говорил, крепостным рабом. Мальчиком, увезенным в Питер на заработки, он очень рано познал не только крепостное, но и пришедшее ему на смену более жесткое капиталистическое рабство. Крепостными были и родители моей матери — Антон Маркович и Анисья Васильевна Разживины, дожившие до глубокой старости. Дед Антон умер в 1918, а бабушка Анисья в 1930 году» (*Гронский Иван. Из прошлого...*: Воспоминания / сост. Л. Гронской, предисл. В. Шлеева. М.: Известия, 1991. С. 18).

³ *Отец — питерский рабочий... погиб в 1908 году в тюрьме царской.* — В середине 1870-х гг. дед отправил двух сыновей — Василия и Михаила (отца Гронского) — в Петербург на заработки. Поначалу оба работали на кухне какого-то трактира. Затем Василий поступил то ли на Путиловский, то ли на Обуховский завод. А Михаила знакомые устроили официантом в один из ресторанов Чванова. Оба брата вошли в народовольческое движение. Подвергались репрессиям. Василий, отбыв десятилетнюю каторгу, был определен на поселение в Восточную Сибирь, там и умер. А в 1908 г. брат отца, Егор Иванович Федулов, телеграммой из Петербурга известил семью, что его племянник (отец И. М. Гронского) умер от холеры и похоронен. Уже в Петербурге в 1909 г. повар-кладовщик ресторана, в который 15-летний И. М. Гронский был взят поваренком, Михаил Филиппович Кондратьев, по секрету сказал ему: «Твой отец был арестован вместе с другими рабочими-революционерами и из тюрьмы не вернулся. Его там убили...» (Там же. С. 28).

⁴ *Меня... отправили в Питер, на заработки.* — В 1909 г. еще один брат отца, Дмитрий Иванович, уезжая в Петербург, взял племянника с собой.

⁵ *Ресторан Чванова* — козырь купца второй гильдии Ивана Ивановича Чванова (1844—1910). Располагался на углу Большого проспекта Петербургской стороны и Рыбацкой улицы. Его называли «Большой Чванов» в отличие от «Малого Чванова» — трактира, открытого неподалеку, в собственном доме хозяина на Малом проспекте, около Малой Гребешковой улицы. В ресторане Чванова, напомним, работал отец Гронского. Сюда же определили в науку и его самого.

⁶ *...проработал один год и убежал.* — Родственники отдали Гронского в учение на кухню ресторана на пять лет. Это учение он называл «сытой каторгой». Кухонные мальчишки «работали с восьми утра и до часа ночи, то есть семнадцать часов подряд. Через три дня на четвертый, да и то лишь с семи часов вечера, мы получали право на свое личное время» (Там же. С. 26). К тому же и старший повар, и его помощник-плитчик, ведавший всем, что готовилось на плите, и по поводу, и без повода зверски избивали подростков. Однажды, когда плитчик набросился на Гронского с кулаками, он, увернувшись, схватил большую лопатку, которой месит тесто, и ударил обидчика по голове так, что тот упал. Испугавшись, что зашиб плитчика насмерть, Гронский убежал и на кухню уже не вернулся. Отучился он на повара год вместо пяти.

⁷ *Поступил в небольшую слесарно-механическую мастерскую на Малом проспекте Петербургской стороны.* — Знакомый извозчик, у которого брат работал в этой мастерской, устроил туда и Гронского. Это недалеко от ресторана Чванова. Но осваивать слесарное дело не удавалось. Хозяин и его взбалмошная и капризная жена держали работника на побегушках.

⁸ *Завод «Вулкан»* — Петербургский механический и литейный завод на берегу Малой Невки, преобразованный в конце 1912 г. из Первого русского завода керосиновых и газовых двигателей Е. А. Яковлева. Помимо бензиновых и керосиновых двигателей, завод изначально выпускал кузнечные горны, газогенераторы, паровые машины и котлы, с 1914 г. — снаряды, мины, корабельное оборудование.

⁹ *Работал... у Лесснера...* — В 1898 г. на Сампсониевскую (ныне Пироговскую) набережную по правому берегу Большой Невки переехал завод, основанный руским предпринимателем шведского происхождения Густавом Арнольдом Лесснером (1823—1886). К этому времени завод сосредоточился на выпуске минных аппаратов и самодвижущихся мин (торпед) для Морского ведомства. А ниже по течению, на Выборгской набережной, сын покойного заводчика, Густав Арнольдович (Эмиль Густав Арнольд) Лесснер (1861 — ?), построил первое в России крупное предприятие, рискнувшее заняться автомобилестроением. Здесь не только собирали, но и строили свои автомобили: легковые, грузовые, пожарные, почтовые, омнибусы с империалом и др. Завод на Сампсоньевской называли «Старый Лесснер», завод на Выборгской — «Новый Лесснер». По словам Гронского, «на заводе Лесснера практически всей политической работой руководили большевики» (Там же. С. 35). И он стал выполнять их поручения.

¹⁰ *Работал... у... Барановского...* — Механический и гильзовый завод наследников П. В. Барановского (1838—1896), промышленника, разработчика артиллерийского вооружения, расположенный на Выборгской набережной, почти исключительно выполнял заказы Военного и Морского ведомств на пушечные гильзы, трубы для снарядов и т. п.

¹¹ *Работал... на Балтийском судостроительном, в мастерских...* — Балтийский судостроительный и механический завод был заложен 1 мая 1856 г. в устье Большой Невы, рядом с корабельным фарватером, напротив устья Фонтанки, на юго-западном побережье Васильевского острова. Основатели — английский подданный, волнонаемный механик на императорских яхтах Марк Макферсон и российский сахарозаводчик Матвей Карра. В 1894 г. завод перешел в полную собственность Морского министерства. Специализировался на строительстве океанских боевых кораблей и подводных лодок. При заводе были мастерские для изготовления котлов, машин и внутреннего оборудования судов. С 1909 по 1913 г., когда Гронский мог здесь работать, производственная мощность завода выросла почти вдвое, на производстве было занято более 7 тысяч человек, не считая поденщиков такелажников. 3 июня 1909 г. на Балтийском заводе были заложены два линейных корабля — «Севастополь» и «Петропавловск». 16 июня 1911 г. «Севастополь» был спущен на воду. Это была громадная плавучая крепость, покрытая мощной броней. Водоизмещение 23 000 т, длина 183 м, ширина 26 м, осадка 8,4 м. Корабль мог развивать скорость до 24 узлов (около 44,5 км/ч). Вооружение состояло из 12 орудий калибра 305 мм и 16 орудий калибра 120 мм. Только в 1910 году численность работников завода увеличилась на 1500 человек.

¹² *Партия максималистов* (Союз социалистов-революционеров-максималистов) — политическая неонародническая партия, выделившаяся в 1906 г. из радикального крыла партии эсеров. Занимала промежуточное положение между эсерами и анархистами. Состояла в основном из учащихся и рабочих. Целью своей максималисты считали немедленное и полное преобразование общества на социалистических началах. Для этого землю следовало передать в коллективное управление сельских общин, а фабрики и заводы — трудовым коллективам работников. Формой политического устройства предполагалась Трудовая республика. На подготовительном этапе максималисты опирались главным образом на индивидуальный террор и экспроприации, на конечном предполагали общее восстание. «Это максималисты взорвали дачу Столыпина на Аптекарском острове, это они пытались взорвать Государственный совет, они же пополнили свою партийную кассу, экспроприировав крупную казначейскую сумму в Фонарном переулке в Петербурге», — перечислит Гронский в другом источнике самые громкие акции максималистов и добавит о себе: «Я стал выполнять отелные партийные поручения. Помню, как мы, несколько человекобрачич-максималистов, выслеживали Николая II, когда тот приезжал в Офицерское собрание на Захарьевской улице. Нам удалось выяснить время, когда Николай обычно посещает собрание, установить, что охраны при нем не бывает. Убить его было бы легко, но покушение так и не состоялось...» (Там же. С. 34). Как целое партия максималистов продержалась до 1911 г. Возродилась в 1917 г.

Но что особенно я должен отметить: это очень бережное, очень внимательное отношение ко мне со стороны немногих интеллигентов, которые после подавления революции 5—7-го годов остались верны революционному знамени.

Среди них были главным образом народники: студенты, даже профессора. Наиболее близко и, пожалуй, наибольшее участие в моем развитии на первых порах принимал Иванов-Разумник¹³.

В. Д.: Встречал его.

И. Г.: С Разумником Васильевичем я встречался не очень часто, снабжал он меня книгами, кое-что указывал: что читать, как читать, на что обращать внимание. В 12-м году я связался с «правдистами»: с Сергеем Васильевичем Малышевым¹⁴, несколько позже с Демьяном Бедным¹⁵. С последним я встречался очень мало, очень редко, а с Малышевым довольно часто. Познакомился с поэтом Гастевым¹⁶ на одном из собраний металлистов...

В. Д.: Тоже запишем потом о нем.

И. Г.: ...в Народном доме графини Паниной¹⁷, познакомился с другими «правдистами». По их просьбе я собирал разные материалы о жизни рабочих Выборгской стороны, где я тогда работал, и передавал этот сырой материал в «Правду». Таким образом, в 12-м году начинается моя связь с газетами, с «Правдой»¹⁸. Пожалуй, я был одним из первых рабкоров.

Ну, грамотой большой я тогда не обладал, хотя читал очень много, читал в какой-то мере беспорядочно. Увлекался историей, перечитал уйму книг, особенно о Французской революции, о развитии социалистических идей, перечитал утопические романы, переведенные на русский язык (а их было, между прочим, довольно много), перечитал довольно порядочное количество книг русских народников. На меня в это время, в 12-м и особенно в 13-м и 14-м году, наибольшее впечатление произвели работы Чернышевского и Добролюбова¹⁹, а позже немножко — Герцена²⁰, «Исторические письма» Лаврова²¹ — евангелие народников — и «К развитию монистического взгляда на историю» Плеханова²². Кстати, в это же время я познакомился с работами киевского профессора Зиберы²³ — учитель, так сказать, Плеханова. Плеханов начал, собственно говоря, эволюционировать к марксизму под влиянием Зиберы. Книга Зиберы «Давид Рикардо и Карл Маркс в их социально-экономических исследованиях»²⁴ была одно время буквально моей настольной книгой. Я постоянно к этой книге обращался.

Участие в революционном движении — эта работа и легальная, и полулегальная, и нелегальная отрывала много времени. Но как-то я находил время и для чтения. В 14-м году в Петербурге была объявлена чуть не всеобщая забастовка. Кое-где были баррикады. И мы даже думали, что дело идет к революции²⁵. Но война, собственно, сорвала революцию²⁶. Последовали репрессии, и я попал в действующую армию на фронт, думал вести подготовку к восстанию солдат, вел нелегальную работу. Всю войну провел в автомобильных, пехотных, кавалерийских частях на полулегальном, а иногда и на нелегальном положении. Был пораженцем²⁷.

17-й год провел в действующей армии под Двинском²⁸. Был членом полкового комитета, председателем дивизионного комитета 70-й пехотной дивизии, членом корпусного комитета 14-го армейского корпуса. В апреле был избран делегатом Всероссийского фронтового съезда, который состоялся в Петербурге, в Таврическом дворце. В октябрьские дни был комиссаром военно-революционного комитета 70-й пехотной дивизии, командовал отрядами Красной гвардии, разоружал казаков, два раза был ранен.

¹³ *Иванов-Разумник Разумник Васильевич* (1878—1946) — литературовед, критик, социолог, мемуарист. Автор «Истории русской общественной мысли» 62-х томах (1906). Не был членом политических партий, но всю свою литературную жизнь, по его же словам, продолжал то направление народничества, которое определяется именами Герцена, Чернышевского, Лаврова и Михайловского. Первый раз попал под арест еще в 1901 г., а в советское время арестовывался многократно, скитался по разным тюрьмам и ссылкам. Опыт своих репрессий подытожил в книге «Тюрьмы и ссылки» (1934—1944) — одним из самых пронзительных свидетельств о ГУЛАГе до «Архипелага ГУЛАГа» Александра Солженицына. Книга «Писательские судьбы» (1942—1943) рассказывает об участии писателей в советское время: «ПОГИБШИХ за эту четверть века (расстрел, изолятор, концлагерь, самоубийство), о ЗАДУШЕННЫХ цензурой и потому замолчавших, ПРИСПОСОБИВШИХСЯ и потому процветавших» (*Иванов-Разумник. Писательские судьбы; Тюрьмы и ссылки / сост., вступ. ст. В. Г. Белоуса; подгот. текста, коммент. А. В. Лаврова и др. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 35—36*). К «задушенным» он, естественно, причислил и себя.

Со своих итоговых партийных позиций Гронский оспаривал Иванов-Разумника, но вспоминал его с благодарностью: «В своих трудах он пытался доказать, что историю делают "героические личности", интеллигенты, которые борются с мещанством, то есть безликостью и толпой. Причем борьба эта по своей широте значительно превосходит социально-политическую борьбу пролетариата с буржуазией. Иванов-Разумник делал ставку на борющегося индивидуалиста — это и сблизило его с Союзом эсеров-максималистов.

В 1914 году товарищи по партии познакомили меня с Разумником Васильевичем. Жил он в Царском Селе на Колпинской улице. Я приезжал к нему по воскресеньям. Он со мной подолгу беседовал, снабжал книгами» (*Гронский Иван. Из прошлого...: Воспоминания. С. 34*). В 1916 г. в Царском Селе на квартире у Иванова-Разумника Гронский встретился с А. А. Блоком (Там же. С. 208).

¹⁴ *Малышев С. В.* (1877—1938) — профессиональный революционер, журналист и писатель-самоучка, советский хозяйственник. Участвовал в Обуховской обороне (май 1901 г.) и в организации большой стачки каталей — портовых грузчиков (лето 1906). Был в числе учредителей Петербургского Совета безработных (1906—1907) и заместителем его председателя. С февраля до начала июня 1914 г. состоял секретарем редакции «Правды». Весной 1914 Малышев привел в «Правду» Гронского. Вскоре вместе с ее сотрудниками был сослан в Приангарский край. После революции работал в Наркомате труда. В 1922 г. по распоряжению В. И. Ленина руководил возобновлением Нижегородской ярмарки. В 1920-е гг. возглавлял Всесоюзную торговую палату и Всесоюзную книжную палату, служил в Комитете заготовок СНК. В 1930-е гг. — персональный пенсионер. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

¹⁵ *Демьян Бедный* (при рождении — Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945) — поэт-публицист и баснописец, чьи тиражи в 1920-е гг. превысили два миллиона экземпляров. Вместе с Советским правительством в марте 1918 г. переехал из Петрограда в Москву и получил квартиру в Большом Кремлевском дворце. Первым из советских писателей был награжден за литературное творчество боевым орденом Красного Знамени (1923). (Тогда этот общесоюзный орден был единственным.) Страстный библиофил, собрал колоссальную библиотеку (около 30 000 томов), которую во время опалы вынужден был продать Литературному музею. Член РСДРП (б) с 1912 г. В 1938 г. исключен из ВКП (б) с формулировкой «моральное разложение». В 1956 восстановлен в КПСС посмертно. О нем Гронский будет рассказывать далее.

¹⁶ *Гастев Алексей Капитонович* (1882—1939) — профессиональный революционер, в РСДРП с 1901 г. В 1903 г. сослан в Суздаль и дальше — в Соль-Сельск Вологодской губернии, откуда в июне 1904 г. бежал в Париж. Там работал слесарем, учился в Высшей школе социальных наук. Во время Первой Русской революции — снова в России, избран председателем Костромского Совета рабочих депутатов и руководителем боевой дружины. В 1908 г. вышел из большевистской партии, в 1910 уехал в Париж. Снова устроился слесарем, участвовал в синдикалистском и кооперативном движениях. В 1913 вернулся, в 1914 арестован и сослан в Нарымский край. После Февральской революции опять в Петрограде. Секретарь ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов (1917—1918), теоретик научной организации труда, создатель и директор Центрального института труда (1920—1938), один из идеологов Пролеткульта, автор поэтических сборников «Поэзия рабочего удара» (1918) и «Пачка ордеров» (1921). На заводе работал после второго возвращения из Парижа в Петербург и до ареста и ссылки в Нарымский край (1913—1914). В это время с ним и мог познакомиться Гронский. Арестован 8 сентября 1938 г., расстрелян 15 апреля 1939. Реабилитирован в марте 1956.

- 17 *Народный дом графини Паниной* — культурно-просветительное, воспитательное и благотворительное заведение, созданное на средства Софьи Владимировны Паниной (1871—1956) и работавшее при ее непосредственном участии и руководстве. Для строительства Дома она приобрела участок на далекой петербургской окраине близ Волкова кладбища (угол Тамбовской и Прилуцкой улиц). За строительство взялся академик архитектуры Юлий Бенуа. Дом открылся 12 апреля 1903 г. Сюда была переведена ранее устроенная Паниной бесплатная столовая для учеников начальных городских училищ Александровской части, чайная, библиотека и вечерние курсы черчения для взрослых. Здесь был оборудован гимнастический зал для детей, просторная детская читальня с органом. Центральную часть Дома занял театральный зал на тысячу мест. В полуподвальном помещении разместились мастерские для обучения слесарному и столярному ремеслам. В башенке, венчающей здание, была устроена обсерватория. Народный дом был открыт для свободных выступлений, и это стимулировало большевистскую пропаганду. Однажды, 9 мая 1906 г., под фамилией Карпов здесь выступил В. И. Ленин с речью о тактике РСДРП по отношению к Государственной думе. «Народный дом Паниной, — свидетельствует Гронский, — был очень широко использован пролетарскими партиями для подготовки рабочих Петербурга к новому штурму твердых и для подрыва влияния монархистов, в том числе и кадетов, на широкие массы мелкой буржуазии» (Там же. С. 43). В Народном доме Паниной Гронского познакомили с несколькими «правдистами», в том числе с упомянутым ранее С. В. Малышевым, и это стало началом его непосредственной связи с редакцией «Правды» и в итоге приобщило к журналистике.
- 18 *...связь с... «Правдой»*. — Ежедневная газета «Правда» издавалась с 22 апреля (5 мая) 1912 г.
- 19 *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828—1889), *Добролюбов Николай Александрович* (1836—1861) — революционные демократы, вместе с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым родоначальники народнической идеологии, направленной на сближение интеллигенции с простым народом; литературные критики публицистического толка, а Чернышевский еще и автор культового романа «Что делать?» (1862—1863), написанного под арестом, в Петропавловской крепости. Если Г. В. Плеханов отмечал, что его «собственное умственное развитие совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского» (*Плеханов Г. В. Сочинения*. Т. 6. М.: Гос. изд-во, 1925. С. 383), а В. И. Ленин говорил, что роман «Что делать?» его «глубоко перепахал» (*Валентинов Н. Встречи с В. И. Лениным // В. И. Ленин в литературе и искусстве*. 7-е изд. / сост. Н. Крутиковой. М.: Худож. лит., 1986. С. 454), то Лев Толстой относился к Чернышевскому весьма критично, Федор Достоевский — крайне негативно, а Владимир Набоков в романе «Дар» вообще изобразил его сатирически. В 1947 г. Гронский письмами из лагеря просил выслать ему «Эстетику» Гегеля и диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и перевел деньги на покупку этих книг (Там же. С. 186).
- 20 *Герцен Александр Иванович* (1812—1870) — прозаик, автор «Былого и дум» — лучших русских мемуаров XIX в., издатель (совместно с Н. П. Огаревым) газеты «Колокол» (Лондон; Женева: Вольная рус. тип., 1957—1867) и альманаха «Полярная звезда» (Там же, 1855—1868). Это ему как издателю писал кто-то (долгое время считалось: Чернышевский): «К топору зовите Русь» (письмо напечатано с подписью «Русский человек» в «Колоколе» в 1860 г.). 11 октября 1954 г. Гронский записал в дневнике: «Подписался сегодня на полные собрания сочинений А. И. Герцена и Джека Лондона. С нетерпением буду ждать книг, особенно Герцена. Люблю я его страшно, как всё свое русское, родное, великое. Да и как не любить наших революционных демократов, настоящих мужичих революционеров. Ведь мы, большевики, их прямые и законные наследники» (Там же. С. 194).
- 21 *Лавров Петр Лаврович* (1823—1900) — социолог, философ, публицист и революционер, историк, один из идеологов народничества. Полагал, что нравственный человек обязательно вступает в конфликт с несправедливым обществом. А идеальным обществом может быть только добровольный союз свободных и нравственных людей. Участвовал в студенческом движении, сблизился с Н. Г. Чернышевским, вошел в состав первой «Земли и воли». После покушения Д. В. Каракозова на Александра II был обвинен в распространении «вредных идей» и сослан в Вологодскую губернию (1867—1870). В ссылке написал свое главное сочинение — «Исторические письма», наметившие пути и средства для преобразования общества с позиций революционного народничества.
- 22 *Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918) — философ, теоретик и последователь марксизма; участник народнической организации «Земля и Воля» (1876—1879), создатель и руководитель умеренного «Черного передела» (1879—1881), основатель первой российской марксистской группы «Освобождение Труда» (1883—1903), один из основателей РСДРП (1903) и один из лидеров меньшевистской фракции. Поддерживал Временное правительство, занимал оборонческую позицию по отношению к войне. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. Считал, что она вызовет гражданскую войну, которая далеко отбросит Россию от завоеваний Февраля. Работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) обосновывает материалистический взгляд на историю, излагает основы диалектического материализма и подвергает критике народническую идеологию. В. И. Ленин писал, что на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов» (*Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 19. Июнь 1909 — октябрь 1910 / том подгот. к печати Д. Л. Кудрячиной при участии П. А. Амплеева. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 313).
- 23 *Зибер Николай Иванович* (1844—1888) — российский и украинский экономист, всю жизнь остававшийся гражданином Швейцарии, при этом полагавший себя русским, первый популяризатор экономического учения Карла Маркса в России. Окончил Киевский университет Святого Владимира (1866) и защитил магистерскую диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями», в которой проследил развитие Марксом идей экономистов-классиков. Диссертация была напечатана в Киеве (1871) за год до выхода на русском языке первого тома «Капитала» в переводе Н. Ф. Даниельсона и Г. А. Лопатина (СПб.: Издание Н. П. Полякова, 1872). Полемизируя с идеологом народничества Н. К. Михайловским, произнес фразу, ставшую крылатой у сторонников марксизма: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего путного у нас не будет». Доцент кафедры политической экономии и статистики в альма-матер (1873—1875).
- 24 *Книга Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их социально-экономических исследованиях»...* — Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях: Опыт критико-экономического исследования. Соч. Н. И. Зибера. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. — 598 с 3-е изд. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1897. — 546 с.
- 25 *В 14-м году в Петербурге была объявлена чуть не всеобщая забастовка. Кое-где были баррикады. И мы даже думали, что дело идет к революции.* — В первом полугодии 1914 г. в России под политическими лозунгами бастовало около двух миллионов человек — больше, чем за тот же период в революционном 1905 году. В Петербурге всплеск забастовочного движения пришелся на конец июня, когда питерские рабочие решили поддержать стачку на бакинских нефтяных промыслах. Там число бастующих достигло 26 000 человек. 1—2 июля в Петербурге бастовало по 5 000 человек. Но 3 июля митинг на Путиловском заводе разогнал отряд пешей и конной полиции. Уже после первого залпа два человека были убиты и пятьдесят ранены. На следующий день забастовал весь Путиловский завод — 22 000 рабочих, а всего в столице отказались работать 90 000 человек. 7 июля число забастовщиков выросло до 130 000. На Выборгской стороне, где в это время обитал Гронский, рабочие переворачивали трамваи, валяли телефонные столбы, скрепляли их проволокой, громоздя баррикады, вступали в стычки с полицией. Только манифест о вступлении России в войну с Германией от 20 июля 1914 г. взрывом патриотизма сбил революционную волну.
- 26 *Но война, собственно, сорвала революцию.* — «Все хоть сколько-нибудь отдававшие себе отчет в значении тех трагических дней, — рассказывал Гронский, — едва ли забудут огромные толпы буржуазии, интеллигенции, мелких лавочников, ремесленников, движущиеся с национальными флагами, портретами царя, а кое-где с иконами и хоругвями на Дворцовую площадь к Зимнему дворцу. Там, на площади, эти толпы пали на колени и так, покорно, ждали, когда на балконе дворца появится Николай II. Демонстрации же рабочих, особенно Выборгского района, подвергались нападению разнужданных буржуазно-мещанских толп и полиции, которые вырывали у нас и тут же рвали красные флаги и антивоенные плакаты. Завязывались самые настоящие рукопашные схватки. Получив такую поддержку, царизм обрушил на рабочих всю силу жестоких репрессий. <...> Мне и многим моим товарищам, особенно работавшим на предприятиях Выборгской стороны, приходилось скрываться» (*Гронский Иван. Из прошлого...: Воспоминания*. С. 44—45).
- 27 *Всю войну провел в автомобильных, пехотных, кавалерийских частях на полупулегалном, а иногда и на нелегальном положении. Был пораженцем.* — «Всю войну, — добавляет Гронский, — я провел в армии на нелегальном положении. Переменил за это время свыше десятка фамилий. Побывал даже в Дикой дивизии. Накануне Февральской революции служил солдатом в 279-м Лохвицком пехотном полку. Был избран председателем корпусного подпольного комитета левого блока, куда входили не только большевики, но и максималисты, анархисты-коммунисты, которых толкала к большевикам солдатская масса» (Там же. С. 48).
- 28 *17-й год провел в действующей армии под Двинском.* — Гронский рассказывал, что командир 14-го армейского корпуса генерал-лейтенант барон Будберг, заручившись поддержкой председателей полкового, дивизионного и корпусного солдатских комитетов, отказался выполнять предательский приказ ставки об отводе корпуса за Двинск. И корпус остался на месте (См. там же. С. 65—66). Там, под Двинском, и застали Гронского октябрьские события 1917 г. в Петрограде.

Переезд в Петроград. Деятельность в первые годы после революции

И. Г.: Ну, а затем я переехал в конце декабря в Петербург. В это время готовился мятеж офицеров, было сосредоточено довольно много офицеров и в Петербурге, и в окрестностях города. Партия большевиков, максималисты и левые эсеры мобилизовали пешно своих членов, и примерно две тысячи человек были приданы только что созданной ВЧК. Какое-то время я работал в ВЧК²⁹, потом поехал по организации Красной гвардии — Красной Армии в провинцию, на север, заболел, остался на своей родине в деревне Долматово у матери³⁰ и...

Иван Федулов (еще не взявший псевдоним Гронский) в декабре 1917 — январе 1917 г. Источник: архив семьи Гронских

В. Д.: Какой это губернии?

И. Г.: Это Любимский уезд Ярославской губернии. Я родом оттуда, это северо-восток Ярославщины.

В. Д.: Немножко окаете, да?

И. Г.: Да. Там я остался. Работал в уезде, был заместителем председателя исполкома, затем отправился добровольцем на фронт Восточный³¹. Там был инструктором политотдела Восточного фронта, заболел. Некоторое время лечился на родине. И в 19-м году меня Ярославский губком...

Да, в 18-м году, в июле, после мятежа левых эсеров³² (а я был в Любиме председателем объединенной организации максималистов и левых эсеров), в июле 18-го года, когда узнал о мятеже, я демонстративно вышел из партии максималистов, добился роспуска максималистской и левозсеровской организации в Любимском уезде и вступил в партию большевиков. Так что мой стаж партийный начинается с июля 18-го года.

В. Д.: Простите, можно вопрос?

И. Г.: Пожалуйста.

В. Д.: Мелкий. Левые эсеры — это всё ясно. А максималисты были частью левых эсеров или это самостоятельная партия?

И. Г.: Нет. Нет.

В. Д.: Эсеры-максималисты?

И. Г.: Да. Они назывались так: эсеры-максималисты, социалисты-революционеры-максималисты. В 1906 году на съезде эсеровской партии произошел раскол на... левая часть съезда вышла из партии, и образовалась новая партия, которая назвалась Союз социалистов-революционеров-максималистов.

В. Д.: Это Каляев?..

И. Г.: Нет, Каляев остался эсером³³. Эта партия была крайне левой в народничестве. Она считала возможным осуществление социалистической революции, то есть программы-максимум. Как вы знаете, у партий были программы-минимум — это буржуазно-демократическая революция, и программа-максимум — это социалистическая революция. Так вот максималисты стояли за возможность проведения в России после свержения самодержавия социалистической революции.

В чем отличие максималистов от большевиков? Большевики считали, что путь к социалистической революции лежит через буржуазно-демократическую революцию, что перескакивать, перепрыгивать через буржуазно-демократическую революцию нельзя. Максималисты в этом отношении... какое-то у них было сходство с троцкистами. Троцкий говорил: «Без царя, а правительство — рабочее»³⁴, то есть он перескакивал через буржуазно-демократическую революцию. Вот максималисты тоже перескакивали через буржуазно-демократическую революцию и думали, что возможно сразу перейти к осуществлению

социалистических задач в революции.

Как они решали вопрос о власти? Большевики считали, что в результате пролетарской социалистической революции устанавливается диктатура пролетариата на весь период: от капитализма до коммунизма. Максималисты считали — диктатура трудящихся, власть трудящихся, то есть против всех эксплуататорских классов: помещиков, буржуазии, кулачества и так дальше. У большевиков — национализация земли, банков, промышленности, транспорта и так дальше.

У максималистов — социализация земли, банков, предприятий и прочее. Национализация — социализация, то есть это какая-то разновидность радикализма, по сути дела.

В. Д.: Вы вступили в партию большевиков...

И. Г.: В 18-м году. Работал там, уехал на фронт.

В. Д.: Как раз когда шло эсеровское восстание, вы вышли из партии?..

И. Г.: Да.

В. Д.: Значит, июль 18-го года.

И. Г.: Да. Теперь еще. Максималисты сосредоточили всю революционную борьбу к террору. Я принимал в нем участие. Террор и экспроприация. Ну, они взорвали дачу Столыпина в 10-м году...³⁵

В. Д.: Максималисты взорвали?

И. Г.: Максималисты. Максималисты хотели взорвать Государственный совет, так называемую «Звездную палату»³⁶. Максималисты убили целый ряд царских сатрапов, некоторых...

В. Д.: Савинков к ним примыкал или нет?

И. Г.: Нет, Савинков правый, правый эсер. Он к максималистам не имел никакого отношения³⁷.

В. Д.: А министр Плеве?³⁸

И. Г.: Это всё было раньше.

В. Д.: Всё раньше?

И. Г.: Да. Ну, вот, тут было несколько таких сравнительно мелких убийств: деятелей жандармского управления и прочие, и прочие, и прочие. Целый ряд экспроприаций было проведено: в Фонарном переулке³⁹, там в других... Причем деньги частично шли и большевикам. Большевики обращались к максималистам о помощи на издания, и максималисты делились с большевиками теми средствами, которые добывали путем экспроприации. Между прочим, максималисты шли в 17-м году, между февралем и октябром, вместе с большевиками. Так, например, оставили после июльских событий⁴⁰, в которых максималисты принимали участие, особенно кронштадтские матросы, там были сильны максималистские организации, вышли, ушли, покинули зал заседания большевики и максималисты, двадцать один человек⁴¹. Дальше, когда надо было разогнать Учредительное собрание⁴², комендантом Таврического дворца был назначен большевик Урицкий⁴³, а начальником караула максималист матрос Железняк⁴⁴.

В. Д.: Ах, вот этот самый Железняк!

И. Г.: И матрос Железняк, максималист, потом большевик, разогнал Учредительное собрание, тоже мой, собственно, приятель, вместе с ним мы выступали на собраниях...

Варвара Аветовна Арутчева:⁴⁵ Это тот, который в песню вошел, Железняк?⁴⁶

И. Г.: Да-да-да-да. Вот это тот самый Железняк. Ну вот. В 19-м году я заболел. Меня демобилизовали. Я приехал с фронта подлечиться на родину. И в 19-м году был отозван Ярославским губкомом и назначен редактором «Известий Ярославского губисполкома», заведовал губернским отделением РОСТА и был председателем Пролеткульта⁴⁷. Весь 19-й год я работал в Ярославле. И весной, ранней весной, вероятно, в марте [1920 г.], может быть, в апреле, меня отправили лечиться. Центральный комитет, куда я за путевкой... вместо путевки в санаторий дал мне путевку в Курск. Я протестовал. Говорю, что болен, что надо лечиться. И секретарь ЦК Серебряков⁴⁸, которого я знал раньше, он предложил мне созвониться с Владимиром Ильичом.

Разговор с Лениным был довольно любопытным. Я жаловался на болезнь, а Владимир Ильич настаивал на немедленной поездке в Курск. Он говорил: «Губерния накануне восстания. Центральный комитет дает вам карт-бланш, но... чтоб восстания не было»⁴⁹. И сколько я ни протестовал, мне пришлось взять путевку в Курск, поехать в Курск, где я был избран в городской и губернский комитеты партии и секретарем губернского комитета партии.

²⁹ *Какое-то время работал в ВЧК...* — В книге воспоминаний Гронский добавляет: «Только что созданная ВЧК спешно формировала боевые дружины и летучие отряды по охране узловых пунктов столицы, по пять-шесть человек в каждом. Одну из таких групп поручили возглавлять мне. В ВЧК я проработал две-три недели» (Там же. С. 73).

³⁰ *...потом поехал по организации Красной гвардии, Красной Армии в провинцию, на север, заболел, остался на своей родине в деревне Долматово у матери...* — И об этом Гронский чуть подробнее рассказывает в книге воспоминаний: «После роспуска отрядов меня направили уполномоченным по формированию частей Красной гвардии и зарождающейся регулярной армии, которую мы тогда называли социалистической армией. Мне предстояло поехать в Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губернии, но довелось побывать лишь в Ярославле, да и то недолго: в Ярославле я сильно заболел и слег, сказались ранения и сильнейшее переутомление. Для отдыха и лечения приехал на родину в деревню Долматово» (Там же. С. 73—74).

³¹ *...отправился добровольцем на фронт Восточный.* — Поздней осенью 1918 г. Гронский из Любима ушел на фронт. Штаб Восточного фронта находился в Арзамасе. Под напором противника красные части на отдельных участках вынуждены были отходить. В ближайшем тылу вспыхивали воинские мятежи. Наводить порядок отправляли Гронского. В феврале 1919 г. в связи с обострением туберкулеза он был демобилизован и вернулся в Любим.

³² *Мятеж левых эсеров* — выступление левых эсеров с опорой на Боевой отряд ВЧК под командованием Д. И. Попова против большевиков 6—7 июля 1918 г., подавленное с использованием пулеметов, броневиков и артиллерии. 11 июля партия левых эсеров была объявлена большевиками вне закона.

- 33 *Калыев Иван Платонович* (1877—1905) — участник Боевой организации эсеров, террорист, убийца великого князя Сергея Александровича (4 февраля 1905). Приговорен к казни. Повешен в Шлиссельбургской крепости 23 мая, а организованные группы эсеров-максималистов появились лишь в конце года, а Союз эсеров-максималистов оформился в 1906 г.
- 34 *«Без царя, а правительство — рабочее»* — незамысловатый пропагандистский лозунг, предложенный Александром Львовичем Парвусом вскоре после 9 января 1905 г. Приписывался Л. Д. Троцкому и для его дискредитации хитроумно увязывался с идеей перманентной революции.
- 35 *...взорвали дачу Столыпина в 10-м году...* — Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин умер в Киеве 5 сентября 1911 г. от ранения, задевшего печень, при 11-м покушении. Здесь же речь о попытке убить его за пять лет до убийства. В субботу, 12 августа 1906 г., он с двух часов дня вел прием в своей резиденции на Аптекарском острове в Петербурге. Около половины третьего к дому подъехал экипаж, из него вышли двое в жандармской форме с портфелями в руках. В первой приемной, столкнувшись с генералом, который записывал на прием, они бросили портфели к следующим дверям и кинулись наутек. Раздался мощный взрыв, от которого 27 человек погибли на месте, 33 были тяжело, некоторые смертельно ранены. Пострадали и дети Столыпина: 12-летняя Наташа, с изуродованными ногами на всю жизнь оставшаяся инвалидом, из-летний Аркадий. Дверь в кабинет Петра Аркадьевича сорвало с петель, но сам он уцелел. Взрывные снаряды были изготовлены в динамитной мастерской, устроенной большевиками на московской квартире А. М. Горького.
- 36 *Максималисты хотели взорвать Государственный совет, так называемую «Звездную палату»* — Государственный совет (первоначально Непременный совет), существовавший с 1801 г. как совещательный государственный орган при российском императоре, в 1906 г. был преобразован в верхнюю законодательную палату, которая теперь занималась законодательством наравне с Государственной думой. Полотно И. Е. Репина (с помощниками И. С. Куликовым и Б. М. Кустодиевым) «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения» (1901—1903), созданное для Марининского дворца, в ротонде которого с двухъярусной колоннадой и высоким куполом с круглым окном в центре проходили собрания Государственного совета, показывает, как выглядел он изнутри. В начале июля 1906 г. боевики Союза эсеров-максималистов несколько раз посещали заседания Государственного совета, разрабатывая план его захвата. Несколько террористов-смертников должны были ворваться во дворец и, угрожая взрывом, потребовать низложения Николая II, передачи власти народу и принятия закона о социализации земли, заводов и фабрик. Роспуск Совета на каникулы предотвратил эту акцию.
- 37 *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — один из лидеров Партии социалистов-революционеров, член эсеровской Боевой организации (1903—1906), заместитель ее руководителя Е. Ф. Азефа. Член ЦК ПСР (с 1905); писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист). Участвовал в подготовке убийств министра В. К. Плеве (1904) и Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (1905). После разоблачения Азефа как провокатора возглавлял Боевую организацию (1909—1911). Был причастен к покушению на министра внутренних дел И. Н. Дурново, Московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова и др. Автор романа о террористах «То, чего не было» (1912—1913).
- 38 *Плеве Вячеслав Константинович фон* (1846 — 15.7.1904) — министр внутренних дел Российской империи (1902—1904), назначенный на этот пост после того, как был застрелен прямо в помещении Государственного совета Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853 — 2.4.1902), его предшественник (1899—1902). Взорван бомбой, брошенной в его карету членом Боевой организации эсеров Е. С. Созоновым на Измайловском проспекте перед Варшавским вокзалом.
- 39 *Экспроприация в Фонарном переулке*. — 14 октября 1906 г. 16 боевиков-максималистов с бомбами и револьверами атаковали на углу Фонарного переулка и набережной Екатерининского канала наемный экипаж, в котором сотрудники портовой таможи перевозили в Губернское казначейство на Казначейской улице крупную сумму в деньгах и процентных бумагах. Карету охранял конвой из шести конных жандармов. Нападающие захватили два баула из верблюжьей кожи. В одном находилось 4 000 рублей золотом, в другом — 362 тысячи кредитками. Ранены были три жандарма, два дворника и двое прохожих. Два боевика погибли. Четверо были схвачены на месте. Еще двух арестовали через несколько часов. 17 октября военно-полевой суд приговорил их к смерти. На следующий день они были повешены в Кронштадте на Северной батарее. Деньги остались у максималистов.
- 40 *Июльские события 1917 г. в Петрограде*. — Подогреет большевистской пропагандой массовое (до полумиллиона демонстрантов) выступление солдат Петроградского гарнизона, заводских рабочих и матросов Кронштадта (3—5 июля 1917) под лозунгами немедленной отставки Временного правительства и передачи власти Советам. В ночь на 4 июля ЦК и ПК РСДРП (б), Военная организация при ЦК и Межрайонный комитет РСДРП приняли решение возглавить «мирную, но вооруженную» демонстрацию. Анархисты к лозунгу «Долой Временное правительство!» добавили лозунг «Безвластие и самоуправство!». На углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы отряд кронштадтских матросов был обстрелян из пулемета, три человека погибли, более десяти ранены. Перестрелки вспыхивали на углу Невского и Садовой, у Николаевского вокзала, на Обводном канале... В советской историографии настаивали, что выступление было стихийным, а большевики подключились к нему, чтобы сдержать кровопролитие. Но правительство не без оснований считало, что это была прямая попытка большевиков захватить власть. После подавления беспорядков у большевиков отобрали дворец Кшесинской, где располагался их штаб, разгромили редакцию «Правды». Троцкого посадили в «Кресты». Ленин и Зиновьев спрятались в Разливе.
- 41 *...покинули зал большевики и максималисты, двадцать один человек*. — Здесь Гронский говорит об одинаковой реакции большевиков и максималистов на отказ Учредительного собрания принять написанную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Большевики покинули заседание в начале третьей ночи, максималисты — в четыре утра.
- 42 *Разгон Учредительного собрания*. — Заседание Учредительного собрания, открывшееся в Таврическом дворце 5 января 1918 г., было прервано начальником караула в пятом часу утра 6 января. В 4:40 делегаты расходятся, постановив собраться в тот же день в 17:00. Однако вечером двери дворца были заперты. А перед входом стоял караул с пулеметами и двумя пушками. 9 января был опубликован Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания, принятый 6 января.
- 43 *Урицкий Моисей Соломонович* (1873—1918) — участник революционного движения с начала 1890-х гг. Был в ссылке в г. Олүмкинское Якутской губернии, в Вологде и Архангельской губернии. В октябрьские дни 1917 г. входил в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием и в Петроградский Военно-революционный комитет. После революции назначен комиссаром во Всероссийскую комиссию по делам о выборах в Учредительное собрание. После переезда правительства в Москву стал председателем Петроградской ЧК и народным комиссаром внутренних дел Петрокоммуны. Застрелен Л. И. Каннегисером утром 30 августа 1918 г. в вестибюле Наркомата внутренних дел в здании Главного штаба на Дворцовой площади (в 1918—1944 площадь Урицкого). Похоронен на Марсовом поле.
- 44 *...матрос Железняк*. — Здесь: балтийский матрос-анархист-максималист Анатолий Григорьевич Железняков (1895—1919), который, разгоняя заседание Учредительного собрания, произнес глумливую фразу: «Караул устал...» Нестор Махно уже в эмиграции напечатал воспоминания о матросе Железнякове, который, по словам бабки, «сделал большую ошибку, вслед за Учредительным собранием не разогнав Совет Народных Комиссаров» (*Волковинский В. Н.* Нестор Иванович Махно // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 55).
- 45 *Арутючева Варвара Аветовна* (1900—1991) — многолетний хранитель рукописного фонда Библиотеки-музея В. В. Маяковского, текстолог. Ее статья «Записные книжки Маяковского» была напечатана в первой книге 65-го тома «Литературного наследства» — «Новое о Маяковском» (М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 325—396). Для очередного, 66-го тома с тем же названием готовила исследование беловых рукописей Маяковского, но после того, как Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей в постановлении от 31 марта 1959 г. объявила 65-й том «грубой ошибкой», 66-й том так и не вышел, хотя общая нумерация выпущенных томов уже перевалила за сотню. Посмертно напечатана ее статья о Маяковском «Почтенный сотрудник «Известий»» («Вопросы литературы». 1990. Ноябрь — декабрь. С. 99—131). Участвовала в издании третьего Полного собрания сочинений Маяковского в 13 томах (1955—1961) и на рубеже 1980—1990-х гг. начинала работу в группе, приступившей к подготовке нового, 20-томного Полного собрания сочинений поэта. Одно время была литературным секретарем К. И. Чуковского. Упоминается в его дневниках 2 и 4 февраля 1943 г., 1 марта 1944 («Аветовна милая»). 21 марта («Варенька Арутючева»), 1 апреля, 7 мая 1953, 21 февраля 1955, 1 апреля 1964. В конце февраля — начале марта 1966 г. в доме у Дувакина при мне Варвара Аветовна сказала, что Корней Иванович снова приглашает ее в секретари, но она уклоняется из-за все более напряженных отношений между его наследниками.
- 46 *Это тот, который в песню вошел, Железняк?* — В песне «Матрос Железняк» («В степи под Херсоном — / Высокие травы, / В степи под Херсоном — курган...») на слова Михаила Голодного от реального Железнякова взята только часть фамилии. Реальный Железняков не плутал в степи («Он шел на Одессу, / А вышел к Херсону...» — не про него), в последнем бою не пробивался штыком и гранатами — Железняков командовал бронепоездом, попавшим в засаду и вырвавшимся из нее возле станции Верховцево, где и был смертельно ранен. Скончался на следующий день, 26 июля 1919 г., на станции Пятихатки. Расстояние по трассе от Верховцева до Херсона, где погиб герой песни, более трехсот километров. Через неделю, 3 августа, Железняков был похоронен, но не под курганом, заросшим бурьяном, вблизи Херсона, а в Москве на Ваганьковском кладбище.
- 47 *Пролеткульт* (Пролетарские культурно-просветительные организации) — массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности (1917—1932), с 1920 г. в подчинении Наркомата просвещения. К этому времени на местах насчитывалось около ста отделений Пролеткульта, объединявших примерно 80 000 человек и выпускавших 20 журналов. Пролеткульт пытался разрешить две основные задачи: разрушить старую, дворянскую культуру и создать новую, пролетарскую. С первой пролеткультовцы справились гораздо успешнее.
- 48 *Серебряков Леонид Петрович* (1888 или 1890—1937) — член ЦК РКП (б) (1919—1921), член Оргбюро ЦК РКП (б) (март — ноябрь 1919). Впоследствии один из лидеров левой оппозиции (вместе с Л. Д. Троцким, К. Б. Радеком, Х. Г. Раковским, И. Н. Смирновым и др.). На процессе по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к смерти. Расстрелян 1 февраля 1937 г. Реабилитирован в 1986 г. В 1987 восстановлен в партии.

⁴⁹ *Разговор с Лениным <...> чтоб восстания не было.* — В книге воспоминаний этот эпизод изложен подробнее: «В конце марта 1920 года я прибыл из Ярославля в Москву для получения путевки в санаторий. Но вместо нее получил другую “путевку” — на партийную работу в Курск. Узнав о новом поручении, я в разговоре с секретарем ЦК Л. П. Серебряковым высказал сомнение: справлюсь ли? Он не спорил, а просто сказал: “Решение о направлении тебя на партийную работу в Курск принято по предложению Владимира Ильича Ленина. Если хочешь, я соединю тебя с ним по телефону”. Он тут же набрал номер Владимира Ильича по “вертушке” и передал трубку. Услышав мою ссылку на болезнь, Владимир Ильич сказал: — Мы все, батенька, больны, а работать надо. В Курске тоже есть врачи, они подлечат. За нас никто ничего не сделает. В губернии положение сложилось архитрудное — там бандиты, пахнет контрреволюционным мятежом. Так что вы уж не откладывайте, выезжайте сегодня же! ЦК дает вам задание, делайте что хотите, но чтобы восстания не было. Мы даем вам карт-бланш. Я попытался было возражать, но Владимир Ильич перебил меня: — Нет-нет, и не думайте отказываться. ЦК дает вам поручение познакомиться с положением и действовать решительно. Смотрите, чтобы мятежа не было. Это — главное! Я поблагодарил Владимира Ильича за доверие и положил трубку на аппарат. — Ну что! — улыбнулся Серебряков. — Я говорил тебе, что спорить ни к чему. Надо ехать» *Гронский Иван. Из прошлого...: Воспоминания. С. 88.*

Работа была трудная. Восстания в Курске не было. Но в губернии был развит бандитизм.

Приведу вам один занятный эпизод. Я поехал по уездам, на машине, но между Щиграми и Тимом⁵⁰ машина испортилась, мне пришлось воспользоваться лошадьми. Провел я конференцию в Тимском уезде и с возницей ехал на линейке в Курск. Едем лугом, впереди лес, дорога просматривается. На краю дороги, в стороне, свалены бревна, на бревнах сидят люди, у некоторых винтовки, обрезы. Мне возница говорит, что это бандиты. Что делать? Ну, удирать нельзя было: пуля достанет. Я распорядился: «Поезжай прямо. Когда подъедем к бандитам, я тебе скажу остановиться — ты остановись. Сиди на линейке, ни во что не вмешивайся». Так и было сделано. Я сошел с линейки, подошел к этим бандитам, поздоровался, говорю: «Ну-ка, пододвинься», сел посередине, вынул папиросы, закурил. (Ну, у меня маузер большой.) Разговорился. Я говорю: «Ну что, бандитствуете?» Мрачно отвечают: «Бандитствуем. А ты, небось, начальство?» Я говорю: «Да. Секретарь губернского комитета». — «Самое главное начальство в губернии?» — «Да, самое главное». Уговаривал их бросить бандитизм и возвращаться по домам. Они заметили, что, дескать, расстреляют. Я говорю: «Никого не тронем. Волос с головы не упадет. Сдавайте оружие, идите по деревням. Никто из вас не будет привлечен ни к какой ответственности». Приехал в Курск... Потом распростился с ними, сел на линейку, тихо проехали метров примерно сто-двести: «Ну, а теперь гони!»

Так вернулся в Курск, дал распоряжение, чтобы принимали оружие, выдавали справку о том, что оружие сдано, и людей не трогали. Спустя некоторое время я поехал в эти охваченные бандитизмом деревни. Так с мужиками поговорил. Они бросили бандитизм, уже занялись сельским хозяйством. И в период коллективизации одна из наиболее охваченных бандитизмом деревень, там был организован колхоз, и этот колхоз был назван моим именем. И мне мужики напоминали времена 20-го года, приезжали ко мне, гостили у меня.

⁵⁰ *Щигры, Тим* — уездные города Курской губернии, названные по рекам, на которых стоят. Щигры — в 62 км северо-востоку от Курска, Тим — в 75 км к востоку от того же Курска. Расстояние между Щиграми и Тимом 35 км.

Переезд в Москву. Происхождение фамилии

После этого я переехал... меня ЦК перевел в Москву, я заведовал учраспредом МК⁵¹, потом поступил в Институт Красной профессуры⁵².

В. Д.: А лечиться когда же?

И. Г.: А лечиться не удавалось.

В. А.: А фамилия, простите, это подлинная или псевдоним?

И. Г.: Это псевдоним отца, который перешел в фамилию. Эта фамилия уже подлинная. Фамилия прадеда Абросимов, Федул Иванович Абросимов, дед при освобождении из крепостной зависимости был назван по имени отца — Федулов. Тогда или по кличке давали фамилию, или по имени отца. Мой отец родился крепостным, и фамилию эту ненавидел. Он ездил в 5—6-м году в Польшу нелегально, и как раз это была... он получил паспорт под видом какого-то деятеля, в паспорте значилась фамилия Гронский. Я узнал об этом от друзей отца и в 19-м году отбросил ту старую фамилию и взял фамилию...

В. Д.: Фамилию Гронский.

И. Г.: ...псевдоним отца. Псевдоним отца стал моей фамилией.

В. Д.: Которая звучит по-польски.

И. Г.: Да. Так вот, я окончил Институт Красной профессуры в 25-м году. Во время учебы вел курс политической экономии в Первом московском педагогическом институте⁵³, где я был проректором по учебной части. Затем занимался организацией нового института — Высшего индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта⁵⁴. В этом институте я был проректором по учебной части, председателем научно-методического бюро и занимал кафедру.

⁵¹ *...я заведовал учраспредом МК...* — В числе нескольких курян Гронский участвовал в работе VIII Всероссийского съезда Советов (22—29 декабря 1920). Заседанием этого съезда, на котором Г. М. Кржижановский докладывает о планах электрификации России (ГОЭЛРО), А. Н. Толстой заканчивает роман «Хождение по мукам». После окончания съезда Гронский и был назначен заведующим учетно-распределительным отделом Московского комитета РКП (б). Учраспред МК оперативно перебрасывал партийные кадры на проблемные участки: в начале 1921 г., например, отправлял коммунистов из московских учреждений, в частности слушателей Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, на бастующие предприятия, чтобы любой ценой прекратить стачки, или мобилизовывал коммунистов по Москве для подавления Кронштадтского восстания.

- ⁵² *Институт Красной профессуры* — высшее (первоначально трехлетнее) учебное заведение для подготовки преподавателей общественных наук в вузах и руководящих партийных работников. Институт находился в ведении Наркомпроса (до 1928), но под общим началом агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б). Открыт в октябре 1921 г. Размещался в бывшем Катковском лицее (последний дом по нечетной стороне Остоженки), рядом с мостом через Москва-реку. Первое время слушатели жили в кельях бывшего Страстного монастыря. На первый курс первого набора (1921—1924) после весьма серьезных экзаменов было принято около ста человек, среди них и Гронский, окончили институт в срок примерно 60—65. Гронскому пришлось почти на год прервать занятия и полностью переключиться на работу в Коломне, куда его направили секретарем уездного комитета партии. И он окончил институт только летом 1925 г. «Преподавали в институте видные ученые того времени, — рассказывал он, — люди подчас самых разных политических убеждений. Назову немногих. Политэкономия, например, преподавали большевики Н. И. Бухарин и Ш. М. Дволайцкий, только что вышедший из тюрьмы член ЦК меньшевиков Рубин — крупнейший знаток теории стоимости, Трахтенберг, тоже меньшевик, по теории кредита специализировался Кутлер — бывший кадет; Г. Е. Зиновьев вел семинары по ленинизму; социал-демократ А. М. Деборин — по историческому материализму, кадет А. Н. Савин — по истории Англии. Теоретическую экономию изучали, начиная с сэра Уильяма Петти и Буа Гильбера и кончая Марксом и Лениным. То же самое и с философией — Фихте, Кант, Шеллинг, Гегель, Фейербах; английские эмпирики, французские материалисты. Занимались западной и русской историей. Каждый слушатель в течение года представлял два реферата и готовил бесчисленное множество докладов. Литературу подбирали сами» (Там же. С. 104).
- ⁵³ *Во время учебы вел курс политической экономии в Первом московском педагогическом институте*.— Первым московским педагогическим институтом Гронский называет Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса, открытый летом 1921 г. в Дурном переулке, 6 (теперь Лялин пер.) и ликвидированный летом 1924 г. с передачей функций Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Все слушатели ИКП со второго курса обязаны были преподавать в том или ином вузе. Гронский читал в институте цикл лекции о средневековых реформаторах, крестьянских войнах и предшественниках новейшего социализма.
- ⁵⁴ *Высший индустриально-педагогический институт* — первый советский индустриально-педагогический вуз. Основан в 1923 г. Готовилинженеров-педагогов для сети фабрично-заводского обучения, техникумов и средних школ. В 1932 г. переименован в Московский педагогический институт им. Карла Либкнехта. В 1943 г. присоединен к МГПИ им. В. И. Ленина.

Работа в Коломне

В. Д.: Чего? Какую кафедру?

И. Г.: Политической экономии. После окончания института я должен был поехать в Англию, к профессору Кейнсу⁵⁵, завершать образование. Это консультант Лиги Наций⁵⁶, крупнейший буржуазный экономист. И вот я должен был ехать в Англию, так сказать, завершить образование работой с Кейнсом. Но в это время умер Ленин, ленинский призыв в партию⁵⁷, и в Коломне два события заставили Центральный Комитет и Московский комитет обратить внимание на этот город. Во-первых, там колоссально выросли партийные организации. Ну, например, ячейка Коломенского завода⁵⁸ выросла до двух тысяч пятисот человек в то время. Это крупнейший завод в Москве и Московской области, да и, пожалуй, в России. В 24-м году на нем работало восемнадцать тысяч рабочих, пятьдесят два цеха. Завод делал всё: трактора, дизеля, корабли — всё, что хотите. В Озёрах⁵⁹, которые входили в Коломенский уезд, ячейка выросла до полутора тысяч человек, на Механическо-артиллерийском заводе⁶⁰ — до пятисот и так дальше. Это одно.

И другое. В Коломне было крупнейшее паровозостроительное конструкторское бюро, пожалуй, лучшее в Европе, и паровозники занялись вредительством: десять паровозов, построенных, новеньких, были сданы, отправлены на линии и — не могли работать: построены вредительски. И мне пришлось... меня вызвал МК, и потом ЦК, и поручили, предложили туда поехать пропагандистом с тем, что я буду избран секретарем губкома и займусь разоблачением вредительства, что надо раскрыть вредительство...

В. Д.: Какой это год был?

И. Г.: 24-й. Я поехал в Коломну, скоро был избран в уездный комитет партии, секретарем уездного комитета партии, и вместе с местным председателем ЧК занялся раскрытием вредительства на Коломенском машиностроительном заводе. Я не буду вам рассказывать, как это проходило. Одним словом, удалось раскрыть всю вредительскую организацию. Я жил в Доме приезжих, это напротив Коломенского завода⁶¹. Ночью я вызвал к себе... Как ночью? Часов в десять примерно, в одиннадцать вызвал к себе руководителя вредительской организации, крупнейший инженер, я фамилию сейчас его не помню, и предложил ему честно работать с советской властью. Ну, он начал хорохориться. Я тогда достал снимки с писем, которые шли от вредителей к бывшим акционерам и от акционеров к вредителям, сообщения в письмах о деньгах, которые они получили, как распределяли, кому сколько, и так дальше. Говорю: «Видите, вы у нас в руках, мы всё о вас знаем, всех участников вредительства знаем. А тут выбирайте одно из двух: либо вы будете честно работать, либо вас поставим к стенке. В общем, удалось договориться, и этот инженер дал слово, что вредительская организация будет распущена, что всякие связи с зарубежом будут порваны, ликвидированы, что завод будет работать как часы. И все материалы, собранные весьма тщательно, я лично из рук в руки передал Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому⁶². Условились, что эти инженеры, кроме человека, с которым я разговаривал, даже не знали, от нас по крайней мере, о том, что они разоблачены. В общем, этих инженеров не тронули.

В. Д.: Так они погибли?

И. Г.: Никого не тронули. Ни на допрос не вызывали, ничего, пальцем не тронули. Я в 27-м году приехал в Коломну. Этот инженер ко мне подошел: «Иван Михайлович, я вам очень благодарен». Я говорю: «К вам не придираются?» — «Ну что вы! Великолепные отношения у меня со всеми организациями». Даже в период культа личности эти инженеры не были арестованы.

В. А.: А что, материалы сохранились на них?

И. Г.: Я передал Дзержинскому, а куда они дальше девались, я не знаю. Я этим делом перестал заниматься. Я вернулся обратно, в Институт профессуры, закончил институт, был назначен, по распределению, ректором Урало-Сибирского университета⁶³ и, по договоренности с Цуриновым, должен... Он тогда был секретарем Уральского обкома. ...<я> должен был войти в Уралобком, в бюро Уралобкома и так дальше.

- ⁵⁵ Кейнс Джон Мейнард (1883—1946) — ведущий английский экономист, «отец макроэкономики», редактор журнала *The Economic Journal* (1911—1944), автор книги «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919), предупреждавшей о негативных последствиях чрезмерного ущемления Германии. Начиная с 1920-х гг. занимался проблемами будущего мировой экономики и финансов, поисками эффективной экономической модели. Был не только крупным теоретиком в области экономики, но и успешным практиком. К моменту смерти его инвестиционный портфель превышал 12 миллионов фунтов стерлингов (по нынешнему курсу). В 1925 г. женился на балерине дягилевской антрепризы Лидии Лопуховой. В этом же году, в сентябре, впервые побывал в СССР, получив приглашение на празднование 200-летия Академии наук. Затем еще дважды, в 1928 и 1936 гг., приезжал на родину жены с частными визитами. В книге «Беглый взгляд на Россию» (1926) определил коммунистическую идеологию как форму религии. Но избежал предубеждения относительно большевистской власти: «Я не могу ненавидеть новых тиранов меньше, чем старых. Но из жестокости и глупости старой России не выросло ничего, тогда как за глупостью и жестокостью новой России могут скрываться проблески идеала». Правда, уже в начале 1930-х гг. он отмечает, что социализм захватывает власть, чтобы добиться экономической целесообразности, но, достигнув некоторого благосостояния, делает лишь то, что является экономически нецелесообразным.
- ⁵⁶ Лига Наций (1919—1946) — международная организация, нацеленная на разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между государствами дипломатическим путем, в также улучшение качества жизни на планете. В Лигу Наций входило до 58 государств. Активы и обязательства Лиги Наций перешли в ООН.
- ⁵⁷ Ленинский призыв в партию — массовый прием в РКП (б), начавшийся после смерти В. И. Ленина. За четыре месяца партия увеличилась почти на 200 тысяч членов — с 485 тысяч до 680 тысяч. При этом в отчетном докладе XIII съезду партии И. В. Сталин отметил, что 60 % «ленинского призыва» являются «политнеграмотными», а значит, вступившими в правящую партию преимущественно ради карьеры.
- ⁵⁸ Коломенский завод (в прошлом Механический и литейный завод инженеров братьев Струве; с 1935 г. Коломенский тепловозостроительный завод им. В. В. Куйбышева) — крупное машиностроительное предприятие, в начале XX в. сосредоточенное на изготовлении паровозов, вагонов, мостового оборудования, пароходов, паровых двигателей, локомотивов и станков. В 1911 г. здесь был спущен на воду первый в мире речной винтовой теплоход с дизельным двигателем. После упадка в первые годы после революции завод постепенно начал возрождаться. Центральная проходная завода и несколько корпусов расположены на улице Партизан, 42.
- ⁵⁹ Озёры (Озёрки) — рабочий поселок (1921—1925) в котловине на левом берегу Оки. Расстояние от Коломны по трассе — 36 км, по прямой — 30. По воспоминаниям Гронского, «Озёра от Коломны — примерно в 40 километрах, туда есть железнодорожная ветка» (Противостояние в Озерах / публ. Светланы Гронской // Журналист. 2013. № 4. С. 92).
- ⁶⁰ Механическо-артиллерийский завод — Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод. С 1948 г. Коломенский завод тяжелого станкостроения.
- ⁶¹ ...напротив Коломенского завода. — Значит, на нечетной стороне улицы Партизан.
- ⁶² Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — глава нескольких комиссариатов, основатель и руководитель ВЧК. Гронский обращается к нему как к председателю ОГПУ СССР при СНК СССР (1923—1926).
- ⁶³ Урало-Сибирский коммунистический университет — свердловский вуз, дававший управленческое образование. Открылся в 1924 г.

Работа в «Известиях»

И. Г.: Я собрался ехать в Свердловск, [но] получил другое постановление с назначением в «Известия». Дело в том, что старая редакция Юрия Михайловича Стеклова была снята⁶⁴, по постановлению ЦК, и назначен новым редактором Скворцов-Степанов⁶⁵. Постановлением ЦК были направлены в «Известия» Борис Ефимович Штейн, работник Наркоминдела, потом секретарь Лиги наций⁶⁶, я, Котомка⁶⁷ и еще кто-то.

Вначале я в «Известиях» короткое время заведовал экономическим отделом, отделом критики и библиографии, затем вошел в редколлегию, затем ЦК утвердил меня заместителем редактора. И после смерти Скворцова-Степанова⁶⁸, в октябре 28-го года я был утвержден главным редактором «Известий»⁶⁹.

Новое здание «Известий»

В. Д.: А <нрзб>, значит, уже после вас?

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что... проходило в это время... «Известия» переживали довольно трудные дни. Там сложилась

еще при жизни Скворцова-Степанова оппозиция. Причем руководили оппозицией редакционные работники. И когда Скворцов умер... а я был в Германии, потом приехал, поехал на маневры, приехал с маневров, Скворцов (мы разомкнулись двумя днями) уже уехал в Сочи, и в это время как раз вот вспышка оппозиции.

В. Д.: Простите, а Скворцов уехал в Сочи еще будучи редактором?

И. Г.: Да, да, конечно.

В. Д.: Он не умер еще?

И. Г.: Нет. Он ехал в Сочи отдыхать. А я вернулся с маневров Балтийского флота. И, понимаете, сразу вошел в борьбу с этой оппозиционной группировкой, которая сложилась в «Известиях», главным образом в типографии, отчасти в редакции.

⁶⁴ ...старая редакция Юрия Михайловича Стеклова была снята...— Ю. М. Стеклов (1873—1941), присоединившийся к социал-демократам еще в 1893 г., участник революции 1905—1907 гг. и Февральской революции, историк, публицист и редактор, руководивший «Известиями» с 1917 г., был уволен в 1925 г. И после этого редактировал журнал «Советское строительство» (1928—1929), с 1929 г. был заместителем председателя Ученого комитета при ЦИК СССР, руководившего советскими учебными и научными учреждениями. Арестован 3 февраля 1938 г. 23 апреля приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к восьми годам тюремного заключения по обвинению в контрреволюционной агитации и хранении оружия. Умер в Саратовской тюрьме от дизентерии и крайнего истощения. Реабилитирован в 1956 г.

⁶⁵ Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870—1928) — историк, экономист, публицист; социал-демократ из народников, отбывавший ссылку не только в Туле и Астраханской губернии, но и в Сибири; переводчик (вместе с А. А. Богдановым и В. А. Базаровым) «Капитала» Маркса (Ленин считал этот перевод лучшим); член Московского военно-революционного комитета (октябрь 1917), член ЦК ВКП (б) (с 1925), один из организаторов советской политической цензуры, активный сторонник И. В. Сталина в борьбе с Л. Д. Троцким, а затем Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым; зам председателя редколлегии Госиздата (1921—1925), ответственный редактор газеты «Известия» (с 1925), одновременно зам ответственного редактора газеты «Правда» (с 1927), директор Института Ленина при ЦК ВКП (б) (с 1926).

⁶⁶ Штейн Б. Е. (1892—1961) — советский дипломат, историк-международник, участник Генуэзской и Гаагской конференций; куратор газеты «Известия» от Наркомата иностранных дел, фактически редактор международного отдела.

⁶⁷ Леонтий Котомка — псевдоним Владимира Иосифовича Зеленского (1890—1965), поэта-«правдиста» с дореволюционным стажем, придумавшего первый советский журнал пролетарской сатиры «Соловей» (декабрь 1917 — февраль 1918). Его первый номер от 24 декабря открывался карикатурой на разгульное застолье, подписанной двустипшием Владимира Маяковского:
*Ешь ананасы и рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.*

⁶⁸ ...после смерти Скворцова-Степанова... — Скворцов-Степанов умер в Сочи от тяжелой формы брюшного тифа 8 октября 1928 г.

⁶⁹ ...в октябре 28-го года я был утвержден главным редактором «Известий». — Далее Гронский уточняет, что до прихода в «Известия» М. А. Савельева (21 июля 1929) был временно исполняющим обязанности главного редактора. А при Савельеве стал его заместителем, как и был при Скворцове-Степанове. Полноценным главным редактором числился с 23 апреля 1931 г. по 21 февраля 1934 г.

Сталин предложил мне разогнать аппарат редакции. Разговор был очень резким.

Я отказался это сделать, заявил ему, что аппарат создавал я своими руками, все работники подобраны мной, многие из них являются моими воспитанниками и что разгонять этот аппарат я не дам.

В. Д.: Сталин в то время?.. Это какое время?

И. Г.: Генеральный секретарь ЦК⁷⁰.

В. Д.: Ну, тогда еще пост этот не имел такого значения. Какой год, говорите?

И. Г.: Это был 28-й год.

В. Д.: Значит, Троцкий был уже исключен из партии...⁷¹

И. Г.: Да.

В. Д.: Уже троцкистская оппозиция <нрзб> уже были правые.

И. Г.: Да-да-да. Уже была ликвидирована троцкистская оппозиция, преодолена, и новая оппозиция Зиновьева и Каменева была преодолена, и уже была правая оппозиция, то есть Бухарин⁷² и компания. 28-й год⁷³.

Политбюро было встревожено событиями в «Известиях». Трижды приезжал на партсобрания комбината «Известий» Михаил Иванович Калинин⁷⁴. Он настаивал на разгоне аппарата редакции. Трижды я выступал против Михаила Ивановича Калинина, и я говорил, что, пока я сижу в «Известиях», я не дам тронуть ни одного человека.

На крыше «Известий». Слева направо: Власов, Гронский, Сысоев, Санников, Рожков. Фото из уголовного дела Гронского, лица поцарапаны в НКВД. Источник: архив семьи Гронских

В. Д.: Почему вас не выгнали? *(Усмехается.)*

И. Г.: Если вам нужно разгонять аппарат «Известий», прежде всего снимайте меня, а потом разгоняйте аппарат. А пока я сижу в редакции, редактором, я не дам никого тронуть. И не порите панику. Я расправлюсь с оппозицией и, кого надо, уберу сам. Михаил Иванович после одного из собраний зашел ко мне, мы с ним по душам поговорили. Он говорит: «Я понимаю тебя, но, понимаешь, Сталин настаивает. Сталин нервничает». А почему он нервничал? Нервничал он, так сказать, оправданно. В это время в «Правде» еще сидел Бухарин, руководитель правой оппозиции. В журнале «Большевик» (теперешний «Коммунист») редакция состояла из правых. Там заправлял делами Слепков⁷⁵. В некоторых других местах, в аппаратах газет и журналов, были правые. Поэтому «Известия» были очень... играли тогда исключительно важную роль. Фактически «Известия» превратились в центральный орган партии тогда. И вот такое состояние борьбы, оно длилось примерно до 29-го года.

В. Д.: До разгрома правой оппозиции, так сказать <нрзб>...

И. Г.: Оппозиция была разгромлена уже правая, но тут борьба еще, так сказать, продолжалась, потому что за этой небольшой группочкой шли рабочие...

В. Д.: Почему Сталин нервничал?

И. Г.: Сталин... Потому что оппозиция... оппозиционеры были в «Правде», в «Большевике»⁷⁶, в других местах. Ему важно было сохранить редакцию «Известий», поскольку «Известия» фактически были тогда центральным органом партии, понимаете?

В. Д.: Это 29-й год? Это еще до 50-летия, которое было в декабре?⁷⁷

И. Г.: Сталин созвал собрание в ЦК⁷⁸. Было примерно семь человек членов Политбюро ЦК⁷⁹, бюро партийной организации «Известий», я, несколько членов редколлегии, и там Сталин заявил, что для того, чтобы Гронский мог спокойно работать, Центральный Комитет сменит весь аппарат «Известий». Он и раньше мне говорил: «Чего вы боитесь? Что у вас не будет работников? Выбирайте любого работника — ЦК вам дает возможность выбирать кого угодно».

⁷⁰ Генеральный секретарь ЦК — по замыслу сугубо аппаратная должность, учрежденная 3 апреля 1922 г. Пленумом ЦК РКП (б). Тогда же на эту должность был избран И. В. Сталин.

⁷¹ ...Троцкий был уже исключен из партии... — Л. Д. Троцкий исключен из партии 16 ноября 1927 г.

⁷² Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — русский революционер, советский государственный и партийный деятель. В годы Первой Русской революции участвовал в студенческих демонстрациях и в московском подполье. Член РСДРП (б) с 1906 г. Из ссылки в Архангельскую губернию бежал в 1911 г. за границу. В 1912 г. в Кракове познакомился с В. И. Лениным, в 1916 в Нью-Йорке — с Л. Д. Троцким, вместе с которым редактировал газету «Новый мир» (с января 1917). Вернулся из эмиграции в мае 1917 г. Член ЦК РСДРП (б)-РКП (б)-ВПК (б) (1917—1934), кандидат в члены ЦК (1934—1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б) (1919—1924), член Политбюро ЦК ВКП (б) (1924—1929). В «профсоюзной дискуссии» (1920—1921) сыграл, по его словам, роль «буфера» между Лениным и Троцким. Лидер «левых» коммунистов, выступавших против заключения Брестского мира (1918), лидер «правой оппозиции», выступавшей, в частности, против коллективизации (1928—1930). Один из ведущих экономистов-теоретиков партии. Редактор «Правды» (декабрь 1917—1929). В редакции «Известий», сменив Гронского, продержался три года (февраль 1934 — январь 1937). Арестован 27 февраля 1937 г. Через год с небольшим, 13 марта 1938, Военная коллегия Верховного суда приговорила Бухарина к смертной казни. Спустя два дня он был расстрелян. Реабилитирован Пленумом Верховного суда 4 февраля 1988 г., в июне восстановлен в партии, в мае в АН СССР.

⁷³ Уже была ликвидирована троцкистская оппозиция, преодолена, и новая оппозиция Зиновьева и Каменева была преодолена, и уже была правая оппозиция, то есть Бухарин и компания. 28-й год. — В 1920-е гг., после отхода от дел, а затем и смерти В. И. Ленина, в борьбе за единоличную власть И. В. Сталин (при поддержке Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева) последовательно устранил из реальной политики Л. Д. Троцкого, за ним (при поддержке Н. И. Бухарина) — Зиновьева и Каменева. Наконец — самого Бухарина. И, не удовлетворившись этим, всех их уничтожил. Расправа с конкурентами оправдывалась фразеологией идейной борьбы.

- ⁷⁴ Калинин М. И. (1875—1946) — из крестьянской семьи, работал слесарем, железнодорожником; член РСДРП с 1898 г., в 1905 г. примкнул к большевикам, активный участник революционных событий; осенью 1917 г. избран председателем Петроградской городской управы. С марта 1919 г. председатель ВЦИК, декоративный глава государства. Член Политбюро ЦК ВКП (б) с января 1926 г.
- ⁷⁵ Слепков Александр Николаевич (1899—1937) — политик, журналист, историк; член РКП (б) с января 1919 г., участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1921) и Институт Красной профессуры (1921—1924), с 1920 г. преподавал в вузах историю, политэкономии, научный социализм. Личный секретарь Н. И. Бухарина (1924—1925) и его последователь, активист «правой оппозиции». Один из организаторов журнала «Большевик», первый номер которого вышел в апреле 1924 г., и до июля 1928 г. был в его редколлегии. Первый ответственный редактор «Комсомольской правды» (май — ноябрь 1925). В 1930—1932 гг. трижды исключался из партии. В 1932 г. был приговорен к ссылке на три года. Через полгода приговор пересмотрен, и ссылка заменена пятью годами исправительно-трудовых лагерей. А в 1933—1936 гг. он уже заключенный Верхнеуральской тюрьмы НКВД. В конце 1936 г. его этапировали в Москву, и 27 мая 1937 Военная коллегия Верховного суда СССР выносит ему смертный приговор. В тот же день он расстрелян. Полностью реабилитирован и восстановлен в партии в 1988 г.
- ⁷⁶ Журнал «Большевик» — теоретический и политический журнал ЦК РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. Первые пять лет (1924—1929) выходил под редакцией Н. И. Бухарина.
- ⁷⁷ Это еще до 50-летия, которое было в декабре? — 50 лет И. В. Сталину исполнилось 21 декабря 1928 г. Но он загадя ровно на год уменьшил вой возраст, и его 50-летие отмечалось в декабре 1929.
- ⁷⁸ Сталин созвал собрание в ЦК — Это собрание, очевидно, было до назначения ответственным редактором «Известий» М. А. Савельева, а это назначение состоялось 21 июля 1929 г.
- ⁷⁹ Было примерно семь человек членов Политбюро ЦК... — В 1929 г. в Политбюро входили 9 человек: Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, И. В. Сталин и М. П. Томский.

Словом, я получил такую поддержку со стороны ЦК, какую едва ли кто имел.

В. Д.: Значит, в 29-м году еще возможна была такая <нрзб> руководства...

И. Г.: И позже, и позже. Так вот, когда (уже после этого собрания), когда окончательно мне удалось расправиться с оппозиционной группировкой, то есть отбить, отколоть от них рабочих, служащих, журналистов, выяснилось, что всю эту бузу затеяли каких-то три-четыре-пять человек⁸⁰. И я их снял с работы. Сам. Уволил. И тут же позвонил Сталину по вертушке, что вот так всё кончилось. И тогда Сталин внес предложение в Политбюро назначить редактором «Известий» Савельева⁸¹, а меня утвердить заместителем. Он тут же мне позвонил, сказал, что так надо.

В. Д.: Простите, а вы еще редактором не были к этому времени?

И. Г.: Был.

В. Д.: Уже были?

И. Г.: Уже был. Был редактором, временно исполняющим.

В. Д.: Смерть Степанова-Скворцова — это какая дата?

И. Г.: Это октябрь 28-го года — Скворцов умер. И Сталин мне позвонил и сказал: «Не обижайтесь и не придавайте значения назначению Савельева. Вы хозяин «Известий», и Савельев без вас ничего делать не будет. Это временно». А Савельева надо было пересадить в «Правду», и для придания авторитета его назначили главным редактором «Известий». Он проработал некоторое время, и его пересадили в «Правду».

Похороны И. И. Скворцова-Степанова. Слева направо: Ф. Я. Кон, А. И. Рыков, Халатов, И. М. Гронский, А. М. Горький, А. С. Бубнов, Я. С. Ганецкий. На заднем плане справа В. С. Медведев

В. Д.: На место Бухарина.

И. Г.: На место Бухарина.

В. Д.: А Бухарин после вас был в «Известиях»?⁸²

И. Г.: А Бухарин проработал в ВСНХ, заведовал отделом технической пропаганды⁸³. Я работал в «Известиях» до 34-го года. В 33-м году заболел. Меня долго лечили. Но поставить диагнозы врачи не смогли и вылечить не смогли. Я должен был из «Известий» уйти. Меня, проще говоря, заездили. Я был одновременно главным редактором «Известий», главным редактором «Нового мира»⁸⁴, главным редактором «Красной нивы»⁸⁵, членом главной редакции «Истории фабрик и заводов»⁸⁶, членом редколлегии, то есть редактором «Литературного критика»⁸⁷, председателем Оргкомитета Союза писателей СССР⁸⁸, секретарем фракции <ВКП (б)> Союза писателей СССР, должен был участвовать во всех заседаниях Политбюро ЦК, Совета труда и обороны, Совета Народных Комиссаров, Комиссии исполнения при Совете Народных Комиссаров⁸⁹. И, кроме того, почти на каждом Политбюро избираться в какие-либо комиссии. Обычно в таких комиссиях приходилось работать в двух, трех, а иногда и того больше.

⁸⁰ ... всю эту бузу затеяли каких-то три-четыре-пять человек. — В книге воспоминаний Гронский впроброс дважды называет их лидера: Бонеско (Гронский Иван. Из прошлого...: Воспоминания. С. 132, 133).

⁸¹ Савельев Максимилиан Александрович (1884—1939) — экономист, журналист, кандидат в члены ЦК ВКП (б) (1930—1934), академик АН СССР (1932). В РСДРП с 1903 г., прошел через тюрьмы и ссылки, был в эмиграции; сотрудник ВСНХ (1921—1928), редактор журнала «Пролетарская революция» (с 1926), с 1934 г. член Государственной редакционной комиссии, под контролем которой выходило Юбилейное 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (1928—1958); ответственный редактор «Известий» (21 июля 1929 — 25 июля 1930), ответственный редактор «Правды» (1930), заместитель, затем председатель президиума Академии ЦИК СССР (1931—1936), директор Института экономики АН СССР (1936—1938), заместитель директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б) (1936—1939). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁸² А Бухарин после вас был в «Известиях»? — Главным редактором «Известий» Бухарин был с 26 февраля 1934 по 16 января 1937 г.

⁸³ А Бухарин проработал в ВСНХ, заведовал отделом технической пропаганды. — В 1929 г. Бухарина раз за разом снимали с партийных постов, и Сталин даже хотел назначить его наркомом просвещения. С трудом Бухарин отбыл от этой должности и попросил поставить его начальником Научно-технического управления ВСНХ. С перевесом в один голос (против Сталина) наверху простью изгоя поддержали. По должности он вошел в Президиум ВСНХ, а с 1932 г. стал членом коллегии Наркомата тяжелой промышленности.

⁸⁴ «Новый мир» — один из старейших литературно-художественных журналов. Издается с 1925 г. Гронский был главным редактором «Нового мира» в 1931—1937 гг. При нем журнал печатал Исаака Бабеля, Павла Васильева, Осипа Мандельштама, Юрия Олешу, Бориса Пастернака, Бориса Пильняка...

⁸⁵ «Красная нива» — литературно-художественный иллюстрированный тонкий журнал (1923—1931), приложение к газете «Известия». Гронский был главным редактором «Красной нивы» в 1931 г.

⁸⁶ «История фабрик и заводов» — книжная серия, издававшаяся в 1931—1938 гг. по инициативе и при участии А. М. Горького. Вышло больше тридцати книг, содержащих подборки документов, воспоминания рабочих, очерки и научно-художественные монографии.

⁸⁷ «Литературный критик» — ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы (1933—1940).

⁸⁸ Оргкомитет Союза советских писателей — орган, сформированный после постановления ЦК ВКП (б) о перестройке литературно-художественных организаций от 23 апреля 1932 г. Готовил создание единого Союза советских писателей и первый съезд писателей. Состав Оргкомитета по РСФСР был утвержден на Оргбюро ЦК 7 мая 1932 г. Горький стал почетным, Гронский — рабочим председателем Оргкомитета. В 1933 г. подал в отставку. Объяснял свой уход двояко: серьезной болезнью и догадкой о том, что честолюбивый Горький хочет руководить подготовкой съезда единолично. Гронского «сняли уже перед съездом, заменив А. С. Щербаковым» (Фрезинский Борис. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919—1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 258). Щербаков в это время был заместителем заведующего отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП (б). Назначить Щербакова оргсекретарем Союза советских писателей и куратором Союза по линии ЦК решили на Политбюро 31 августа 1934 г. В тот же день вечером секретарь ЦК ВКП (б) и член Оргбюро ЦК А. А. Жданов повез Щербакова к Горькому. «Ал. Мак. встретил хорошо, — записывает Щербаков в дневнике, — но настроенно. С прошлым руководством у него не выходило» (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 / сост. Л. В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. С. 330). Делегатом съезда писателей бывшего председателя Оргкомитета не выбрали, а выступить против доклада Н. И. Бухарина о поэзии по вертушке запретил Сталин.

⁸⁹ Комиссия исполнения при СНК СССР (1934—1940) — основной орган проверки исполнения решений СНК и расходования денежных средств и материальных ценностей. Комиссия создана 11 февраля 1934 г. вместо Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции, 6 сентября 1940 г. реорганизована в союзно-республиканский Наркомат государственного контроля.

” Ну, и выполнять целый ряд других поручений партии. Их было довольно много, поручений, и обычных, и полуконспиративных — всяких, каких хотите.

Кроме того, по поручению партии, я руководил работой в среде отечественной и зарубежной интеллигенции. Вот нагрузки. Спал я два-три часа в сутки, не больше. И свалился. Лежал дома, пришли ко мне мои приятели: Куйбышев Валериан Владимирович⁹⁰, Стецкий⁹¹ и другие. Вид у меня был неприглядный. Они сообщили Сталину, в каком я состоянии. Сталин позвонил начальнику Лечсанупра Кремля Металликову⁹², обрушился на него, почему я лежу дома, а не в больнице. Тот ему сказал, что я больниц не терплю, не признаю. Тогда Сталин позвонил мне (у меня дома тоже была вертушка кремлевская), предложил лечь в больницу. Я отказался. Он говорит: «Есть постановление Политбюро — извольте выполнять решение Политбюро». Через минуту позвонил Молотов, с которым я знаком был с 12-го года⁹³. Он сказал: «Немедленно ложитесь в больницу. Сталин нервничает, ложитесь». Я лег в больницу.

После выхода из больницы меня отправили на юг с моим домашним врачом и с женой под двойной охраной. Я приехал с юга после лечения, и через час после приезда мне позвонил Сталин. Я пришел к нему и подал в отставку. Это был 33-й год. Сталин и слышать не хотел. Кое-как я тянул (правда, добился освобождения от Оргкомитета), а потом стал падать в обморок. Ну, Сталин убедился, что уже работать не могу, и тогда меня освободили от редактирования «Известий». И вместо меня в 34-м году редактором «Известий» был назначен Бухарин. В «Известиях» я проработал с 25-го по 34-й год включительно.

В. Д.: А уйдя из редакторства, вы имели какое-нибудь другое отношение к «Известиям» или совсем?..

И. Г.: Я остался главным редактором «Нового мира». А потом уже ушел из комбината⁹⁴ и был назначен главным редактором Издательства Академии архитектуры⁹⁵. Туда пошел для того, чтобы заставить себя заняться архитектурой, которую я знал посредственно. Я знал литературу, я знал живопись, скульптуру, и для того, чтобы завершить работу по вопросам искусства, я пошел туда, то есть заставил себя заниматься архитектурой, историей архитектуры и прочими такими вещами.

Ну вот, коротко... не совсем коротко к себе.

⁹⁰ Куйбышев В. В. (1888—1935) — в 1933 г. член Политбюро ЦК ВКП (б) и заместитель председателя Совнаркома, председатель Госплана СССР.

- ⁹¹ *Стецкий Алексей Иванович* (1896—1938) — однокашник Гронского по Институту Красной профессуры и коллега по Оргкомитету Союза советских писателей; в 1933 г. зав. Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б). В пространном письме горьковеду А. И. Овчаренко от 22 октября 1972 г. в числе своих «ближайших друзей» Гронский первым называет Куйбышева и Стецкого (*Гронский Иван. Из прошлого...*: Воспоминания. С. 336) В апреле 1938 г. Стецкий был арестован. 1 августа приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. В тот же день расстрелян. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.
- ⁹² *Металликов Михаил Соломонович* (1896—1939) — в 1933 г. начальник Лечебно-санаторного управления Кремля (с 1953 Четвертое Главное управление Министерства здравоохранения СССР), назначенный в Лечсанупр в 1921 г. по предложению В. И. Ленина. Арестован 6 июня 1937 г. Расстрелян 31 марта 1939 г. Реабилитирован 7 марта 1956.
- ⁹³ *Молотов Вячеслав Михайлович* (1890—1986) — в 1933 г. председатель Совета народных комиссаров, член Политбюро ЦК ВКП (б). На протяжении многих лет второй человек в сталинском руководстве.
- ⁹⁴ *...ушел из комбината...* — В 1926—1927 гг. при Гронском в Большом Путинковском переулке (ныне это угол Тверской улицы и Пушкинской площади) был сооружен по проекту архитектора Г. Б. Бархина огромный по тем временам комбинат «Известий», в котором разместились редакции одноименной газеты и журналов «Новый мир», «Красная нива», «Прожектор» и др., издательство и типография.
- ⁹⁵ *Издательство Академии архитектуры* — подразделение Всесоюзной академии архитектуры, основанной в Москве в 1933 г. с прямым подчинением Президиуму ЦИК СССР. На рубеже 1940—1950 гг. слилось с Госстройиздатом.

Арест, суд и ссылка

В. Д.: Арестованы вы были в 37-м году?

И. Г.: Нет, в 38-м.

В. Д.: В 38-м.

И. Г.: Да.

В. Д.: Вы к этому времени были кем?

И. Г.: Я был тогда главным редактором Издательства Академии архитектуры. В этой должности 1 июля, в ночь на 1 июля, я был арестован⁹⁶. Три месяца я сидел без ордера. Потом было решение Политбюро ЦК. Оказывается, нужно было решение Политбюро ЦК о моем аресте, не знаю, почему. Сталин подписал санкцию на арест, выписали ордер. Я одиннадцать месяцев сидел во Внутренней тюрьме НКВД СССР⁹⁷, в Лефортово⁹⁸. Вещи мне были предъявлены, вообще говоря, обвинения, жуткие, липовые, выдуманные...

В. Д.: Понятно...

И. Г.: Следствие проходило очень трудно, очень трудно, очень...

В. Д.: Расстрел вам не грозил?

И. Г.: Грозил.

- ⁹⁶ *...в ночь на 1 июля я был арестован.* — В книге мемуаров Гронский рассказывает об аресте подробнее и добавляет сведения об условиях содержания в Боксе: «Вечером 30 июня 1938 года меня вызвали в НКВД СССР. Совесть моя была абсолютно чиста, поэтому я без страха отправился на Лубянку. Там я был арестован и помещен в одиночную камеру Внутренней тюрьмы. Это была ничтожно маленькая, герметически закупоренная камера. Называлась она «собашником». В ней не нашлось места даже для «параша». Здесь полагалось держать арестованных не более 48 часов. Меня продержали два месяца. В этой душгубке я задышался. Терял сознание 15—20 раз в день. На прогулки не выводили. Единственное место, где я мог отдышаться, это уборная с большим открытым окном да еще кабинет следователя. В течение всех шестидесяти дней меня не стригли, не брили, и не меняли постельного белья. В баню, правда, водили. Белье пропускали через дезинфекционную камеру, так чтовшей, к счастью, у меня не было. Читать, разумеется, не давали, хотя и требовал. О бумаге, чернилах, карандашах не могло быть и речи. Целые долгие дни я бесцельно сидел на койке или лежал. Ходить в душгубке я не мог: негде было» (Там же. С. 162—163).
- ⁹⁷ *Внутренняя тюрьма НКВД СССР* — секретная тюрьма, располагавшаяся во внутреннем дворе (отсюда прозвище «нутрянка») основного здания органов госбезопасности на Лубянской площади.
- ⁹⁸ *Лефортово* — здесь: Лефортовская тюрьма (Лефортовский вал, д. 5). С середины 1930-х гг. это тюрьма для подсудимых, находившаяся в ведении Главного управления государственной безопасности НКВД. Использовалась как место пыток при допросах.

Очень трудно проходило следствие. Причем я фрондировал, добивался, чтоб скорее расстреляли.

В. А.: А какие, простите, обвинения предъявлены?

В. Д.: Не стоит сейчас записывать. Потом.

И. Г.: Нет, почему же, можно сказать. Меня и Стецкого, члена Оргбюро ЦК...⁹⁹

В. Д.: И возглавлявшего культуру по линии ЦК¹⁰⁰.

И. Г.: Да. ...обвиняли в том, что мы с ним в 32-м году создали тщательно законспирированный правотроцкистский центр и завербовали в этот самый центр членов Политбюро ЦК, членов ЦК и прочих, и прочих, и прочих, так сказать, верхушечных работников. Ну, обвинение нелепое, потому что я за всё время работы в партии боролся со всеми оппозициями, какие были, со всеми, на глазах у всей партии, так что было нелепо предъявлять ко мне какое-либо обвинение этого порядка.

⁹⁹ *...Стецкого, члена Оргбюро ЦК...* — А. И. Стецкий был членом Оргбюро ЦК с 10 февраля 1934 г.

¹⁰⁰ *...возглавлявшего культуру по линии ЦК.* — В 1930—1934 гг. Стецкий заведовал Отделом пропаганды и культуры ЦК ВКП (б), в частности занимался подготовкой Первого съезда писателей (1932—1934).

В. Д.: Ведь он же законно санкционировал арест?

И. Г.: И он санкционировал арест. Я пошел... Следствие было закончено, дело было... смяли... Причем любопытная деталь. Я во время следствия ссылался на архив, который взяли... жена бросила квартиру (я жил в Доме правительства)¹⁰¹, взяла архив, детей и уехала в деревню к моей матери, колхознице. И там у нее был обыск, впервые. И взяли архив. Я ссылался

на архив. И мне заявили, что товарищ Сталин и руководство НКВД дали распоряжение: к моему архиву не прикасаться. Когда закончилось следствие, со мной согласовали по предложению Сталина о передаче архива на хранение в Академию Наук. Когда я вернулся, архива не оказалось. Архив имел огромную ценность: там тысячи писем ко мне крупнейших деятелей искусства, и культуры, и науки, и копии писем от меня — всё это погибло. Всё!

В. Д.: Да, это надо записать.

И. Г.: Так что, понимаете, мне очень трудно писать воспоминания...

В. Д.: Понятно.

И. Г.: ...потому что нет материалов. Я пошел на Военную коллегию Верховного суда...

В. Д.: Подождите, а когда... вы проверяли уже после выхода, после семнадцати лет?

И. Г.: Да, было дано распоряжение Политбюро ЦК найти архив¹⁰².

В. А.: Может быть, он в другом месте, может быть, он остался...

И. Г.: Представьте себе, если дает распоряжение Политбюро ЦК, то нашли бы, если б он существовал.

Ну вот, в 39-м году, в мае, в начале, мне уже вручили обвинительное заключение, в котором черным по белому было написано: «Виновным себя не признал». «На Военной коллегии Верховного суда СССР виновным себя не признал».

Вел Ульрих¹⁰³ заседание. Ни малейшей попытки обвинительной не было. Дали мне говорить. Я был в хорошем таком настроении, высмеивал нелепые показания, нелепые обвинения.

В. А.: Суд закрытый был?

И. Г.: Да, конечно. Всё это выслушали. Меня отвели в другую комнату. Вводят — и Ульрих читает приговор: пятнадцать лет, пять — поражения. Я стою. По бокам два стрелка. Я тогда бросаю ему реплику, говорю: «Скажи мне, пожалуйста, что это? Где я присутствую? Что это: театр комедии или это суд? Что это, объясни мне?!» Меня схватили и утащили. На этом и кончилось.

Через пересыльные тюрьмы отправили меня на Воркуту¹⁰⁴, где я пробыл четырнадцать лет. Работал там в шахте, шахтером и землекопом, по своей специальности — слесарем-инструментальщиком, плотником... Так что у меня целый мешок профессий. Заведовал баней-прачечной, котельной, водоснабжением и так далее, и тому подобное. Оттуда по истечении срока заключения был направлен в Караганду, в Карагандинскую область точнее, в вечную ссылку¹⁰⁵.

В. Д.: Вечную?

И. Г.: Да.

В. Д.: Была такая форма?

И. Г.: Да.

В. Д.: Вечная ссылка?

И. Г.: Да. Туда меня привезли...

В. Д.: Без права переписки были?

И. Г.: Я сидел в режимном лагере¹⁰⁶, два письма мог в год отправлять ближайшим родственникам.

В. Д.: С женой вы переписывались.

И. Г.: Но временами переписка прекращалась на полгода, на месяцев восемь, даже на год.

В. Д.: Это Воркута или Караганда?

И. Г. и В. А. (вместе): Воркута.

И. Г.: Там я пробыл четырнадцать лет¹⁰⁷.

Теперь так. Через пересыльные тюрьмы — Котлас, Киров, Свердловск, Петропавловск, Караганда — через все эти тюрьмы меня привезли в Караганду. Там дали мне бумажку. А жена переехала уже в поселок Актас около Караганды¹⁰⁸. Я... довели до базара, высадили меня из машины, говорят: «Вот автобус, поезжай». Так я впервые без стрелков я...

В. Д.: После четырнадцати лет, да?

И. Г.: После пятнадцати лет¹⁰⁹.... Я сел на автобус, приехал туда. Потом явился в саранское районное отделение МВД, где мне дали расписаться в том, что я нахожусь в вечной ссылке, местом определен поселок Актас. Если я выйду за пределы поселка Актас — двадцать пять лет каторги. Каждые десять дней я должен был являться к спецкоменданту на отметку. Оттуда я написал письмо в Политбюро ЦК. И в феврале 54-го года было решение пленума Верховного суда: отменили все решения Военной коллегии Верховного суда, то есть меня реабилитировали. Меня вызвали, объявили мне, заявили, что вот «поступила телеграмма министра, чтоб мы спешно вас освободили. Мы уже ответили, что мы вас освободили, но не советуем вам получать паспорт, потому что мы вам дадим паспорт "минус тридцать девять городов", а вас, по-видимому, подчистую освободили». А в телеграмме значится, как мне сообщили: «Документы высылаются почтой». Вот я жду документов, работаю я в шахтостроительном управлении инженером-экономистом...

В. Д.: Вы уже там три года, да, после того, как?..

И. Г.: Нет, год.

В. Д.: А, год всего.

И. Г.: И вдруг звонит начальник лагеря, просит меня к телефону. Я подхожу к телефону. Он меня спрашивает, когда я могу быть у секретаря обкома. Я говорю: «Пусть он назначает время, и я приеду». — «Нет, вы назначайте. И время, которое вы назначите, он вас будет ждать». Я порешил, что это новый арест. Кончил работу, пришел до... (Я назначил другой день, на другой день в десять часов утра. «В десять часов он вас будет ждать».) Я пришел после работы домой, говорю жене: вот такое дело...

¹⁰¹ *Дом правительства* — на нынешний лад Дом на набережной, по названию повести Юрия Трифонова (1976), расположенный напротив храма Христа Спасителя, на другом берегу Москва-реки (ул. Серафимовича, д. 2). В этом доме у Гронских была 7-комнатная квартира № 20 на 11-м этаже с большим балконом и видом на Кремль.

¹⁰² *...было дано распоряжение Политбюро ЦК найти архив.* — По просьбе Гронского распорядился В. М. Молотов, член Политбюро (Президиума) ЦК (1926—1957).

¹⁰³ *Ульрих Василий Васильевич* (1889—1951) — с 20 ноября 1935 г. армвоенюрист (армейский военный юрист) — специальное воинское звание высшего военно-юридического состава РККА, соответствовавшее общевоинскому званию командарма 2-го ранга, позже генерал-полковник юстиции (11 марта 1942). Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР (1926—1948), одновременно заместитель председателя Верховного суда СССР (1935—1948). В 1930—1940-е гг. входил в секретную комиссию Политбюро по судебным делам, которая утверждала все смертные приговоры в СССР. Председательствовал на крупнейших политических процессах второй половины 1930-х гг. Выступал в Политбюро с предложениями ужесточить процедуру рассмотрения политических дел. Лично расстрелял бывшего наркома юстиции Н. В. Крыленко (19 января 1938). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

¹⁰⁴ *...отправили меня на Воркуту...* — Маршрут подробно изложен в книге воспоминаний: «Лето 1939 года. Этап. Поездом до Котласа. По Северной Двине до Архангельска. Там нас пересадили на пароход "Лахта" и привезли в Нарьян-Мар. Затем баржей по Печоре до Усть-Усы. В Усть-Усе отобрали триста человек и отправили пароходом до Воркуты-Вом. Там продержали сутки, посадили на платформу и по узкоколейке привезли на Воркуту» (Там же. С. 175). Воркута-Вом — пристань на реке Усе, рядом с поселком Воркута-Вом (Усть-Воркута).

¹⁰⁵ *...направлен... в вечную ссылку.* — Вечная ссылка полагалась всем, кто отбывал срок по приговору в Особых (каторжных) лагерях для политзаключенных. Эти лагеря были введены в 1948 г. вместо каторжных лагерей, существовавших с 1943 г.

¹⁰⁶ *Я сидел в режимном лагере...* — Гронский сидел в режимном лагере — Речлаге (официальная расшифровка: Речной лагерь; зки расшифровывали: Режимный чрезвычайный лагерь) — последние шесть лет, после аварии в шахте, на инвалидности. Но режим тот же, что и в Особом лагере: номера на одежде, два письма в год... О том, что из четырнадцати лет на Воркуте он шесть лет находился в режимном лагере, Гронский записывает в дневнике 11 ноября 1963 г. (Там же. С. 203).

¹⁰⁷ *Там я пробыл четырнадцать лет.* — На Воркуту Гронского доставили во второй половине июня 1939 г. За успешную подготовку лагеря к зиме в 1943 г. ему сократили срок на три месяца. Поэтому в ссылку отправили не 1 июля 1953 г., по истечении пятнадцати лет со дня ареста, а 3 апреля 1953 г.

¹⁰⁸ *...поселок Актас около Караганды.* — Поселок расположен в 18 км к юго-западу от Караганды. Подчинен администрации г. Сарани.

¹⁰⁹ *После пятнадцати лет.* — До воркутинского лагеря были 11 месяцев в московских тюрьмах. «Я прошел через одиннадцать месяцев сплошных пыток. За это время у меня сменилось шесть следователей. Они испробовали на мне весь свой садистский арсенал. Наконец после почти трехсот пятидесяти допросов мне дали подписать протокол об окончании следствия» (Там же. С. 168).

Освобождение

В. Д.: А вы уже знали, что Сталин умер?

И. Г.: Да, конечно! Ну вот, говорю, что это, по-видимому, новый арест. Она поехала вместе со мной. Она осталась в сквере перед обкомом. Я пришел в обком. Секретарь обкома встал, обнялись мы, расцеловались.

Он меня спрашивает: «Вот нас запрашивает ЦК, когда вы приедете в Москву?» Я говорю: «У меня паспорта нет». — «Идите в наше отделение МГБ и с ними покруче разговаривайте. С вас всё снято».

Я пришел в МГБ — там разговаривать не хотят. Я говорю, что я поеду в ЦК, меня вызывают. Они стали копаться в материалах, нашли решение пленума Верховного суда. Тут же дали мне бумажку. Я пошел, получил чистый паспорт. Пришел в обком, сказал, что сообщите в ЦК, что я приеду тогда-то.

Приехал я в ЦК. Мне говорят: иди в КПК¹¹⁰ восстанавливаться в партии. Я пришел к Комарову¹¹¹, но его вызвали спешно в ЦК, говорил с другим товарищем. Я говорю: «Что вам надо от меня: заявление там, еще что-нибудь?» Он говорит: «Ничего. Вот ваше письмо в ЦК. Вот решение Политбюро ЦК о вас. Приходите завтра на партколлегию КПК». Я пришел на партколлегию КПК. Открывается заседание. Меня первого вызывают...

В. Д.: «К» — это что, какое? Караганды?

И. Г.: Нет, я в Москве, в Москве.

В. Д.: Почему «К»?

И. Г.: Комитет партийного контроля.

В. Д.: А! Ну да!

И. Г.: КПК. Меня вызывают первого. Товарищ начинает докладывать, что вот имярек такой-то осужден тогда-то там-то... Комаров перебивает: «Это мы знаем. Предлагаю отменить решение Свердловского райкома об исключении его из партии. Кстати, оно было принято через полгода после его ареста». Проголосовали. Он говорит: «Ну, партбилет получишь в своем райкоме».

Я выхожу, меня окружают там ожидавшие товарищи: «Ну, что у вас?» Я говорю: «В партии восстанавливался».

¹¹⁰ *КПК* — с октября 1952 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Контролировал своевременное выполнение партийных постановлений.

¹¹¹ *Комаров Павел Тимофеевич* (1898—1983) — заместитель председателя КПК при ЦК КПСС (1952—1959), исполняющий обязанности председателя (1954—1956); кандидат в члены ЦК (1939—1961).

Они говорят: «Вы были полторы минуты всего-навсего». Я говорю: «Я шестнадцать лет зато просидел»*.

¹¹² «Я шестнадцать лет зато просидел». — К году тюрем и четырнадцати годам лагерей Гронский добавляет год ссылки.

Еще одна деталь: в связи со мной не было ни одного арестованного человека, ни одного. Все члены моей семьи... преследовались, но не были арестованы. Мои заместители все остались на свободе, никто не арестован. Секретари остались на свободе. Секретный личный отдел, который... мой аппарат, личный, остались все на свободе. Так называемая школа Бродского¹¹³, о которой писали в газетах очень много, искусствоведы, это Сысоев¹¹⁴, Лебедев¹¹⁵, Меликадзе¹¹⁶, тут Храпченко¹¹⁷ присоединяли и прочее — все остались на свободе, всех их выдвигали, продвигали и давали высокие назначения. Все, кто со мной общался, работал со мной, никого не арестовали, никого, ни одного человека, ни одного.

Сталин настаивал, чтобы я немедленно снял с работы Черномордика, был у меня заместитель такой, профессор...¹¹⁸

В. Д.: Когда настаивал?

И. Г.: В 28—29-м годах. Черномордик — бывший меньшевик, мы с ним вместе учились в ИКП, и Сталин (я как раз в эту оппозицию и влип)¹¹⁹, и Сталин настаивал на том, чтобы я его снял. Я не разрешил его снять. Он бывший большевик. И когда меня арестовали... я потом, когда уже подавил оппозицию, я говорю: «Ну, ты, Давид, иди в вуз, я даю новый список членов редколлегии, тебя там нет. Ты так потихоньку и уходишь». Я дал в ЦК новый список членов редколлегии, мне Политбюро утвердило. И так Черномордик выпал из редакции. Он остался... пошел в Высшую школу и в Высшей школе преподавал.

В. Д.: А потом его взяли все-таки?

И. Г.: Нет. Когда меня арестовали, то он считал, что, конечно, его сразу же арестуют. С женой собрали они вещи. Ждали ареста. Машина какая-то там проходит, останавливается во дворе — начинают прощаться и прочее, и прочее. Думают, что за ним. Его даже на допрос не вызывали. И когда я вернулся, он позвонил мне — я к нему приехал.

¹¹³ *Бродский Исаак Израилевич* (1883—1939) — живописец, график и коллекционер произведений искусства, реалист и «основоположник академического натурализма в советской живописи» (А. Эфрос), педагог и организатор художественного образования. Мастер как частного, так и представительского портрета и ажурного пейзажа. Создатель большеформатных полотен на темы массовых революционных собраний, митингов и манифестаций. Автор обширной изобразительной Ленинианы и первый советский художник, награжденный орденом Ленина. Преподаватель (с 1932) и директор Всероссийской академии художеств (с 1934). Ученик И. Е. Репина и наставник таких разных художников, как А. И. Лактионов, Ю. М. Непринцев, В. М. Орешников, П. П. Белоусов и др. Державшийся особняком в Ассоциации художников революционной России, служил ориентиром для ахрровцев и воспринимался как их главный авторитет. Собрал обширную коллекцию произведений искусства, которая, по его оценке, уступала лишь Третьяковской галерее и Русскому музею.

¹¹⁴ *Сысоев Петр Матвеевич* (1906—1998) — один из организаторов журнала «Юный художник (1936), работал в редакции журнала «Новый мир», был главным редактором издательства «Детская литература» и главным редактором журнала «Искусство»; сотрудник Комитета по делам искусств при Совнаркоме (Совете министров) СССР (1941—1954).

¹¹⁵ *Лебедев Алексей Константинович* (1908—1993) — старший научный сотрудник Третьяковской галереи (1933—1934), редактор Изогиза (1935), сотрудник Главного управления изобразительного искусства Комитета по делам искусств (1937), зам начальника (с 1940).

¹¹⁶ *Меликадзе Иеремка Семеновна* (как автор — Е. Меликадзе) (1905 — после 1949) — автор книги «Искусство Грузинской ССР» (М.: Гоизд-во «Искусство», 1938), соавтор П. М. Сысоева по книге «Советская живопись» (М.: Гос. изд-во «Искусство», 1939). Их обоих вместе с А. Лебедевым Гронский относит в книге воспоминаний к «так называемой “школе Гронского в изобразительном искусстве”» (Там же. С. 169—170). Все эти авторы разносили в пух и прах всё, к чему можно было приклеить ярлык формализма (например, Поля Сезанна). В 1935 г. Гронский печатает в «Новом мире» статью А. Лебедева, Е. Меликадзе, А. Михайлова и П. Сысоева «Журнал “Искусство” и задачи художественной критики» (№ 3. С. 247—273). Затем — их же статью «Еще раз о журнале “Искусство”» (№ 7. С. 242—252). Затем — их же статью «Гоголевская Хивря в роли теоретика искусства» (№ 11. С. 269—286). Вот этих авторов и называют «критической четверкой» «Нового мира» (Там же. С. 286). А Гронский их не только печатает как редактор журнала, но и сплачивает. По слова жены Гронского, «у Ивана собирались Лебедев, Сысоев, Власов Федор, Меликадзе — шли беседы, работа по искусству» (*Гронская Лидия*. Наброски по памяти: Воспоминания. М.: Флинта, 2004. С. 102).

¹¹⁷ *Храпченко Михаил Борисович* (1904—1986) — с мая 1938 г. заместитель председателя, с апреля 1939 исполняющий обязанности председателя, наконец председатель Комитета по делам искусств (10 декабря 1939 — 28 января 1948), который в постановлении Политбюро «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (1948) был обвинен в том, что поощрял в музыке «формалистическое направление, чуждое советскому народу». За две недели до публикации этого постановления Храпченко уже был уволен из Комитета как «не обеспечивший правильного руководства». Но не канул в вечность, а обосновался в Институте мировой литературы АН СССР и на новом месте вырос до академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР и члена президиума Академии.

¹¹⁸ *Черномордик Давид Иосифович* (1888—1969) — экономист. С 1926 г. заведовал экономическим отделом «Известий» (в 1928—1931 член редколлегии). С 1935 г. в Институте экономики АН СССР, одновременно профессор МГПИ им. В. И. Ленина, МГУ, МИИТа.

¹¹⁹ ...я как раз в эту оппозицию и влип... — Гронский говорит о своих оппонентах в коллективе «Известий».

Он кинулся мне на шею, он плачет, жена плачет — все плачут. Я рассмеялся.

Он говорит: «Как получилось? Ведь меня-то должны были арестовать». Я говорю, что в связи со мной нет ни одного арестованного человека, ни одного, никого.

Об отношениях со Сталиным

В. А.: Это, наверное, все-таки были личные отношения Сталина к вам. Только вас взять.

И. Г.: Да.

В. А.: Что вы против него шли.

И. Г.: Нет, я против него не шел.

В. А.: Ну, как, вот он давал распоряжения...

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что у меня споров со Сталиным было очень много...

В. А.: Ну вот. А он этого не любил.

И. Г.: У меня были очень близкие отношения со Сталиным. Нет... Дело в том, что Сталин убирал всех людей, близких ему, которые знают его очень хорошо. А я был близок к Сталину, я [его] очень хорошо знал, очень хорошо, лучше, чем кто бы то ни было другой, лучше любого из членов Политбюро ЦК. Ну и, естественно, что он, убирая близких людей, людей, хорошо его знающих, должен был убрать и меня. Он меня и убрал. Вот вам и всё. Скажем, самый близкий человек Сталину был Абель Сафронович Енукидзе¹²⁰. Он первого его убрал. В его доме дом вела сестра его жены, Нади, Анна Сергеевна Аллилуева¹²¹. Он ее арестовал.

В. Д.: Сванидзе, которая...

И. Г.: Сванидзе — это первая его жена¹²².

В. Д.: Да, Сванидзе, ее брат или отец...¹²³

И. Г.: Да, он был арестован. Аллилуевы были арестованы¹²⁴. Так что, видите ли, арест этот был не случайным, не случайным. Он убирал близких ему людей и... в числе их... вот я оказался... я оказался.

В. Д.: Я случайно встретился с человеком, которого я вообще знал, который сидел долго и который рассказывал, как вы спасли ему жизнь. Фамилия этого человека <нрзб> Он был доходяга, и вы где-то его в лагере то ли в какую-то столовую пристроили...

И. Г.: Ведал я столовой одно время.

¹²⁰ Енукидзе А. С. (1877—1937) — профессиональный революционер (с 1901), советский государственный деятель; крестный отец Н. С. Аллилуевой, жены Сталина. До революции неоднократно арестовывался, сидел в петербургских «Крестах» и в тифлисском Метехском замке, в других тюрьмах, отбывал ссылку в Туруханском крае (1914—1916). Участник Февральской революции и Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. Секретарь ВЦИК (октябрь 1918 — декабрь 1922) и следом секретарь ЦИК СССР (31 декабря 1922 — 3 марта 1935). Постановление ЦИК СССР, выпущенное 1 декабря 1934 г., сразу после убийства С. М. Кирова, было написано лично наркомом внутренних дел Г. Г. Ягодой, отредактировано Сталиным и подписано в оригинале одним Енукидзе (обязательная подпись председателя ЦИК М. И. Калинина заменена машинописью). Постановление ввело в советское законодательство понятие террора и требовало при расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти заканчивать следствие в срок не более десяти дней; дела слушать без участия сторон; кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к высшей мере приводить в исполнение немедленно по вынесении. Если в кремлевской верхушке лишь Ворошилов, числившийся сподвижником по обороне Царицына, и Бухарин могли называть Сталина революционным псевдонимом — Коба, то Енукидзе называл его детским именем — Сосо. Уволенный из ЦИКа, Енукидзе побывал начальником Кавказских курортов и директором Харьковского облавоттрансстреста. Арестован 11 февраля 1937 г. Расстрелян 30 октября. Реабилитирован в 1959 г. Затем восстановлен в партии.

¹²¹ Аллилуева А. С., по мужу Реденс (1896—1964), — старшая сестра Н. С. Аллилуевой, жена чекиста Станислава Францевича Реденса (с апреля 1920), секретаря и помощника Ф. Э. Дзержинского, последовательно председателя ГПУ Крымской АССР, Закавказья, Белорусской ССР, Украинской ССР, начальника Управления НКВД по Московской области (1934—1938), наркома внутренних дел Казахской ССР (с 1938), комиссара государственной безопасности 1-го ранга (1935), расстрелянного в 1940 г. В 1946 г. выпустила книжку воспоминаний, естественно, с привлекательным портретом Сталина-революционера. Однако прослушка квартиры показала, что она продолжает винить Сталина в смерти мужа и осуждает его за уничтожение «ленинской гвардии» в 1930-е гг. В 1948 г. Аллилуева была осуждена «за шпионаж». Реабилитирована в 1954 г.

¹²² Сванидзе Екатерина (Като) Семеновна (1885—1907) — первая жена И. В. Джугашвили (еще не Сталина), мать его старшего сына Якова.

¹²³ ...ее брат или отец... — Судя по фотографии над гробом дочери Като, ее пожилой отец, Симеон Сванидзе, до массовых расстрелов не дожил. А Сванидзе Александр (партийный псевдоним Алеша) Семенович (Симеонович) (1886—1941), младший брат Е. С. Сванидзе, прошел через большевистское подполье, был советским торговым представителем в Германии (с 1924), заместителем председателя правления советского Госбанка (с 1935), затем главой советского Внешторгбанка. Арестован в 1937 г., расстрелян 20 августа 1941 г. Реабилитирован в 1956 г. Его жена Мария Анисимовна Сванидзе (при рождении Корона) (1890—1943), в 1920-е гг. актриса Тифлисской оперы, была арестована 23 декабря 1937 г., приговорена Особым совещанием при НКВД 29 декабря 1939 г. к восьми годам заключения, расстреляна 5 марта 1943 г. Реабилитирована 19 ноября 1955 г. Младшая сестра А. С. Сванидзе — Мария (Марико) Семеновна (Симеоновна) Сванидзе (по мужу Кипиани) (1888—1942) — в 1927—1934 гг. личный секретарь А. С. Енукидзе. Арестована в 1937 г. Расстреляна.

¹²⁴ Аллилуевы были арестованы. — Старший брат сестер Аллилуевых, Павел Сергеевич Аллилуев (1894—1938), участник Гражданской войны, один из создателей и руководителей Главного автобронетанкового управления РККА. В 1929—1932 гг. работал в Берлине, контролируя качество самолетов и двигателей, по секрету поставляемых Германией Советским Союзом. Летом 1938 г. обратился к Сталину с предложением прекратить репрессии в армии. Умер от инфаркта на рабочем месте 2 ноября того же года, на следующий день после возвращения из южного санатория. Уже тогда возникли подозрения, что он был отравлен. Его вдова, Евгения Александровна Аллилуева (Земляничкина) (1898—1974), была арестована вместе со вторым мужем Н. В. Молодчиковым в декабре 1947 г. Обвинялась в отравлении первого мужа, но эскамуция этого не подтвердила. Шесть лет провела в одиночных камерах. Освобождена и реабилитирована после смерти Сталина. Когда дочка Сталина спросила отца, в чем вина ее теток (А. С. Аллилуевой и Е. А. Аллилуевой), он ответил: «Болтали много. Знали слишком много — и болтали слишком много. А это на руку врагам...» (Аллилуева Светлана. 20 писем к другу; Последние интервью дочери Сталина. М.: Изд-во «Родина», 2021. С. 273).

О жизни в заключении

И. Г.: Видите, в чем дело. В лагере отношения, в тюрьме и в лагере, были очень сложные. Я человек опытный, в царской тюрьме я сидел, Керенский меня арестовывал, у меня за плечами уже было, понимаете, шесть арестов, шесть отсидок, так что я великолепно был тренирован. Боевики (а я был долго в организации максималистов), у боевиков была одна перспектива — виселица. Понимаете? А интеллигентов, особенно дворян, не пытали в охранке. А нашего брата, рабочего, слегка поколачивали. Поэтому я тренировался на боль и тренировался по всяким другим линиям...

В. Д.: И эта тренировка вам в эти пятнадцать лет...

И. Г.: Эта тренировка мне помогла на следствии, в тюрьме.

Я не из слабеньких. Где-то там, мальчишкой, занимался боксом.

И в лагере... Первое время там и уголовники были. Они политических преследовали, я с ними схватывался. Ну и, конечно, мгновенно их нокаутировал. Поэтому они ко мне не приставали. У политических они воровали, тащили, скажем, продукты и всё прочее. У меня лежало всё открыто — они не прикасались. Так что это мне помогало в лагере.

Затем. Ну, я, слава богу, рабочий. Во время безработицы я делал всё, что угодно: работал грузчиком, землекопом, всем, чем хотите, в Питере. Так вот, когда меня поставили на земляные работы, я сразу дал две нормы. (*Дувакин смеется*) Начальство не поверило: не может быть, чтобы редактор «Известий», профессор, всё такое, чтоб он мог копать землю.

Пришли сами смотреть. И я при всем, так сказать, честном народе показал, как это делается. Тогда начальник лагеря, Царев¹²⁵, очень милый человек, ко мне он изумительно хорошо относился, говорит: «Иван Михайлович, скажите, в чем дело? Ведь вы работаете, как заправский землекоп». Я говорю: «Я и есть землекоп. Во время безработицы я работал землекопом». Кстати говоря, очень выгодная работа: три рубля за сажень¹²⁶ в царское время. Я работал месяца три, кажется, землекопом, только, потом устроился на завод и обратно работал по своей специальности.

Или, скажем, носить. Как-то там переносили бревна: становятся... (это колоссальные баланы¹²⁷, сырые, тяжелые), вот человек восемь, десять там, двенадцать тащат бревно. Причем одни на одном плече, другие на другом, и когда бросают бревно... были случаи, понимаете, когда человек попадал под удар бревна. Был комендант один, заключенный, здоровый парень, говорит: «Иван Михайлович, что мы будем рисковать, давай вдвоем носить». — «Давай!» Вот мы с ним брали с вагона бревна вдвоем. Начальник лагеря прыгал, шумел, кричал, что мы хотим, так сказать, себя, ну, что ли, травмировать. Я говорю: «Не мешайте!» Вместо десяти-двенадцати человек, мы брали вдвоем. А ларчик открывался просто: я работал грузчиком... Ведь вот, скажем, на пароходе привозят в Петербург рояль. Разгружать рояли нелегко, должен нести один грузчик. Ему на спину кладут рояль и по сходням он идет. На спине рояль. Снимают, кладут на платформу в доке уже другие. Кладут на спину и снимают другие люди, но несет грузчик рояль один.

В. А.: Это в Баку так амбалы¹²⁸ носили: у них <нрзб> сзади и... Я сама видела: рояль несет один человек.

И. Г.: Вот я носил рояль, работая грузчиком в порту в Питере. Дальше, во время безработицы я поступил в артель носчиков кирпича на постройке, на <нрзб>. Артель берет так: тридцать два — сорок кирпичей...

В. Д.: Одну <нрзб>?

И. Г.: Одну. Это десять пудиков¹²⁹. Только. И работает артель целый день. Понимаете? Так что это тренировка очень хорошая.

В. А.: А вы один носили эти десять пудиков?

И. Г.: Да. Это... поразились в лагере, что я мог носить огромные тяжести. Что такое? В чем дело? А это сказала старая привычка. Потом я спортом занимался довольно много раньше. И вот это меня спасало.

И другое: люди распускались в лагере. Нашему брату не позволено было этого делать: профессиональные революционеры должны держаться. Понимаете? Поэтому мне приходилось (люди падали духом), приходилось их трясти за шиворот и, что называется, ставить на ноги. Ну, ко мне приходил и доктор Гранат¹³⁰. Пришел — говорит: «Хочу кончать жизнь самоубийством». Я говорю: «Дурак!» Отругал его, встряхнул. И потом уже мы с ним здесь в Москве встречались. Или, скажем, капитан <нрзб>, это летчик, пришел... самоубийством кончать. И таких случаев очень много, очень много. Многие люди великолепно держались, старые революционеры: большевики, даже меньшевики неплохо держались, и затем военные. А интеллигенты сдавали очень часто, легко, не выдерживали, не приспособлены, заболели. Там ведь, понимаете, питание плохое — и дистрофия¹³¹. Причем плохое питание плюс плохое состояние нервно-психическое — и человек валится. Вот так, например, ректор Академии архитектуры, профессор Крюков¹³², мой приятель по воле, он работал в лагере в очень хороших условиях, в проектно-отделе (там вот работал Олтаржевский¹³³, Крюков и другие... Некрасов¹³⁴), и, понимаете, он постоянно скулил. Приходил, говорил: «Иван Михайлович, ведь нас сюда привезли уваживать землю», — бороду гладил. Я говорю: «Брось скулить. Ты же сам себя в могилу толкаешь. В лагере, в тюрьме надо крепко стоять на ногах. Надо нервно-психически себя тренировать, подтягивать, а ты себя размагничиваешь».

Он получал посылки хорошие и прочее, и прочее, и прочее. Умирает. А на другой день приходит его освобождение. Понимаете? Сам себя...

В. Д.: В каком году?

И. Г.: Ну, это было, по-моему... сразу после войны. Он сам себя затолкал в могилу. И таких случаев очень много было. Ну вот, так сказать, первую часть мы закончили.

¹²⁵ ...начальник лагеря, Царев... — начальник ОЛП (Отдельный лагерный пункт) 1-го района Усть-Усинского лагпункта «Рейд» Воркутлага.

¹²⁶ Сажень — старорусская единица длины, с времен Петра I приравненная к семи футам и составляет 213,36 см.

¹²⁷ Баланы — очищенные от сучьев стволы деревьев.

¹²⁸ Амбалы — здесь: грузчики, носильщики. Вообще — силачи, люди крепкого телосложения

¹²⁹ Десять пудиков — это один берковец, старорусская мера веса, равная 164 кг.

¹³⁰ ...доктор Гранат. — Разыскать дополнительные сведения о нем не удалось. На Воркуте было много людей с этой фамилией.

¹³¹ Дистрофия — здесь: предельное патологическое истощение организма.

¹³² Крюков Михаил Васильевич (1884—1944) — архитектор, первый ректор Всесоюзной академии архитектуры (с 1933). Профессор архитектуры (1936). Репрессирован в 1938 г. Умер в лагере НКВД на Воркуте. Реабилитирован в 1956 г.

¹³³ Олтаржевский Вячеслав Константинович (1880—1966) — архитектор, специалист по высотному строительству. Первый главный архитектор Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ныне ВДНХ) (1935—1938). Обвиненный во вредительстве, отбывал срок на Воркуте, являясь главным архитектором города (1939—1942). Освобожден в 1943 г. Участвовал в проектировании здания Кулеческого клуба (ныне театр «Ленком») на Малой Дмитровке (1907—1908), высотной гостиницы «Украина» на Кутузовском проспекте (1947—1948) — последней из семи сталинских высоток, здания Латвийской академии наук (1957) и др.

¹³⁴ Некрасов Алексей Иванович (1885—1950) — искусствовед, историк и теоретик архитектуры. Профессор Московского университета (1918—1930), профессор и заведующий кафедрой истории и теории искусств в МИФЛИ (1932—1938), ученый секретарь, заведующий Кабинетом архитектуры в Третьяковской галерее (с 1930). В 1934 г. Кабинет был передан во Всесоюзную академию архитектуры, где Некрасов возглавил музейный сектор Музея архитектуры (до 1937). В 1936 г. Некрасову была присуждена степень доктора искусствоведения по совокупности трудов. 19 апреля 1938 г. арестован, через год приговорен к десяти годам заключения. Срок отбывал в лагере на строительстве Воркуты. За три месяца до истечения срока был освобожден как инвалид II группы. Посмертно, в 1956 г., дело по обвинению Некрасова было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления.

О своих многочисленных знакомствах

В. Д.: Вот ваша, так сказать, биография. Очень, так сказать, очень организованная, очень сжатая. Но не считайте, что вы рассказали уже об «Известиях». Об «Известиях» вы рассказали только свой служебный путь. Надо рассказать,

как работали, кто там был. Давайте мы сейчас начнем с того, что составим списочек тех людей, о которых вы расскажете.

И. Г.: А может быть, мы сейчас продолжим беседу о Маяковском?

В. Д.: Можно и так. Но так, чтоб, так сказать, перспективу выяснить. У вас еще много кто есть, да?

И. Г.: Видите, дело в чем. «Известия» — это тема чрезвычайно обширная, очень обширная. Людей в «Известиях» мне довелось встречать много и разных.

В. Д.: Вот это нам и нужно. Причем, конечно, из крупных деятелей культуры.

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что, ведя, кроме всего прочего, работу среди интеллигенции, отечественной и зарубежной, я встречался с крупнейшими учеными, инженерами, летчиками, писателями, художниками, скульпторами, артистами, композиторами. С кем только я не встречался! Понимаете? Это... если составлять список, то, боюсь, что если мы с вами этим делом сейчас займемся, то закончим его ночью.

В. Д.: Список? (*Смеется.*)

И. Г.: Да. Это тысячи людей.

В. Д.: Нет, конечно, надо выбирать что-то, хотя, конечно, и те... Скажите, пожалуйста, то, что вы сейчас рассказывали, у вас не написано еще нигде?

И. Г.: Почти не написано.

В. Д.: Почти не написано.

И. Г.: Почти.

В. Д.: Ну, вы давали где-то биографические справки там...

И. Г.: Есть автобиография, написанная у меня, страниц восемь...

Светлана Ивановна Гронская: Есть несколько бесед наговоренных.

И. Г.: Затем беседы кое-какие. Ну, скажем, о Калининe беседа. Ну... кое-что записано, конечно. Затем несколько глав воспоминаний у меня написаны.

В. Д.: Но вот так, в целом, этого не было?

И. Г.: В целом? Видите ли, я работаю над воспоминаниями, у меня есть договор с «Политиздатом» на книгу в тридцать печатных листов. Трудность заключается в том, что у меня нет архива. Поэтому мне всякий пустяк приходится, понимаете, проверять либо в библиотеке, либо в архиве, либо еще где-либо. Поэтому трудностей, понимаете, тут, что называется, больше, чем нужно. О ком мы могли бы беседовать? Во-первых, о самой редакции. Это люди чрезвычайно интересные.

В. Д.: Так. Ну, давайте, только перечислите мне сейчас.

И. Г.: Давайте перечислим.

В. Д.: Я не буду, так сказать, мотивировок ваших уже сейчас...

И. Г.: Давайте перечислим. Ну, скажем, я с «Известиями» до прихода Скворцова-Степанова не был связан. Так что с редакцией Юрия Михайловича Стеклова...

В. Д.: Вы не знакомы.

И. Г.: ...я не был связан. Но с Юрием Михайловичем Стековым я был знаком. Я с ним познакомился...¹³⁵

В. Д.: Достаточно. Знакомы.

И. Г.: ...в Питере, нередко встречался. Затем дальше. Редакция «Известий». Она менялась. Я пришел в 25-м году. Там, кроме Скворцова-Степанова, был Волиң¹³⁶, затем Борис Ефимович Штейн, он заведовал отделом центральным <нрзб> Наркоминдела, затем там работали: Черномордик, Медников¹³⁷, Кретов¹³⁸, Селих...¹³⁹ затем... Старчаков¹⁴⁰, Гарри¹⁴¹.

В. Д.: Всё это умершие люди?

И. Г.: К сожалению... Нет, кое-кто есть и живые, скажем, Кретов жив, но я его не видел после возвращения.

В. Д.: Теперь перечислите писателей.

И. Г.: Нет, понимаете, каждый из названных мною работников «Известий» заслуживает буквально отдельной беседы. Вот, например, Алексей Николаевич Гарри. Это сподвижник Котовского. Это легендарный человек, писатель...

В. Д.: Учтите, что... Ах, писатель?

И. Г.: Да, писатель. У него книги есть. По-моему, один из лучших очеркистов, так сказать, несправедливо забытый. Теперь дальше. Поэты: Маяковский...¹⁴²

В. Д.: Демьян?

И. Г.: ...Демьян Бедный, Городецкий¹⁴³, Петр Орешин¹⁴⁴, Асеев...¹⁴⁵

В. Д.: Клычков¹⁴⁶.

И. Г.: ...Клычков, с Ключевым я возился¹⁴⁷, Мандельштам¹⁴⁸, Пастернак¹⁴⁹ — кого только нет! Понимаете? Дальше. Писатели: Леонов, Лидин, Гладков, Шагинян, Рейснер Лариса, Шолохов, Сергеев-Ценский¹⁵⁰ и так далее, и так далее. Дальше. Барбюс¹⁵¹, Киш¹⁵², Голицер¹⁵³, связь с Бернардом Шоу...¹⁵⁴ Художники: Сварог¹⁵⁵, Юон¹⁵⁶, Грабарь¹⁵⁷, Бродский и так далее. Скульпторы: Андреев¹⁵⁸, Меркуров¹⁵⁹, Менделевич¹⁶⁰, Мухина¹⁶¹.

В. Д.: Голубкину знали?¹⁶²

И. Г.: Нет, ее не знал. Ну вот. Затем композиторы: Прокофьев¹⁶³, Шапорин¹⁶⁴, Шебалин¹⁶⁵, Попов¹⁶⁶, Глиэр¹⁶⁷ и так дальше. Артисты: Качалов¹⁶⁸, Москвин...¹⁶⁹ затем...

С. Г.: Кригер¹⁷⁰.

И. Г.: Кригер...

В. Д.: Коонен знали?¹⁷¹

И. Г.: Коонен знал. Мейерхольд¹⁷², Таиров¹⁷³, Немирович-Данченко...¹⁷⁴

В. А.: Якулова вы знали?¹⁷⁵

И. Г.: Немножко. Я особенно дружил с Москвиным.

В. А.: Айседору Дункан знали?¹⁷⁶

И. Г.: Да. Ну вот. Так что, понимаете, там колоссальный список людей.

В. Д.: Так что тогда, действительно, давайте сегодня начнем с Маяковского. Вот Варвара Аветовна, которая очень важный, так сказать, компонент для бесед о Маяковском...

И. Г.: Я не знаю, могу ли я что-нибудь добавить к тому, что вы знаете о Маяковском.

В. Д.: Мы знаем много, конечно, но мы не знаем того, что вы знаете... нас интересуют в первую очередь личные встречи и история написания тех стихов, которые появились в «Известиях».

И. Г.: Ну, видите ли...

В. Д.: Позвольте также Варваре Аветовне иногда задавать вам [вопросы] нечастые по ходу беседы.

И. Г.: Пожалуйста. Ну, видите ли...

В. Д.: Давайте с Владимира Владимировича начнем, потом, значит, кого-нибудь из ученых. Вы подумайте сами, что вам наиболее интересно. Всех, если там их тысяча, мы, конечно, не сможем. Но все-таки мы много уделим вам внимания...

В. А.: Кольцова вы тоже знали?

И. Г.: Да, конечно! Какого Кольцова? Ученого или очеркиста?¹⁷⁷

В. Д.: Михаила.

И. Г.: Знал.

В. Д.: А ученого?

И. Г.: Знал. (*Дувакин усмехается*.) Понимаете, вам трудно назвать крупного деятеля науки, культуры, искусства и так дальше, которого я бы не знал, просто трудно назвать, потому что я занимался этим делом. Понимаете?

В. Д.: Ну, да, то есть какой-то эпизод есть с каждым? Если даже вы не были знакомы, то, скажем, тот же Кольцов, допустим, Николай... как его... ну, ученый, евгеник, он, допустим, к вам когда-то... могли вы быть с ним не знакомы, но он к вам приходил в «Известия» по такому-то вопросу. Это уже факт. Ведь наша... Мы не голос ваш записываем, для этого у нас и аппаратура недостаточно совершенна — мы записываем информацию, факты, которые уходят...

И. Г.: Так вот, видите, в чем дело. Ведь вот у Кольцова, биолога, работал Замков Алексей Андреевич, муж Веры Игнатьевны Мухиной. Замков был фактически моим домашним врачом¹⁷⁸.

В. Д.: О! Ну, вот видите!

И. Г.: Он почти каждый день бывал у меня. У меня бывали дома: его жена, Вера Игнатьевна Мухина. Я бывал у них. Мухина предлагала мне неоднократно лепить меня. Я говорил: «Ради бога, не надо! Не люблю». Ну вот. Так что, видите... Я через Замкова познакомился с Кольцовым. Он ко мне его как-то привел, и я с ним беседовал. Но это между прочим.

¹³⁵ Я с ним познакомился... — В книге мемуаров Гронский рассказывает, как в апреле 1917 г. в перерыве между заседаниями 1-го Всероссийского фронтового съезда в Петрограде матрос Железняков затаячил его на завод Парвинянин. Там Гронского попросили рассказать о настроениях фронтовиков. И он сообщил, что все солдаты или, во всяком случае, значительное большинство настроено против войны и поддерживает большевиков. В пику ему выступил один из видных эсеров. «И тут неожиданно, — продолжает Гронский, — на трибуне появился Юрий Михайлович Стеклов, редактор «Известий Петроградского Совета» — газеты, начавшей выходить с 28 февраля (по старому стилю) 1917 года. Я увидел его впервые, и в этот же день мне удалось с ним познакомиться» (*Гронский Иван. Из прошлого...: Воспоминания. С. 46*).

¹³⁶ Волин Борис Михайлович (1886—1957) — заместитель редактора «Известий» (1925—1926). (Удален из редакции при Скворцове-Степанове, но под нажимом Гронского.) В дни вооруженного восстания в Москве в 1917 г. был председателем Военно-революционного комитета в Замоскворечье, затем возглавлял Орловский губком РКП (б) (май — август 1918) и Орловский губисполком (август 1918 — июнь 1919), работал секретарем губкома партии в Брянске, председателем губисполкомов в Костроме и Харькове, заместителем наркома внутренних дел Украины. Главный редактор газеты «Рабочая Москва» (1923—1924), первый секретарь полномочного представительства СССР в Париже (1924—1925). После «Известий» — директор отдела ТАСС в Вене (1926—1927), руководитель отдела печати Наркомата иностранных дел (1927—1929). Вершина служебной карьеры — начальник Главного управления по делам литературы и издательств (замаскированное название цензуры) (1931—1935).

- 137 *Медников Николай Иванович* (1899—1937) — партийный и государственный деятель, профессор экономики, журналист. Вступил партию большевиков в начале 1917 г., участвовал в установлении Советской власти у себя на родине, в г. Торжке. С 1919 г. работал в Тверском губком партии и губисполкомом, первым секретарем Смоленского горкома партии. После окончания Института Красной профессуры возглавил планово-производственный отдел ВСНХ СССР и одновременно экономический отдел «Известий». При Г. М. Кржижановском был заместителем председателя Госплана СССР. Преподавал в Горной академии, Московском университете, Институте народного хозяйства. Направленный в Свердловск, работал председателем Облплана, заместителем начальника Свердловского областного управления местной промышленности. Редактировал журнал «Хозяйство Урала». Арестован 12 октября 1936 г. Приговорен к смертной казни 22 марта 1937 г. 23 марта расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
- 138 *Кретов Федор Дмитриевич* (1900—1989) — инструктор МК ЦК партии (1925—1929). Был проректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, работал в Центроархиве. В «Известиях» Гронский ввел его в редколлегия, а затем сделал и одним из своих заместителей. После «Известий» Кретов заведовал сектором науки ЦК, был заместителем директора Института истории АН СССР, возглавлял Секретариат М. И. Калинина. С 1961 г. зав кафедрой истории партии в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Автор множества политических брошюр. Под общей редакцией Кретова с грифом ВПШ выходили «Лекции по истории КПСС» (6-е изд., доработ. М.: Мысль, 1977).
- 139 *Селих Яков Григорьевич* (1892—1967) — участник Гражданской войны; член редколлегии «Известий», зав отделом советского строительства (1920—1935), зам главного редактора (1935—1938), исполняющий обязанности главного редактора (1938—1941). В 1941 г. из «Известий» перешел в редколлегия «Правды». В 1941—1945 гг. редактор фронтовой газеты «На разгром врага». Один из организаторов и первый редактор Географиза (1946—1952).
- 140 *Старчаков Александр Осипович* (1893—1937) — журналист, писатель. После службы в Красной армии жил в Ташкенте. Ведал литературным отделом газеты «Туркестанская правда». Осенью 1924 г. переехал в Москву и налаживал в «Известиях» отдел внутренней информации «По Советскому Союзу». С марта 1934 г. заведовал ленинградским отделением «Известий». Писал рассказы, повести, популярные брошюры о Льве Толстом, Николае Чернышевском, Тарасе Шевченко. Дружил с А. Н. Толстым, в соавторстве с ним написал пьесу «Патент 119» (1933). По своему рассказу «Победа Альбера Дюрана» (1930) сочинил либретто оперы «Оранго» для Д. Д. Шостаковича. Оранго — человеко-обезьяна, которая под началом журналиста Дюрана становится репортером, постепенно добивается успеха при помощи биржевых спекуляций и газетного шантажа и занимает место своего патрона. Фрагменты оперы найдены и впервые исполнены в XXI в. Арестован 4 ноября 1936 г. Осужден 19 мая 1937 г. 20 мая расстрелян. Реабилитирован. Жена Старчакова, Е. П. Вольберг-Вельмонт, после расстрела мужа была приговорена к восьми годам заключения как член семьи изменника родины, а их малолетние дочери — Марианна, 1928 года рождения, и Галина, 1930 года рождения, — были отправлены в распределитель НКВД, откуда их взяла к себе Любовь Васильевна Шапорина (1879—1967), художница и переводчица, автор обширного и основательного дневника (3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2017), дружившая со Старчаковым.
- 141 *Гарри Алексей Николаевич* (1902—1960) — участник Гражданской войны, журналист, писатель. В 1918—1923 гг. служил на командных должностях под началом Г. И. Котовского, который прошел путь от главаря налетчиков до командира регулярной кавалерийской бригады, члена Реввоенсовета СССР. Гарри был ранен, контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С 1927 г. в международном отделе «Известий». Считался «известинским Михаилом Кольцовым» — по популярности, по разнообразию тем и живости письма. Не упускал всякого рода достижений и рекордов, в частности освещал операцию по спасению экспедиции Умберто Нобиле (1928). Из «Известий» Алексея Гарри уволил Н. И. Бухарин в 1936 г. Гарри был членом Союза писателей. Выпустил несколько сборников рассказов и очерков. Две его книги посвящены Котовскому: «Огонь. Эпопея Котовского» (М.: Сов. литература, 1934) и «Рассказы о Котовском» (М.: Молодая гвардия, 1959). Посмертно вышел роман «Без фанфар» (Новосибирск: Кн. изд-во, 1962). В 1930-е годы Гарри трижды арестовывали. Первый раз за него заступился И. В. Сталин, второй раз — Н. И. Ежов. Но после третьего ареста, в апреле 1939 г., его приговорили к восьми годам лагерей. В начале 1944 г. досрочно освободили за хорошую работу на Норильском комбинате НКВД. Реабилитирован в 1955 г.
- 142 *Маяковский Владимир Владимирович* (1893—1930) — поэт. О нем речь пойдет дальше.
- 143 *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884—1967) — друг А. А. Блока, наставник С. А. Есенина, восхищавшегося его первой и лучшей книгой «Ярь» (1907). Начиная под влиянием символистов, осенью 1911 г. вместе с Н. С. Гумилевым основал акмеистический «Цех поэтов». Сумел без прикормов вписаться в советские реалии. Автор новой редакции либретто оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», получившей название «Иван Сусанин». При Гронском (до 1932 г.) работал в литературном отделе «Известий».
- 144 *Орешин Петр Васильевич* (1887—1938) — не только поэт, но и прозаик, автор нескольких статей и воспоминаний о Есенине. Бытописатель деревни. Орешин стал одним из инициаторов организации секции крестьянских писателей при Московском Пролеткульте. Выпустил более пятидесяти книг и 4-томник стихов («Ружаное солнце», «Соломенная плаха», «Родник» и «Открытая лира»; 1923—1928). Арестован 28 октября 1937 г. Приговорен к смертной казни 15 марта 1938. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
Ранее Гронский рассказывал: «Петр Орешин был исключительно скромным человеком. У него не совсем удачно сложилась личная жизнь. Он, конечно, уступал в даровании и Н. А. Клюеву, и С. А. Клычкову. Это поэт приятный, это поэт значительный, поэт, который никогда не выступал против Советской власти. Он честно шел в ногу с Советской властью. Нельзя сказать, что у него были большие знания, что он мог осмыслить весь комплекс общественных событий, который развертывался на его глазах, но он пытался понять ход событий, пытался идти в ногу с революцией. <...> Это приятный, вдумчивый поэт, который хорошо изобразил свою эпоху и борьбу своего народа» (*Гронский И. М.* О крестьянских писателях: Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г. / публ. и примеч. М. Никé // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 8. М.: Открытое общество: Феникс, 1992. С. 154).
- 145 *Асеев Николай Николаевич* (1889—1963) — приверженец футуризма, друг и соратник Маяковского по ЛЕФу, лауреат Сталинской премии первой степени (1941) за поэму «Маяковский начинается».
- 146 *Клычков Сергей Антонович* (1889—1937) — поэт «новокрестьянского» направления, прозаик (автор романов «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь» и «Князь мира»), переводчик, литературный критик. Сотрудничал в основном в журнале «Красная новь». Дружил с О. Э. Мандельштамом (соседем по «Дому Герцена»), был близко знаком с С. А. Есениным, С. Т. Конёнковым, П. Н. Васильевым. Арестован в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. 8 октября приговорен к смертной казни. Заседание Военной коллегии Верховного суда началось в 21 час 30 минут, закончилось в 21.55. В тот же вечер Клычков был расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. О Клычкове пойдет речь дальше.
- 147 ...с Клюевым я возился... — О Клюеве (1884—1937) тоже пойдет речь дальше.
- 148 *Мандельштам Осип Эмильевич* (1891—1938). — При Гронском в «Новом мире» (1932, № 4, 6) были напечатаны стихотворения Мандельштама «Довольно курчиться, бумаги в стол засунуть...», «О, как мы любим лицемерить...», «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...»), «Ламарк», («Был старик, застенчивый, как мальчик...»), «Батюшков» («Словно гуляка с волшебною тростью...»), «Там, где купальни, бумагопрядильни...» (посвящение С. А. Клычкову впоследствии восстановила вдова автора — Н. Я. Мандельштам). Мандельштам арестован за два месяца до Гронского, в ночь с 1 на 2 мая 1938 г., но в лагере умер уже 27 декабря.
- 149 *Пастернак Борис Леонидович* (1890—1960) — На вопрос Савелия Соломоновича Гринберга (1914—2003), поэта и музейщика, как удалось Борису Леонидовичу избежать ареста, он ответил: «Там, у них на Лубянке, с канцелярией, должно быть, не всё в порядке». До Пастернака доходили слухи, будто Сталин при докладе документов, обосновывающих арест поэта, сказал: «Не трогайте этого небожителя...» (*Ивинская Ольга*. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М.: Либрис, 1992. С. 158).
- 150 *Леонов, Лидин, Гладков, Шагинян, Рейснер Лариса, Шолохов, Сергеев-Ценский* — перечень в общем благополучных советских прозаиков. Показательно, что нет в нем ни расстрелянных И. Э. Бабеля (1894—1940) и Б. А. Пильняка (1894—1938), ни М. А. Булгакова (1891—1940) и Андрея Платонова (1899—1951), чьи знаковые вещи были напечатаны лишь посмертно.
- 151 *Барбюс Анри* (1873—1935) — французский писатель и журналист. Член Французской компартии (с 1923), почетный член АН СССР (1933). Побывал в СССР в 1927, 1932, 1934, 1935 гг. Автор афоризма «Сталин — это Ленин сегодня» (*Барбюс Анри*. Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир-2-е изд. / пер. с фр. под ред. А. И. Стецкого. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1937. С. 352). Гронскому Сталин говорил, что «Барбюс — это политический капитал» (*Гронский Иван*. Из прошлого...: Воспоминания. С. 150). Когда в 1932 г. Французская компартия и Коминтерн подвергли Барбюса резкой критике за публикацию у себя в журнале «Монд» двух протроцкистских статей, Гронский пригласил его в СССР, устроил в его честь банкет в «Метрополе» на двести человек, подкасал Сталину усадить Барбюса в президиум чествования А. М. Горького в Большом театре по случаю 40-летия литературной деятельности (25 сентября 1932 г.).
- 152 *Киш Эгон Эрвин* (1885—1948) — чешско-немецкий писатель и репортер («неистовый репортер», как назвал он одну из своих книг). Участвовал в создании Коммунистической партии Австрии. В 1921—1933 гг. жил в Берлине. В 1925—1931 гг. неоднократно приезжал в СССР. В 1930-е гг. широко издавался. В сборнике рассказов и очерков «Годы и люди» (М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1936) есть раздел «Из поездок в СССР» (с. 233—274).
- 153 *Голичер (Holitscher) Арутю* (1869—1941) — немецкий журналист и писатель, автор книги в жанре репортажа «Три месяца в Советской России» (1921), которую нацисты сжигали на кострах. В СССР были изданы его книги: «Бедекер назнанку: Беглые заметки о Париже и Лондоне» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. — 102 с.), «Мятежный Китай» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. — 155 с.), «Жизнь современника» (М.; Л.: Госизд-во, 1929. — 576 с.) и др.
- 154 *Шоу Джордж Бернард* (1856—1950) — ирландский драматург и романист, лауреат Нобелевской премии (1925). Посетил СССР (21—31 июля 1931), 29 июля встретился с И. В. Сталиным. С восторгом отзывался о Советском Союзе. По словам жены Гронского, при обыске была изъята «папка с письмами Б. Шоу, Р. Роллана, Сталина, Горького, Калинин» (*Гронская Лидия*. Наброски по памяти: Воспоминания. С. 81).

- 155 *Сварог Василий Семенович* (1883—1946) — художник, вступивший по рекомендации И. Е. Репина в Товарищество передвижников (1916). Член Ассоциации художников революционной России (с 1923). 28 декабря 1925 г. в 5-м номере гостиницы «Англетер» сделал несколько рисунков вынутого из петли С. А. Есенина. Много работал в жанре «политической композиции»: «Товарищи К. Е. Ворошилов и А. М. Горький в тире ЦДКА» (1932), «Портрет В. В. Куйбышева на трибуне» (1935), «И. В. Сталин и члены Политбюро среди детей в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького» (1939) и др. Л. А. Гронская рассказывала: «Художник Василий Семенович Сварог часто бывал у нас с женой Ларисой. Он привозил гитару или банджо и вместе с Ларисой пел неаполитанские песни. Позднее он подарил Валериану Владимировичу <Куйбышеву> колечный портрет Ларисы, чудесно написанный в широкой манере. Лариса в темном платье с пестрым шарфом на плечах. Когда бывали Свароги, это были для нас праздники. Пение, разговоры о социализме, отрицание всего чуждого — формализма, натурализма и т. д.» (Там же. С. 45).
- 156 *Юон Константин Федорович* (1875—1958) — живописец и график, мастер пейзажа, теоретик искусства, педагог. Сочная яркая манера его живописи сложилась под влиянием импрессионизма. Член Ассоциации художников революционной России (с 1925). Преподавал в собственной студии в Москве (1900—1917), в мастерской Академии художеств в Ленинграде (1938—1939), Московском художественном институте им. В. И. Сурикова (1952—1955). Доктор искусствоведения (1941). Директор НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР (1948—1950).
- 157 *Грабарь Игорь Эммануилович* (1871—1960) — живописец, реставратор, искусствовед, просветитель, музейщик, педагог. Попечитель Третьяковской галереи (1913—1925). Инициатор создания и глава Центральных реставрационных мастерских в Москве (1918—1930), научный руководитель (с 1944). Непосредственно участвовал в реставрации «Троицы» Андрея Рублева. Один из авторов проекта реставрации Андрониковой монастыря (1947), где со временем был открыт Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Профессор Московского университета (с 1921), профессор и директор Московского художественного института (1937—1943), директор Всероссийской Академии художеств и Института живописи, скульптуры и архитектуры в Ленинграде (с 1943). Осенью 1944 г. под его началом был создан Институт истории искусства и охраны памятников архитектуры, готовивший многотомную «Историю русского искусства» (1954—1962). За двухтомную монографию «Репин» (1937) Грабарь был отмечен Сталинской премией первой степени (1941).
- 158 *Андреев Николай Андреевич* (1873—1932) — скульптор и график, член Товарищества передвижников (с 1904). Автор около ста скульптурных и двухсот графических портретов В. И. Ленина. Создатель памятника Н. В. Гоголю на Пречистенском бульваре в Москве (1904—1909) (ныне во дворе дома 7-а по Никитскому бульвару, где писатель скончался). Во дворе старого здания Московского университета (Моховая улица, дом 11) установлены памятники Н. П. Огарёву и А. И. Герцену (1918—1922), перед Малым театром — памятник А. Н. Островскому (1926—1929) работы Андреева. Обширная андреевская лепнина зародилась в натуральных набросках 1920 г.
- 159 *Меркуров Сергей Дмитриевич* (1881—1952) — скульптор-монументалист, автор многочисленных памятников В. И. Ленину и И. В. Сталину. Снял более трехсот посмертных масок (в том числе Л. Н. Толстого, В. И. Сурикова, В. И. Ленина, В. В. Маяковского, В. В. Куйбышева, К. Э. Циолковского, А. М. Горького, М. А. Булгакова). Используя посмертные маски, выполнил надгробные памятники у Кремлевской стены Ф. Э. Дзержинскому, А. А. Жданову, М. И. Калинин, Я. М. Свердлову и М. В. Фрунзе. В Москве остались два открытых при его жизни монументальных памятника — Ф. М. Достоевскому (1911—1913, установлен в 1918 на Цветном бульваре, перенесен в 1936 на улицу Достоевского), моделью для которого послужил А. Н. Вертинский, и К. А. Тимирязеву (1922—1933) у Никитских Ворот. Меркуров был членом Ассоциации художников революционной России. После войны руководил восстановлением Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и был его директором (1944—1950).
- 160 *Менделевич Исаак Абрамович* (1887—1952) — по преимуществу скульптор-портретист. Член Ассоциации художников революционной России. В частности, автор группового портрета «Основатели АХРР» (Радимов, Григорьев, Кацман) (4 года АХРР. 1922—1926 г.: Сб. 1. М.: Изд-во Ассоциации художников революционной России, 1926. 2-я пагинация. С. 3).
- 161 *Мухина Вера Игнатьевна* (1889—1953) — народный художник СССР (1943), лауреат пяти Сталинских премий (1941, 1943, 1946, 1951, 1952). Самая знаменитая ее работа — 24-метровая скульптурная композиция из нержавеющей стали «Рабочий и колхозница», венчавшая 34-метровый советский павильон на Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Сейчас стоит рядом с ВДНХ. Мухина создала проникновенное надгробие для могилы сына А. М. Горького — Максима Алексеевича Пешкова на Новодевичьем кладбище. Далее будет упомянут и ее муж — Алексей Андреевич Замков.
- 162 *Голубкина Анна Семеновна* (1864—1927) — автор скульптурных портретов Л. Н. Толстого, Андрея Белого, Вяч. И. Иванова, А. М. Ремизова, А. Н. Толстого и др. Над входом в Московский Художественный театр помещен горельеф Голубкиной «Пловец» (1902—1903).
- 163 *Прокофьев Сергей Сергеевич* (1891—1953) — композитор, пианист, дирижер; новатор музыкального языка. Автор 11 опер, 7 балетов, 7 симфоний, 8 концертов для сольного инструмента с оркестром, ораторий и кантат, камерной вокальной и инструментальной музыки, музыки для кино и театра. В 1918 г. эмигрировал из Советской России. В 1936 г. с семьей вернулся в СССР. Лауреат Ленинской премии (1957) и шести Сталинских премий (1943, 1946 — трижды, 1947, 1952). Умер в один день с И. В. Сталиным.
- 164 *Шапорин Юрий Александрович* (1887—1966) — композитор, дирижер, музыкальный педагог. Вместе с А. В. Луначарским, А. А. Блоком и А. М. Горьким участвовал в создании Большого драматического театра в Петрограде и работал в нем музыкальным руководителем и дирижером (1919—1928), а затем, вплоть до 1934 г., в Ленинградском драматическом театре им. А. С. Пушкина, где писал музыку к спектаклям по А. А. Блоку, А. М. Горькому, Е. И. Замятину, В. В. Маяковскому, А. Н. Толстому, К. А. Федину и др. Над единственной оперой «Декабристы» работал 33 года (1920—1953). Лауреат трех Сталинских премий (1941, 1946, 1952).
- 165 *Шебалин Виссарион Яковлевич* (1902—1963) — композитор, музыкальный педагог, доктор искусствоведения (1941). Ректор Московской консерватории (1942—1948). Автор симфонии «Ленин» (1931) на стихи В. В. Маяковского. Завершил и инструментовал оперу М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка», восстановил партитуру Симфонии на две русские темы М. И. Глинки, создал свою редакцию оперы С. С. Гулака-Артемевского «Запорожец за Дунаем». Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1947).
- 166 *Попов Гавриил Николаевич* (1904—1972) — композитор, один из ведущих представителей музыкального авангарда. Когда приехавшего в Советский Союз в конце 1920-х гг. С. С. Прокофьева познакомили в Ленинграде с молодыми композиторами, он выделил двух — Д. Д. Шостаковича и Г. Н. Попова. Попов написал музыку к спектаклю В. Э. Мейерхольда «Список благоденний» (1931) по пьесе Ю. К. Олеси и к фильму «Чапаев» (1934) «Братьев» Васильевых. На Всесоюзном конкурсе, приуроченном к 15-летию Октября (1932), Первая симфония Попова разделила второе место с Первой симфонией Ю. А. Шапорина и симфонией В. Я. Шебалина «Ленин» (первую премию жюри решило не присуждать). Попов — лауреат Сталинской премии второй степени (1946) за Вторую симфонию «Родина» (1943).
- 167 *Глиэр Рейнгольд Морцевич* (1874—1956) — композитор, дирижер, педагог, доктор искусствоведения (1941). Закончил Московскую консерваторию (1900). Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин в Музыкальном училище Е. и М. Гнесиных (1900—1907, 1909—1913), давал частные уроки Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева (1902—1903). Профессор Московской консерватории по классу композиции (1920—1941). Председатель Всероссийского общества драматургов и композиторов (1924—1930). Лауреат трех Сталинских премий (1946, 1948, 1950).
- 168 *Качалов Василий Иванович* (1875—1948) — актер Московского Художественного театра (с 1900), чтец и педагог. Дублировал К. С. Станиславского в ролях Тригорина и Вершинина в спектаклях по пьесам А. П. Чехова «Чайка» и «Три сестры». Играл Барона в «На дне» А. М. Горького, Ивана Карамазова и Николая Ставрогина в инсценировке «Бесов» Ф. М. Достоевского.
- 169 *Москвин Иван Михайлович* (1874—1946) — актер и режиссер Московского Художественного театра (1898—1946). Ученик В. И. Немировича-Данченко, после смерти которого стал директором МХАТа (1943—1946). Исполнил заглавную роль в спектакле «Царь Федор Иоаннович», которым открылся Художественный театр, и сыграл ее 600 раз на протяжении 45 лет. Среди лучших ролей — также Лука в «На дне», Епиходов в «Вишневом саде», Федор Протасов в «Живом трупе», Ноздрев в «Мертвых душах». В 1936 г. женился на коллеге — А. К. Тарасовой (1898—1973), которая родилась, когда он впервые вышел на сцену в роли царя Федора. С Москвиным у Гронского были дружеские отношения. «Однажды Иван Михайлович Москвин говорит Гронскому: — Иван Михайлович, за что вы на меня обиделись? — Да не обиделся, с чего вы взяли? — Ну, как же, а почему же меня вчера к себе не позвали, вчера у вас гости были? — Не было гостей. Лидия была одна в доме и чего-то побоялась, везде включила свет» (*Гронская Лидия*. Наброски по памяти: Воспоминания. С. 115).
- 170 *Кригер Владимир Александрович* (1872—1932) — актер Театра Корша (1902—1932), главный режиссер там же (1909—1911). Амгла — роли простака с пением (Митрофанушка, Репетилов, Ноздрев, Кудряш и др.). Снимался у Я. А. Протазанова. Отец балерины Викторины Владимировны Кригер (1893—1978) — ее искусство Гронский ценил исключительно высоко. О Кригерах речь пойдет дальше.
- 171 *Коонен Алиса Георгиевна* (1889—1974) — ведущая актриса Камерного театра (1914—1949) и жена его создателя и художественного руководителя А. Я. Таирова. Обладая широким творческим диапазоном, особенно отличалась исполнением трагических ролей.
- 172 *Мейерхольд Всеволод Эмильевич* (1874—1940) — режиссер, актер и педагог, реформатор сцены. Отучившись в классе В. И. Немировича-Данченко в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества, вместе со своими соучениками И. М. Москвиным и О. Л. Книппер вступил в труппу создаваемого Московского Художественного театра. В первом спектакле МХТ «Царь Федор Иоаннович» (1898) играл Василия Шуйского. В чеховской «Чайке» выступил в роли Константина Треплева (1898) и стал первым исполнителем роли барона Тузенбаха в «Трех сестрах» на русской сцене (1901). После МХТ Мейерхольд побывал главным режиссером в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской, ставил драматические спектакли в Александринском театре и оперу в Мариинском. Вступил в РКП (б) (1918), тогда же поставил «Мистерию-буфф» Маяковского, заведовал Театральным отделом Наркомпроса (1920—1921). С 1920 г. руководил своим театром, который назывался по-разному, напоследок — ГостМом (Государственным театром им. Вс. Мейерхольда). Художественные поиски театра раздражали консервативную публику и казенную критику. Режиссеру вменяли эстетизм и формализм. В январе 1938 г. театр был ликвидирован. Мейерхольда арестовали 20 июня 1939 г. Избывали на допросах. Приговорили к смертной казни 1 февраля 1940 г. Расстреляли на следующий день. Реабилитирован он в 1955 г.

- 173 *Таиров Александр Яковлевич* (1885—1950) — актер и режиссер, создавший в 1914 г. Камерный театр, по его определению, «театр эмоционально насыщенных форм». В 1936 г. поставил комедийный спектакль на основе русского фольклора по опере-буфф «Богатыри» А. П. Бородина. Устаревшее мелодраматическое либретто в своей нарочито грубой манере переработал Демьян Бедный, высмеивая былинных богатырей, представленных разбойниками, пропойцами и невеждами. Спектакль был подвергнут резкой критике в «Правде» за искажение русской истории, а либретто стало поводом для окончательного сведения счетов Сталина с Демьяном Бедным. В 1949 г., в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, Таиров из Камерного театра был уволен, а сам театр переименован в Московский драматический театр им. А. С. Пушкина. После этого режиссер не прожил и полутора лет.
- 174 *Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858—1943) — режиссер, педагог, драматург, прозаик, театральный критик. Основатель вместе с К. С. Станиславским Московского Художественного театра (1898), после отхода от дел Станиславского директор и художественный руководитель МХАТа (с 1928). Основатель Музыкальной студии при МХТ (1919), преобразованной в Музыкальный театр (1926). В 1939 г. в состав театра Немировича-Данченко вошел коллектив Московского художественного балета под руководством Виктории Кригер. Преподавал на драматическом отделении Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества (1891—1901).
- 175 *Якулов Георгий Богданович* (1884—1928) — живописец, график, декоратор, сценограф, теоретик искусства, близкий к кругу художников-авангардистов, неприемлемых для Гронского.
- 176 *Дункан Айседора* (1877—1927) — американская танцовщица, основоположница свободного танца. Жена С. А. Есенина (1922—1924). По приглашению А. В. Луначарского приехала в Советскую Россию в 1921 г. и открыла в Москве танцевальную школу. В 1924 г. навсегда покинула СССР. Об Айседоре Дункан Гронский ранее рассказывал: «К есенинскому пьянству руку приложил и С. А. Клычков, более сильный и здоровый физически и психически, чем Н. А. Клюев. И С. А. Есенин фактически допилась до белой горячки. Его пыталась спасти Айседора Дункан. На него не могли повлиять ни З. Н. Райх, впоследствии жена В. Э. Мейерхольда, ни тем более С. А. Толстая, честная, скромная, очень милая, но совершенно бесцветная женщина. Наибольшее влияние на С. А. Есенина оказывала А. Дункан. Вы читали воспоминания А. М. Горького о С. А. Есенине и, вероятно, помните его плохой отзыв об А. Дункан. Я говорил А. М. Горькому, что он зря напал на Дункан. Оказывается, он ее очень мало знал. Айседора Дункан заслуживает самого большого уважения. Это артистка с мировым именем. Она увлеклась революцией, бросила всё и приехала в Россию, где поставила свое искусство на службу народу. Это очень порядочный человек, человек очень большого сердца, ума, чувства. Это великая актриса в полном смысле этого слова. Она любила С. А. Есенина, боролась за него, возила лечиться за границу, но из этого ничего не получилось; он немного поправился, но не настолько, чтобы работать в полную силу, нормально жить» (*Гронский И. М. О крестьянских писателях: Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 8. С. 147—148.*)
- 177 *Какого Кольцова? Ученого или очеркиста?— Кольцов Николай Константинович* (1872—1940) — классик биологии, организатор науки, основатель физико-химической экспериментальной биологии, первооткрыватель внутриклеточного цитоскелета. Инициатор создания и директор Института экспериментальной биологии (1917—1939). Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1916), член-корреспондент АН СССР (1925), академик ВАСХНИЛ (1935), член Королевской академии в Эдинбурге (1934). Поддержанная государством вульгаризация биологической науки привела к ликвидации достижений Кольцова и его школы, к торжеству лженаучной лысенковщины. Умер Кольцов от инфаркта после порции семги в ресторане ленинградской гостиницы «Европейская», и это позволило академику АМН СССР, биохимику И. Б. Збарскому заподозрить отравление, устроенное спецслужбами.
- Кольцов Михаил Ефимович* (1898—1940) — журналист, публицист, фельетонист; общественный деятель. Специальный корреспондент целого ряда периодических изданий, включая газету «Правда» (1922—1938). Редактор журналов «Огонёк», «За рубежом», «Крокодил» и др. Основатель и руководитель издательства «Журнально-газетное объединение» (1925—1938). Заведующий Иностранным отделом Союза советских писателей. Во время Гражданской войны в Испании (1936—1939) был негласным представителем властей СССР при республиканском правительстве, выполнял задания и по линии Гобсеопасности. В романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940) выведен под фамилией Карков. В книге «Гибель всерьез» (1965) Луи Арагон привел фразу, сказанную ему и его жене Эльзе Триоле Кольцовым перед отъездом из Парижа в Москву: «Он едет на родину. Что там с ним будет, он не знает. Но может быть, он не скоро опять приедет в Париж, поэтому... В мире могут произойти важные события. Но, что бы ни случилось с ним лично, запомните, запомните оба... *Сталин всегда прав...* запомните, что это были мои последние слова...» (*Арагон Луи. Гибель всерьез: Роман / пер. с фр. Н. Мавлевич. М.: Вагриус, 1998. С. 53.* Кольцов был арестован 13 декабря 1938 г. Приговорен к смертной казни 1 февраля 1940. Расстрелян на следующий день. Реабилитирован 18 декабря 1954.
- 178 *Замков Алексей Андреевич* (1883—1942) — хирург, терапевт, уролог; изобретатель гравидана (1929) — гормонального препарата, который называли «эликсиром молодости». Лабораторные мыши под воздействием гравидана активизировались. Когда Замков ввел препарат себе, сразу же уменьшилась одышка и сердцебиение, появилась бодрость и ясность мысли («Будто выпил бутылку шампанского!») Этот эффект продержался дней десять. С 1927 по 1930 г. Замков — лаборант Кольцова в Государственном институте экспериментальной биологии. В 1932 г. назначен директором специально созданной лаборатории урогравиданотерапии, в 1933 — директором Государственного института урогравиданотерапии. Пациентами Замкова, помимо Гронского, были С. М. Буденный, А. М. Горький, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Клара Цеткин... Институт подвергнут уничтожающей критике и расформирован в 1938 г.
- С 1918 г. Замков женат на В. И. Мухиной. Мухина считала, что муж похож на Наполеона, а позировал он ей для скульптуры Брута, убивающего Цезаря. Уже после ареста Гронского его жена, Лидия Александровна, позвонила Замкову, когда заболел ее младший сын. «Он сказал — приезжай. <...> Он дал ампулы с гравиданом. <...> Был очень человечный. У нас в доме был своим человеком, приходил запросто. С его женой Верой Игнатьевной Мухиной не было столь теплых отношений, да и, кажется, она несколько ревновала Александра Андреевича» (*Гронская Лидия. Наброски по памяти: Воспоминания. С. 118—119.*)

Маяковский

Теперь так. Маяковский. Видите ли, дело в чем. Маяковского я впервые увидел в Петербурге, вероятно, году в 13-м, на диспуте...¹⁷⁹ где-то... может, это было в университетской аудитории, может быть, где-то в каком-то клубе, может быть, даже «нрзб». Не знаю. Трудно ведь сейчас вспомнить. И в театре. Меня утащил мой приятель-студент. К сожалению, я не помню его фамилии. Мы с ним расстались, вероятно, в году 14-м. Это был очень приятный, начитанный человек. Он был близок к революционному движению и был одним из моих учителей. Вот он меня и утащил на эти выступления Маяковского.

¹⁷⁹ *Маяковского я впервые увидел в Петербурге, вероятно, году в 13-м, на диспуте...* — Впервые Маяковский побывал в Петербурге в 1912 г. и выступил дважды: 17 ноября с чтением стихов в кабаре «Бродячая собака» и 20 ноября в Троицком театре с докладом «О новейшей русской поэзии». «Бродячая собака» отпадает, потому что там собиралась своя артистическая публика и толстосумы, готовые поддержать ее финансово, да и диспут с участием Маяковского не было. Троицкий театр тоже маловероятен, потому что Маяковский даже как аттракцион еще не был известен. Его первые профессиональные, подлинные собственной фамилией стихотворения «Ночь» и «Утро» появились в печати лишь через месяц — альманах «Пощечина общественному вкусу» с ними вышел 18 декабря. В 1914 г. Маяковский в Петербурге не выступал, а Гронский на три года загремел на фронт. Остается 1913 г.: 24 марта Маяковский выступает в Троицком театре на «Первом публичном диспуте о новейшей русской литературе» с докладом «Пришедший сам»; 5 ноября — на лекции Корнея Чуковского «Искусство грядущего дня (русские поэты-футуристы)»; 16 ноября — на Высших женских курсах; 20 ноября — на диспуте в Троицком театре с докладом «О новейшей русской литературе»; 24 ноября — в Психоневрологическом институте; 29 ноября в зале «Соляного городка» с тем же докладом; 10 декабря — в Концертном зале при Шведской церкви с чтением стихов.

Скажу вам прямо: Маяковский мне не понравился. Он вел себя, как мне показалось, развязно, что-то вроде, скажем, поведения на сцене Игоря Северянина*, которого я слышал неоднократно, но недолюбливал. Недолюбливал.

¹⁸⁰ *Игорь Северянин* (Игорь Васильевич Лотарёв; 1887—1941) — поэт-эгофутурист. Ввел моду на эстрадные выступления поэтов. Маяковский выступал вместе с ним на футуристических вечерах (29 ноября 1913, 7, 9 и 13 января 1914, 11 февраля 1915), проиграл ему на выборах короля поэтов в Политехническом музее (27 февраля 1918). В стихах резко нападал на него:
*Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроитья миру в черепе!* (*Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. 1912—1917 / подгот. текста и коммент. В. А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 187.*)

В. Д. (Удивленно): Похоже было на Игоря Северянина?!

Женский голос: По поведению.

И. Г.: По поведению. Они не похожи один на другого. Это разные люди совершенно, абсолютно разные люди, но по поведению, по манере держаться... Тоже разные: самореклама у Игоря Северянина, этакий... шутоватый, и самореклама у Маяковского...

В. Д.: Но другая.

И. Г.: ...но другого порядка, грубее, чем у Северянина...

В. Д.: Резче.

И. Г.: ...резче, понимаете, более такая вызывающая, что называется, самореклама. Мне это не нравилось. Поэтому и отношение к Маяковскому у меня сложилось отрицательное. Я читал некоторые его вещи. Но они как-то... не то что, скажем... и не доходили, и не захватывали меня.

В. Д.: А в чем вы читали, в сборниках футуристических? Или в книжках?

И. Г.: Видите ли, были в сборниках, были книжки, ходили по рукам отдельные стихотворения.

В. Д. (удивленно): Ходили по рукам?

И. Г.: Да.

В. Д.: Вы помните хорошо?

И. Г.: Да-да-да-да-да.

В. Д.: Стихи Маяковского ходили по рукам?!

И. Г.: Да-да-да-да. Вот мой товарищ, студент, о котором я говорю, у него была тетрадь со стихотворениями Маяковского. Он вел...

В. Д.: Со стихотворениями?

И. Г.: Да, со стихотворениями Маяковского, тетрадь. Где, из каких сборников он брал эти стихотворения, я, естественно, не спрашивал и не знаю. Но у него была тетрадь со стихотворениями Маяковского, и эти стихотворения и он сам читал... Когда мы говорили, что я Маяковского не понимаю, что он поэт плохой, то этот мой приятель, студент, читал мне Маяковского, и в его чтении стихи звучали совершенно по-другому. Понимаете?

В. Д.: Не помните, хотя бы строчки из того, что он вам читал?

И. Г.: Нет, это было давно, это было шестьдесят лет тому назад, больше даже шестидесяти, так что в памяти удержать можно только лишь вот самый факт. Я помню тетрадь, я вижу эту тетрадь, понимаете? Может быть, если мне удастся вспомнить его фамилию, может быть, где-то эта тетрадь с записями стихов Маяковского... Там, кажется, были даже заметки его самого. Было бы интересно найти. Может быть, где-нибудь в архивах она, эта тетрадь, и лежит.

В. Д.: Значит, этот студент был знаком с Маяковским?

И. Г.: Был ли он знаком с Маяковским, я не знаю, но он был поклонником Маяковского. Он следил за публикациями стихотворений футуристов. И он обычно (ну, встречи были в небольшом количестве людей), он читал стихи Маяковского. Так что вот, это было, так сказать, первое мое знакомство со стихами Маяковского, и впервые я увидел его самого. Повторяю еще раз: он мне не понравился.

В. Д.: Он в желтой кофте был, нет?

И. Г.: Один раз, кажется, был в желтой кофте¹⁸¹. Там еще были другие... Я не помню, был ли Василий Каменский¹⁸² с ним, не помню.

В. Д.: А Бурлюк был?¹⁸³

И. Г.: Не помню. Бурлюка я позже увидел. С Каменским... Каменского увидел позже и познакомился с ним позже.

¹⁸¹ *Один раз, кажется, был в желтой кофте.* — В 1913—1914 гг. Маяковский появлялся на публике сначала в чисто желтой кофте, а затем в желтой с черными полосками (эта вторая кофта есть на групповой фотографии, где Маяковского окружают братья Давид и Владимир Бурлюки, Алексей Крученых и Бенедикт Лившиц).

¹⁸² *Каменский Василий Васильевич* (1884—1961) — друг Маяковского, один из первых русских авиаторов, поэт-футурист, художник, мемуарист.

¹⁸³ *Бурлюк Давид Давидович* (1882—1967) — друг и наставник Маяковского, его соученик по Училищу живописи, ваяния и зодчества (1911—1914), художник, поэт, организатор группы кубофутуристов. С середины декабря 1913 до конца марта 1914 г. Бурлюк, Каменский и Маяковский объездили вместе полтора десятка городов, пропагандируя искусство авангарда и свою работу.

С Василием Каменским я дружил. Очень приятный, между прочим, мужик.

Ну вот. И, понимаете, это отрицательное отношение к Маяковскому, естественно, меня не привлекало, и я не интересовался его творчеством. Не интересовался.

В 23-м году, когда я создавал Институт имени Карла Либкнехта... Это был комсомольский институт, там была молодежь, мы называли это «комсомольская Свердловка»¹⁸⁴.

В. Д. (удивленно): Свердловка?

И. Г.: Комсомольская. Так называли его.

В. Д.: Значит, как его? Институт... Коммунистический институт...

И. Г.: Высший индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта. Он готовил преподавателей школ фабрично-заводского ученичества. В организации этого института большое участие принимал ЦК комсомола. И мне приходилось общаться с руководителями ЦК комсомола. А непосредственно от ЦК комсомола был прикомандирован и, так сказать, был у меня помощником Андрей Шохин¹⁸⁵. И вот в этом институте...

В. Д.: Это что, комсомольский какой-то вождь был, да?

И. Г.: Очень крупный работник комсомола.

В. Д.: Ах, так!

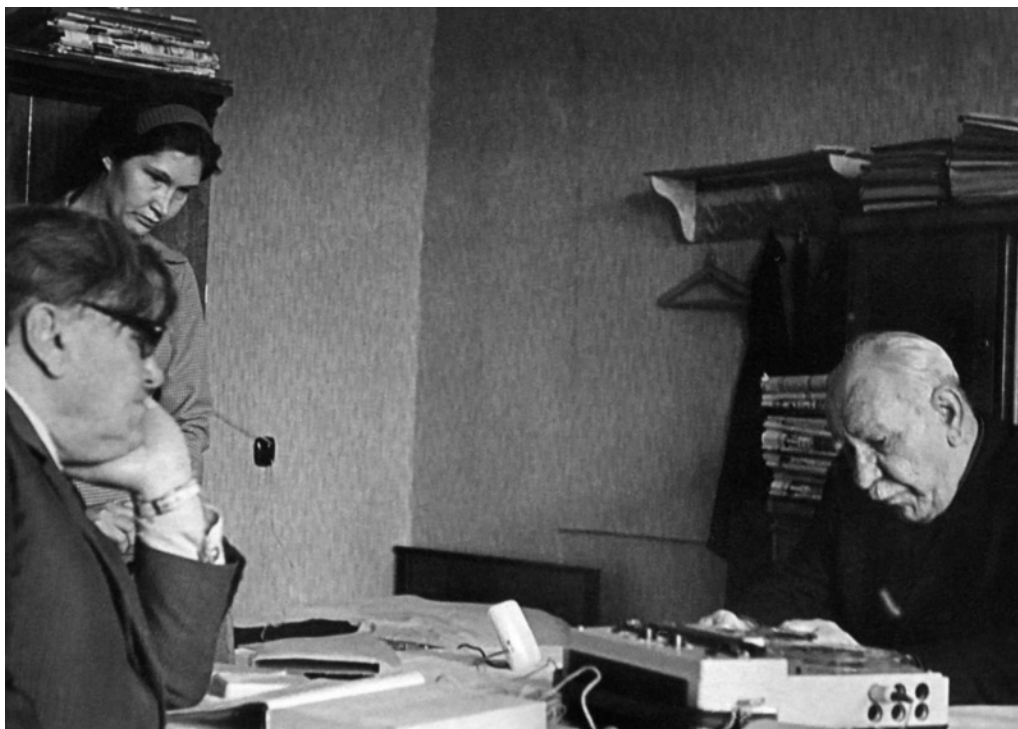
И. Г.: Тогда, кажется, Мильчаков, по-моему, был секретарем комсомола¹⁸⁶.

В. Д.: Чаплин?

И. Г.: По-моему, Мильчаков. Может быть, и Чаплин¹⁸⁷ в это время был, я уже сейчас не помню состав ЦК комсомола, секретариат. Так вот, в этом институте было довольно много кружков, каких хотите: математических, физических, химических, литературных — каких угодно. Молодежь, она буквально там всё кипела, бурлила и так дальше... Ну, и на некоторых, на этих самых собраниях литературных кружков я бывал. Это небольшие кружки, десять—двенадцать человек. И как-то, это было, вероятно, в конце 23-го или в начале 24-го года, где-то вот в это время, было собрание литературного кружка на квартире одной студентки. Невысокого роста, брюнетка (потом я узнал, что Маяковский ею увлекался). Она пригласила меня на это собрание литературного кружка, не говоря о том, что будет Маяковский. Я не знал этого.

В. Д.: Фамилию не помните?

И. Г.: Не помню. Очень милая девушка, очень милая и успевающая, активная, в общественной работе, комсомолка, и Шохин Андрей как раз к ней хорошо относился. В общем, она у нас была на виду. И Шохин меня уговорил пойти на этот литературный кружок к ней на квартиру где-то в районе Пречистенки, в переулке. Большая комната, вот примерно такой, такого...

Виктор Дувакин, Светлана Гронская и Иван Гронский во время записи беседы. 1974

В. Д.: Размера, как ваша?¹⁸⁸

И. Г.: ...такой кубатуры, большой площади, большая площадь. Собралось человек десять—двенадцать. Все студенты и студентки института Либкнехта. Читали стихи. Один читал какую-то... какую-то... что-то вроде рассказа — прозу. И я застал там Маяковского. Ну, одет он был нормально. Держался очень скромно, и это меня поразило. Очень скромно, сдержанно, был со всеми очень вежлив, даже предупредителен. Мне даже показалось, что как-то робко он держался. Ну, до этого я Маяковского видел на трибуне, разумеется.

В. Д.: То есть уже после того, как?..

И. Г.: Да. После революции я его видел на трибуне, слышал его выступления неоднократно.

¹⁸⁴ ...мы называли это «комсомольская Свердловка». — Эталон был Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова.

¹⁸⁵ Шохин Андрей Павлович(1901—1938) — лидер комсомольского движения 1920-х гг., один из организаторов профессионально-технического и политехнического образования в СССР. Окончил историческое отделение Института Красной профессуры (1928). Представлял ЦК РКСМ в Наркомпросе (1921—1924), руководил школьным управлением Наркомпроса (1930—1932), редактировал журнал «За политехническую школу» (1931—1932). По его инициативе для подготовки школьных преподавателей был создан Московский высший индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта (1923), где Шохин, как и Гронский, стал одним из проректоров. В разгар индустриализации обосновывал преобразование старших классов школы в технические училища, дающие выпускникам квалификацию рабочих разных специальностей. В декабре 1923 г. в числе восьми лидеров комсомола подписал письмо в поддержку П. Д. Троцкого, находившегося в оппозиции. Последнее место работы — Комитет партийного контроля при ЦК ВКП (б), должность — заведующий культурно-бытовым отделом. Арестован 9 ноября 1937 г. Приговорен к смертной казни 15 марта 1938 г. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁸⁶ Мильчаков Александр Иванович(1903—1973) — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1928—1929). В 1932—1938 гг. прошел путь от директора забайкальского предприятия «Балейзолото» до начальника Главного управления «Союззолото». Арестован 21 декабря 1938 г. Приговорен к 15 годам лагерей с поражением в правах на 5 лет. Более шестнадцати лет отбывал срок сначала в Норильском, затем в Магаданском лагерях. Реабилитирован 24 апреля 1954 г.

¹⁸⁷ Чаплин Николай Павлович(1902—1938) — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1924—1928). Кандидат в члены ЦК ВКП (б) (1924—1934), кандидат в члены Оргбюро ЦК (1924—1930). В 1937 г. назначен начальником Юго-Восточной железной дороги. Арестован 23 июня 1937 г. Приговорен к смертной казни 22 сентября 1938. Расстрелян в ночь на 23 сентября. Реабилитирован в 1955 г.

¹⁸⁸ Размера, как ваша? — Беседа велась в просторном кабинете на квартире у Гронского (Москва, ул. Строителей, д. 4, корп. 6, кв. 21).

Но тут, понимаете, я увидел другого Маяковского... Такого скромного, сдержанного, вежливого, предупредительного. И это меня поразило.

Он очень внимательно слушал выступления студентов, очень внимательно. Некоторых он похваливал, очень так мягко критиковал, что «вот так будет лучше», «а почему вы так пишете, а не этак?», говорил о форме стиха.

Собрание это затянулось, примерно оно длилось часа, вероятно, три или четыре. Вот тут я познакомился с Маяковским. Разошлись участники кружка, остался Маяковский, вот эта девушка, хозяйка, видимо, ее мать, пожилая женщина, и еще какая-то девушка, тоже студентка нашего института. Пили чай, разговаривали. И опять-таки вот эта мягкость, сдержанность, даже какая-то, понимаете, я бы сказал, робость Маяковского в беседе, в обращении меня поразила. Беседовали мы с ним о поэзии, о поэтах. Он говорил о своей работе в газетах, как он понимает роль поэта и в литературе, и в революции, и прочее. Я тогда не думал, что мне придется работать в газете, не думал о газете.

В. Д.: А вы еще работали в 23-м году?..

И. Г.: Я учился в 23-м году и был проректором этого самого института Либкнехта.

В. Д.: ...где вы учились?

И. Г.: В Институте Красной профессуры.

В. Д.: А, одновременно?

И. Г.: И учился, и работал, и работал...

В. Д.: Был студентом и ректором.

И. Г.: Да. И вел большую партийную работу.

Ну вот. Затем мне пришлось, как я вам говорил, отправиться в Коломну, и в 25-м году я оказался в «Известиях». Встречаемся мы с Маяковским в 25-м году, ну, уже как старые знакомые. Хотя лично вот так я с ним беседовал всего-навсего до этого всего один раз, вот у этой самой студентки.

В. Д.: Но он вас запомнил?

И. Г.: Да. У него, между прочим, была очень неплохая память. И у меня память была довольно хорошая. Мы с ним о чем-то беседовали. Сейчас ведь трудно уже вспомнить беседы.

В. Д.: Ну конечно!

И. Г.: И когда я вскоре сделался, уже в 26-м году я уже был фактически заместителем редактора, то Маяковский, приходя в «Известия», обычно шел ко мне. Он... Порядок был такой: он приносил стихотворение, читал сам, затем я брал стихотворение, читал уже глазами и, что вызывало сомнение, я отчеркивал, ставил галочку или там какую-то черту проводил. И когда заканчивал чтение стихотворения, говорил, что надо поправить то или иное. Ну вот, то, что вы видели. Скажем: он называет Есенина хулиганом. Я говорю: «Владимир Владимирович, Есенин мой приятель, а твой собрат по перу. А ты его хулиганом...»

В. Д.: А вы «ты» ему говорили?

И. Г.: Нет, «вы». Он меня на «вы», и я тоже называл на «вы», но иногда на «ты», редко, очень редко.

В. Д.: По вашей обычной привычке?

И. Г.: Очень редко. Обычно я на «вы» называл. Ну вот. На «вы» и «Владимир Владимирович», иногда «Володя», но это редко было, очень редко. Я говорю, что это не годится. Надо поправить. И он поправил¹⁸⁹. В другом случае, скажем...

В. Д. (обращается к Арутчевой): Там это есть исправление?¹⁹⁰

В. А.: Нет, там этого нет, потому что это <нрзб>. Но вообще цензурные исправления там есть, много цензурных... цензурного порядка.

И. Г.: Теперь, видите ли, есть, скажем так, такие вещи, скажем. Маяковский читает стихотворение, читаю я, говорю, что, знаете, надо стихотворение в такой-то, в такой-то части переделать. Почему — объясняю. Если Маяковскому было понятно, он обычно говорил: «Ясно совершенно, ясно». Уходил в другую комнату, работал над стихотворением примерно час, иногда больше, иногда меньше. Переписывал, как правило, красными чернилами, приносил стихотворение. Я его читал, и почти всегда оно проходило без поправок уже. И одновременно он приносил счет: «В редакцию “Известий”. Счет. Прошу уплатить за стихотворение такое-то столько-то строк (в скобках “три слова в строке”, скобки закрыты) по рубль двадцать пять копеек за строку. Итого столько-то. В. Маяковский». Протягивает мне, говорит: «Хозяин, игни».

В. Д.: Игни?

И. Г.: Игни.

В. А.: И. Г. — Иван Гронский.

В. Д.: А!

И. Г.: Я подписывал: «В бух. (подчеркивал). Уплатить. И. Г.». Он шел в кассу и получал деньги. Вот отношения, так сказать, хозяйственные, материальные.

В. А.: Вот, например, стихотворение «Не юбилейте!»¹⁹¹, там его (это не вы), но там его очень много заставили переделать. Он переделывал, переделывал, переделывал, прямо ужасно.

И. Г.: А где напечатано?

В. А.: В «Известиях».

В. Д.: В «Известиях», но до вас.

И. Г.: Значит, кто-то работал.

В. А.: Кто-то, да... Степанов-Скворцов ставил там ему свои... понимаете...

И. Г.: Либо я, либо Иван Иванович.

В. А.: Такой был почерк у Ивана Скворцова — ни с кем не спутаешь.

И. Г.: Нет, его спутать невозможно.

В. А.: Я его запякую не спутаю ни с кем.

И. Г.: Да-да-да, у Скворцова-Степанова особый почерк.

В. А.: Невероятный.

И. Г.: Нельзя спутать ни с кем.

В. А.: Такие косые буквы...

И. Г.: Да-да-да.

В. А.: ...и очень тесные.

И. Г.: Так вот, чаще всего стихотворения проходили через меня. Иногда, когда, скажем, у меня вызывало сомнение какое-нибудь стихотворение, я передавал Скворцову-Степанову. И дополнительно он еще занимался стихотворением.

В. Д.: А он как относился?

И. Г.: Он относился к Маяковскому отрицательно.

Надо вам сказать, что старые большевики относились к Маяковскому неважно, неважно.

Ну, Николай Леонидович Мещеряков¹⁹², скажем, «правдист» Сергей Васильевич Малышев...

В. Д.: Бонч.

И. Г.: ...Бонч-Бруевич¹⁹³, Ольминский¹⁹⁴, Воронский¹⁹⁵ и так дальше. Другими словами...

В. А.: Они его не понимали.

И. Г.: Не только не понимали...

В. А.: Вот, например, Маяковский написал (оно не опубликовано, то есть опубликовано, но в вариантах): «Хороший дядя Степанов-Скворцов, / но вкус у него староватый».

В. Д.: *Я мало верю в признание отцов,*

чей волос белее ваты.

Хороший дядя Степанов-Скворцов,

*но вкус у него староватый*¹⁹⁶.

И. Г.: Дело, видите ли, в том (и это не случайное явление), дело, видите ли, в том, что старые большевики, они все воспитаны на старой литературе.

В. Д.: На Некрасове и на Надсоне¹⁹⁷.

И. Г.: Не только.

В. А.: Нет, почему? <нрзб> тоже, например, не понимала Маяковского.

¹⁸⁹ Я говорю, что это не годится. Надо поправить. И он поправил.— Под описание Гронского прямо подходит авторская правка в стихотворении «Две Москвы», напечатанном в «Известиях» 12 сентября 1926 г. В авторизованной машинописи первоначально было:

*Есенины по кабакам,
как встарь,
друг другу мнут бока.*

Затем Маяковский поправил:

*Хулиганье
по кабакам,
как встарь,*

друг другу мнут бока(Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. Вторая половина 1925—1926 / подгот. текста и примеч. В. В. Тимофеевой и др. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 445, 177).

Авторизованная машинопись с правкой хранится в Государственном архиве РФ (ранее ЦГАОР).

¹⁹⁰ ...*(обращается к Арутчевой): Там это есть исправление?*— Напомним, что В. А. Арутчева заведовала рукописным фондом в библиотеке-музее В. В. Маяковского и как текстолог изучала рукописи, машинописи, корректуры, публикации и переиздания сочинений поэта.

¹⁹¹ ...*стихотворение «Не юбилейте!»*... — Стихотворение напечатано в «Известиях» 7 ноября 1926 г. Небольшая правка сохранилась в авторизованной машинописи (Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 451).

¹⁹² *Мещеряков Н. Л.* (1865—1942) — в революционном движении с 1885 г., в РСДРП с 1901; член редколлегии газеты «Правда» (1918—1922), одновременно член правления Центросоюза. Исполнял обязанности заведующего Государственным издательством (декабрь 1920 — август 1921), был главным редактором ГИЗа (до 1924), возглавлял его Политотдел, ведавший цензурой (март 1921 — июнь 1922). Первый заведующий Главлитом (центральным цензурным ведомством) (июль — октябрь 1922). Принимал участие в работе Коинтерна (1921—1931). Был заместителем главного редактора Большой Советской энциклопедии (1924—1932), главным редактором 1-го и 2-го изданий Малой Советской энциклопедии (1927—1938). Редактировал журнал «Наука и жизнь» (с 1934). Член редколлегий Полных собраний сочинений Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Н. Г. Чернышевского и др. В 1939 г. вошел в редакционный комитет 90-томного (юбилейного) Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Член-корреспондент АН СССР по отделению общественных наук (литературоведение) (1939).

¹⁹³ *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — в революционном движении с 1889 г., в РСДРП, по его словам, с 1895; этнограф, исследователь сектантства, издатель, публицист, мемуарист, доктор исторических наук. Член редколлегии газеты «Правда» (с 1912). Первый Управляющий делами Совнаркома РСФСР (1917—1920). Инициатор создания и первый директор Государственного Литературного музея в Москве (с 1933), директор Музея истории религии и атеизма АН СССР сначала в Москве, затем в Ленинграде, в Казанском соборе (с 1946). После сталинской резолюции о Маяковском на письмо Л. Ю. Брик («Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление») (Правда. 5 декабря 1935) перестал препятствовать сотрудникам Литмузея (А. Г. Бромберг и др.) в пропаганде творчества Маяковского.

¹⁹⁴ *Ольминский Михаил Степанович* (1863—1933) — в революционном движении с 1884 г., в РСДРП с 1898; публицист, историк, литературный критик, литературовед и историк литературы. Член редколлегии газеты «Правда» (1918—1922), организатор и руководитель Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Испарт) (1920—1928), председатель Общества старых большевиков (1922—1931).

¹⁹⁵ *Воронский Александр Константинович* (1884—1937) — большевик с 1904 г., писатель, литературный критик и теоретик искусства. Не только консультант В. И. Ленина по литературным вопросам, но и его близкий друг. Редактор журнала «Красная новь» (1921—1927), организатор и идеолог литературной группы «Перевал» (1923—1932), отстаивавшей искренность в литературе, творчество по вдохновению и «новый гуманизм» как любовь к человеку вообще. С. А. Есенин посвятил Воронскому поэму «Анна Снегина» (1924—1925). В 1923 г. Воронский примкнул к левой оппозиции. В 1927 после Троцкистской демонстрации 7 ноября исключен из ВКП (б) и сослан в Липецк. В 1929 заявил об отходе от оппозиции и в 1930 получил разрешение вернуться в Москву. Работал редактором отдела классической литературы в Гослитиздате. В 1935 г. арестован. 1 февраля 1937 арестован повторно. Приговорен к смертной казни 13 августа и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957. К Маяковскому Воронский-критик относился заинтересованно и серьезно. Считал, что он «не чувствует революцию как организованный процесс борьбы и победы со всеми трудностями и препятствиями», что он «воспринял революцию больше умом, чем чувством» (*Воронский А.* Маяковский // Литературные портреты: В 2 т. Т. 1. М.: Издательство «Федерация», 1928. С. 387, 388). И в то же время высоко ценил его любовную лирику: «Этой теме Маяковский отдал свои лучшие, самые вдохновенные и сильные страницы. Он нашел горячие, жгущие, большие, огромные слова и образы. Он ни разу не надел, касаясь ее, желтой кофты, ни разу не покривил, не сфальшивил. Во всей нашей отечественной поэзии едва ли найдутся стихи с такой страстностью, с такой мукой, такие голые и обнаженные по чувству» (Там же. С. 379). И как вывод: «Маяковского спасает бездна таланта» (Там же. С. 394). А список старых большевиков, которые относились к Маяковскому «неважно», вполне можно начать с В. И. Ленина.

¹⁹⁶ *Маяковский Владимир.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 13. Письма и другие материалы: [Поэтические заготовки, экспромты, неоконченные и др.] / подгот. текста и примеч. В. А. Арутчевой и др. С. 147.

¹⁹⁷ ...*старые большевики, они все воспитаны на старой литературе.* <...> *На Некрасове и на Надсоне.* — В отличие от Н. А. Некрасова (1821—1877), бесспорного классика русской поэзии, Семен Яковлевич Надсон (1862—1887), проживший всего 24 года, был сильно переоценен современниками. И, хотя поэты следующего поколения — символисты, в частности В. Я. Брюсов, — испытывали его влияние, но скорее отталкивались от него, чем его продолжали.

О формировании рабочей интеллигенции

И. Г.: Не только. Не только. Я вам скажу так. Ведь вот я сложился до революции, убеждения складывались до революции. Что мы читали? Надо вам сказать, после подавления революции 5—7-го годов интеллигенция от партии отошла и отошла от революционного движения. И в партии, не только в партию большевиков, а в партию меньшевиков, эсеров, пошел рабочий, густо пошел рабочий. И новая интеллигенция, она вышла из рабочего класса.

Спрашивается: на чем росла эта новая пролетарская интеллигенция, что они читали? Приведу вам. Во-первых, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Надсоном занимались мало, Никитины¹⁹⁸ занимались мало. Но вот эту тройку, что называется, читали основательно. Дальше. Что из прозаиков привлекало внимание этой подрастающей пролетарской интеллигенции, не без влияния стариков, разумеется: это Гоголь, Тургенев, Толстой, Горький...

В. А.: Достоевский — нет?

И. Г.: ...К Чехову отношение было сдержанное. Понимали, читали...

В. Д.: Но так, как к пустякам?

И. Г.: Нет-нет, не считали это пустяком, не считали. К Достоевскому отношение отрицательное. «Бесы» возмущали всех¹⁹⁹. Ну вот. Дальше. Скажем, увлекались иностранной литературой. Скажем, меня привлекал Байрон и Шелли, особенно я любил Шелли²⁰⁰. У меня Шелли был. Это бальмонтковский перевод²⁰¹. Затем греческая литература. Как это ни странно, в переводе Гнедича мы читали²⁰². Дальше, что читали? Скажем, история. Ну, в школах проходили, в средней, Иловайский²⁰³ там и так дальше. Читали... вначале Костомаровым²⁰⁴ увлекались.

В. Д.: Какое впечатление?

И. Г.: Неплохое. Затем были такие... затем позже Покровский, четырехтомная «История России»²⁰⁵, затем, я помню,

мы разыскивали, находили, читали «Историю XIX века» Лависса и Рамбо²⁰⁶, «Историю Французской революции» до революции прочитал: Олара, большой и малый²⁰⁷, затем...

В. Д.: Тэна²⁰⁸.

И. Г.: Теперь дальше... Жореса — «История французской революции»²⁰⁹, Кабе — «История революции 48 года»²¹⁰, Генрих Кунов — «Борьба классов и партий в Великой Французской революции»²¹¹. Затем была двухтомная работа «Предшественники новейшего социализма». Она была выпущена под очень любопытным названием: «По Циммерману»²¹², Гаусрату²¹³, Каутскому²¹⁴ и так дальше...» Это работа Каутского. Ее так зашифровали и издали²¹⁵. Это два тома, назывались «Предшественники новейшего социализма». Эту вещь, можно сказать, я штудировал до революции. Это всё дореволюционное чтение, учтите. Затем, скажем, разногласия между народниками и марксистами: Плеханова, Ленина читали рабочие²¹⁶. Дальше. Народников...

В. Д.: Михайловский.

И. Г.: Не только Михайловского, Михайловский преимущественно литература²¹⁷, а Южаков²¹⁸, Николай Даниельсон²¹⁹, другие. Это, так сказать, споры об общине, об экономическом расцвете...

В. Д.: Это в основном в 90-е годы, а в 10-м году это еще?..

И. Г.: Читали! Читали. Теперь дальше. Вот, <нрзб>, скажем, марксисты (в споре с народниками), им надо было знать, чем же, собственно говоря, дышат эсеры. И народники, скажем, левые, ну, типа максималистов, они обращались к позитивистам, к Огюсту Конту²²⁰, к Спенсеру²²¹ и так дальше. Такие книги. Затем. Солдатёнков²²² выпускал небольшие, очень хорошо сделанные книги (это сокращения), скажем, «Богатство народов» Адама Смита²²³, «Политическую экономию» Давида Рикардо²²⁴, Сэя²²⁵ ну, Мальтус вышел почти полный, двухтомный²²⁶.

В. Д.: Кстати, Солдатенков или Солдатёнков? Я, наверно, неправильно...

И. Г.: Солдатёнков.

В. Д.: Солдатёнков?

И. Г.: Называют так и так: и Солдатенков, и Солдатёнков.

В. Д.: Издатель.

И. Г.: Издатель, да.

В. Д.: Оно до 17-го года просуществовало?

И. Г.: Да. Так, видите ли, это издательство делало огромное дело, огромное. Эти книги... я вот изучал политическую экономию до революции по книгам издательства Солдатёнкова, понимаете. Я прочитал Адама Смита, еще раньше Кенэ²²⁷, Рикардо, Сэя, <нрзб>. Попался мне двухтомный перевод Мальтуса. Я впервые прочитал его, по-моему, в 14-м году. Увлёкся я искусством, решил понюхать. Ну, Ипполит Тэн, по истории живописи²²⁸, скажем, Александр Бенуа²²⁹ <нрзб> раскрыл работой, это мне Горький порекомендовал в 14-м году...

В. А.: У вас великолепная память!

В. Д.: Великолепная память.

В. А.: Всё помните.

И. Г.: Теперь, понимаете, я не помню, по чьей рекомендации я стал заниматься философией. Ну, читал я много разных: и немцев, и французов, англичан. И попалась мне очень интересная книга: Гегель. «Эстетика». В переводе Модестова. Издание Библикова. Видели такую книгу?

В. Д.: Видел. Не читал.

И. Г.: Ну вот. Великолепный перевод. Великолепная обработка. Все четыре тома «Эстетики» сделаны в одном томе, страниц примерно пятьсот, и, понимаете, легче дается, чем, скажем, «Эстетика» четырехтомная, легче. Гегелевская, так сказать, тарабарщина, все эти сложности его, они Модестовым преодолены. И я впервые прочитал эту вещь до революции и потом уже читал ее после революции²³⁰. Так что, вот, видите... Ну, читали, скажем, Бальзака, Мопассана, скажем, Теккеря, Диккенса²³¹ и так далее и тому подобное.

В. Д.: А как отечественные символисты?

И. Г.: Знаете, они разные, они разные. Они разные, символисты.

В. Д.: Ну конечно.

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что, скажем, Иванов-Разумник мне усиленно рекомендовал читать Блока. Ну, некоторые вещи у Блока мне нравились (потом я с ним познакомился, с Александром Александровичем). Нравился мне Борис Николаевич Бугаев, Андрей Белый, с которым я потом познакомился и подружился. Интереснейший человек.

В. Д.: Бальмонт?²³²

И. Г.: Бальмонт? Бальмонтом я одно время увлеклся. Во-первых, он блестяще перевел Шелли, которым я увлеклся. Вы помните, например, стихотворение Шелли «Англия в 1819 году»?

В. Д.: Не помню.

И. Г.: Портрет Англии:

Король, старик, презренный и слепой, —

Подонки расы отупело-праздной,

Обжоры-принцы, грязь из лужи грязной, —

*Правители с пустою головой...*²³³

Шелли. Представляете себе?

В. Д.: В переводе Бальмонта?

И. Г.: Да. Все переводы после Бальмонта никуда не годятся. Никуда не годятся!

В. Д.: А простите, попутно вопрос: а вы сами языками занимались потом или нет?

И. Г.: Да, занимался. Я знал французский, английский и немецкий. Но всё это умудрился перезабыть за шестнадцать лет заключения. Ну вот. Французским я занялся во время войны...

В. Д.: 14-го года?

И. Г.: Да. ...Немецким я занимался в начале революции, а английский — когда учился в Институте профессуры. Ну вот. Понимаете? Так что мы воспитывались, конечно, под влиянием стариков: Горького... Я общался с Горьким, я с ним познакомился в 14-м году... С одной стороны, Иванов-Разумник — народническое влияние, с другой стороны, Горький — марксистское влияние, «правдисты» — марксистское влияние, Туган-Барановский...²³⁴

В. Д. (удивленно): Вы еще его застали?!

И. Г.: Туган-Барановский... я совершенно случайно с ним встретился...

В. А.: Туган-Барановский... я его «Историю хозяйственных форм» сдавала...²³⁵

И. Г.: Туган-Барановский, я с ним случайно встретился...

В. Д.: И Петра Струве²³⁶ знали, нет?

И. Г.: Я его видел, я как-то раз его видел. Причем, между прочим, это очень глубокий ученый. «Хозяйство и цена» — великолепная книга, надо вам сказать²³⁷. Так вот, видите ли, Туган-Барановский как-то был знаком с моим отцом. Отец мой обладал колоссальной памятью и был очень начитанный человек, но рабочий. И как, где Туган с ним познакомился, я не знаю. Но оказалось, у Тугана... он мне передал после революции, Туган, целую библиотеку — якобы это книги моего отца. Таким образом, понимаете, вот отсюда идет мое знакомство с Туган-Барановским. Он кадет, вообще говоря, Туган-Барановский, по убеждению...

В. Д.: Дальше. Сначала-то «легальный марксист».

И. Г.: «Легальный марксист», так он и остался марксистом, марксистствующим, но...

В. Д.: А по убеждениям...

И. Г.: А по убеждениям он кадет, это один из крупнейших русских ученых-экономистов. Ну, скажем, после Зиберы, скажем, после Струве Туган, пожалуй, самый крупный. <нрзб> У Тугана очень много исследований самостоятельных: «Русская фабрика» — история русской фабрики²³⁸, затем «Курс политической экономии»²³⁹, которую вы сдавали.

В. А.: Нет, я сдавала «Историю хозяйственных форм». Так называлось.

И. Г.: Ах, «История хозяйственных форм»! Я, между прочим, выиграл одно пари в Институте профессуры. У нас лекций не было. Семинарские занятия. И в год надо было сдать два реферата. Я читал реферат, очередной. Ну, и... понимаете, я там цитировал книгу Туган-Барановского «Очерки истории политической экономии»²⁴⁰. Семинар вел Шолом Моисеевич Дволайцкий²⁴¹, милейший человек и очень интересный ученый. Он мне бросает реплику: «Такой книги у Тугана нет. Есть «Очерки истории политической экономии и социализма»»²⁴². Я говорю: «Шолом Моисеевич, давайте пари держать, что у Тугана такая книга есть». — «Нет такой книги!» Я говорю: «Пари». — «Хорошо, пари». На полдюжины шампанского заключили мы пари. Я поднялся этажом выше, принес и положил на стол «Очерки политической экономии» Туган-Барановского. Шолом Моисеевич этой книги не видел тогда. Мы всем семинаром отправились в ресторан и полдюжины шампанского всем семинаром распили. (Усмехается.)

В. Д.: А это допускалось вашим пролетарским сознанием тогда?

И. Г.: Допускалось. Другое пари я у него выиграл. Я цитировал сэра Вильяма Петти, экономист, русский перевод. Он говорит: «На русском языке Петти нет». Маленькая брошюрка Петти переведена на русский язык²⁴³. Выиграл. У Александра Николаевича Савина²⁴⁴ я выиграл пари по другим книгам. Читал реферат о рабочем движении в Англии, промышленный переворот, рабочее движение конца XVIII — начала XIX века...

(Провал в записи.)

Так. Александр Николаевич Савин был Кассо²⁴⁵ снят с кафедры. Виноградов²⁴⁶, Савин, Виппер²⁴⁷ и, кажется, Покровский²⁴⁸. И Виноградов, и Савин уехали в Англию, один был профессором Оксфорда, другой — Кембриджа, это крупнейшие в мире знатоки английской истории.

В. А.: Когда они уехали, в каком году?

В. Д.: В 24-м году...

И. Г.: Нет, они были сняты Кассо, царским правительством.

В. Д.: А! В 10-м году.

И. Г.: И Савин вернулся, кадетом по убеждениям, я его ученик по истории Англии. Вот я у него читал реферат, цитировал книги. Он говорит: «Этих книг нет. Их нет в Британской библиотеке, их нет в Ленинградской публичной библиотеке, Петербургской, их нет в Московской публичной библиотеке...»

В. А.: А у вас были.

И. Г. (*продолжает передавать речь Савина*): «Но, — говорит, — я знаю вашу научную добросовестность. Не может быть, чтобы вы это выдумали. Я говорю: «Александр Николаевич, давайте ко мне зайдем». Я ему показал эти книги. У старика глаза загорелись, он просил дать ему прочитать и законспектировать. Эти книжки были изданы Парамоновым, «Донской речью»²⁴⁹, после разгрома революции они были конфискованы и в библиотеках и уничтожены. Но кое-что осталось. И я на Сухаревке²⁵⁰ эти книжки купил, это было для Савина открытием. Но какое знание литературы! «Этих книг нет!» Называет три хранилища, мировых хранилища. Вот старые ученые!

- ¹⁹⁸ *Никитин Иван Саввич* (1824—1861) — воронежский поэт, который воспринимался и воспринимается преемникомземляка-воронежца А. В. Кольцова. Только житейские горести так угнетают его, что, даже проникаясь иногда восторгом перед жизнью, Никитин по преимуществу довольно однообразно ее отвечает:
*Вырыта заступом яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла* (*Никитин И. С. Полное собрание стихотворений / предисл. Н. И. Рыленкова; вступ. ст. и примеч. Л. А. Плоткина; подгот. текста М. И. Маловой. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 317*).
На слова Никитина написано более шестидесяти песен и романсов. На слуху «Харь-купец» («Ехал на ярмаркуухарь-купец...»).
- ¹⁹⁹ «Бесы» *возмущали всех*. — Когда в 1913 г. В. И. Немирович-Данченко начал репетировать спектакль «Николай Ставрогин» по «Бесам», А. М. Горький с Капри прислал в «Русское слово» статью «О карамазовщине» (напечатана 22 сентября): «Я предлагаю всем духовно здоровым людям, всем, кому ясна необходимость оздоровления русской жизни, — протестовать против постановки произведений Достоевского на подмостках театров» (*Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907—1928. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 150*). Это было требование цензуры на стадии замысла. Тем не менее Горького поддержала большевистская газета «За правду» (одно из названий «Правды»), в частности статьей М. С. Ольминского, помещенной 4 августа. Статьи и письма писателей в защиту инсценировок Достоевского напечатали «Биржевые ведомости» 8 и 9 октября. Со своими критиками Горький вступил в спор в статье «Еще о карамазовщине» (*Русское слово*, 27 октября 1913).
- ²⁰⁰ *Шелли Перси Биши* (1792—1822) — английский поэт-романтик, современник Джорджа Гордона Байрона (1788—1824). Придерживался революционных убеждений в духе утопического социализма.
- ²⁰¹ *Это бальмонтский перевод*. — К. Д. Бальмонт планомерно переводил стихотворения, поэмы и драмы Шелли и первое издание напечатал в семи выпусках (1893—1899). Заново отредактированное издание вышло в трех томах (1903—1907). Статья Бальмонта «Шелли и Байрон» впервые опубликована в «Русских ведомостях» 2 августа 1894 г.
- ²⁰² *Гнедич Николай Иванович* (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера, помощник библиотекаря Императорской публичной библиотеки (1811—1826), библиотекарь (1826—1930). Заведовал отделом греческих книг. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1826). Главным его делом стал перевод «Илиады». Шесть лет он потратил на перевод этой поэмы александрийским стихом, но прислушался к совету антиковеда, помощника директора Библиотеки, а в будущем министра народного просвещения С. С. Уварова и перешел на гекзаметр. С 1813 по 1826 г. он печатал новый перевод частями. Полное издание «Илиады» размером подлинника вышло в 1829 г. Возможно, Гронский склонялся к тому, что предпочтительнее было бы читать «Илиаду» в переводе В. А. Жуковского, переводчика «Одиссеи», но Жуковский успел перевести только первую и вторую песни, да и те еще предполагалось дорабатывать.
- ²⁰³ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — историк, публицист, автор гимназических учебников по истории, выдержавших более ста пятидесяти изданий, и пятитомной «Истории России», которая состоит из семи частей: «Киевский период», «Владимирский период», «Московско-Литовский период, или Собратели Руси», «Московско-царский период: Первая половина, Или XVI век», «Смутное время Московского государства: Окончание истории России при первой династии», «Эпоха Михаила Федоровича Романова» и «Алексей Михайлович и его ближайшие преемники». Дочь Иловайского, Варвара Дмитриевна, была первой женой И. В. Цветаева. Об Иловайском и его семье рассказывает М. И. Цветаева в мемуарном очерке «Дом у Старого Пимена» (1933).
- ²⁰⁴ *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — украинский и русский историк, панславист, этнограф, публицист, писатель, автор обширной «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Начатое при жизни автора издание вышло в семи выпусках (1873—1888) и состояло из двух отделений: «Господство Дома Св. Владимира» (вып. 1—3) и «Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II» (вып. 4—7).
- ²⁰⁵ ...*Покровский, четырехтомная «История России»*. — *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен: В 4 т. Итоговое, 8-е, и 1-е посмертное изд. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933—1934. В 1922 г. в предисловии к четвертому изданию своего труда Покровский сообщает, что «Русская история с древнейших времен» писалась 10 лет тому назад. «Если в науке русской истории, — продолжал он, — с тех пор не произошло перемен, которые побуждали бы к большему, нежели частичные переделки, в общем процентов на десять всего текста, — то в жизни, в мировоззрении вообще, прошло столетие. Нет ни одного вопроса русской истории, до самых древних ее слов, к которому мы теперь не подходили бы по-новому, не имея обычно никаких конкретных возможностей его теперь же перерешить. <...> Книгу следовало бы переиздать к 1930 г. — но ее спрашивают теперь, в 1922 г., и нет другого курса русской истории, более марксистского, чем настоящая, как ни мало он удовлетворителен с точки зрения *теперешнего* марксиста» (Указ. изд. С. 7). До революции «История» Покровского выходила в 5 томах. Начиная с четвертого издания из нее были вынуты главы о религии и церкви, написанные Н. М. Никольским. При имени Покровского вспоминается афоризм: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Так он припечатывал буржуазных историков, но и сам был в его власти.
- ²⁰⁶ ...*мы разыскивали, находили, читали «Историю XIX века» Лависса и Рамбо*. — История XIX века: (Западная Европа и внеевропейские государства). Т. 1—8 / под ред. профессоров Лависса и Рамбо; пер. с фр. с доп. статьями профессоров П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. М.: Издание Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1905—1907. — 324 с.; 334 с.; 342 с.; 328 с.; 354; 339; 350; 323 с. Несколькими годами раньше вышла книга: *Лависс Э. и Рамбо А.* История Французской революции 1789—1799 гг. / пер. с фр. М. Иолшина. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1902. — 702 стб.
- ²⁰⁷ ...*«Историю французской революции» до революции прочитал: Олара, большой и малый*. — Олар Альфонс (Франсуа Виктор Альфонс) (1849—1928) — французский историк, специалист по истории Французской революции XVIII в., иностранный член-корреспондент АН СССР. Возглавлял кафедру истории Французской революции в Сорбонне (1886—1922). С 1889 г. вице-президент Общества по истории Французской революции и редактор его печатного органа «Французская революция» (с 1881 член редколлегии). Основной труд — «Политическая история Французской революции: Происхождение и развитие демократии и республики, 1789—1804» (1901; рус. пер. Н. Кончевской. М.: Издание С. Скирмунта, 1902. — 952 с.; 4 изд. М.: Соцгиз, 1938. — 980 с.). По сравнению с этим толстым большеформатным томом «малым Оларом» можно назвать вышедшие следом книги уменьшенного формата: *Олар Ф. А.* Великая Французская революция: Внутренняя история / пер. с фр. М. О. Гершензона. М.: Издание Товарищества «Бр. Гранат и К°», 1906. — 331 с. *Олар А.* Очерки и лекции по истории Французской революции / пер. с фр. СПб.: Тип. М. И. Акцифьева, 1908. — 364 с.
- ²⁰⁸ *Тэн Ипполит Адольф* (1828—1893) — французский историк, литературный и художественный критик, философ-позитивист. Родоначальник эстетической школы натурализма как литературно-художественного направления и основатель культурно-исторической школы в литературоведении. Член Французской академии (1878). После восстания и падения Парижской Коммуны (1871) увлекся историей Французской революции и написал пятитомник «Происхождение современной Франции» (1875—1895; рус. пер. 1907).
- ²⁰⁹ *Жорес — «История французской революции»*. — Жан Жорес (1859—1914) — французский политик, один из лидеров международного социалистического движения, историк. Убежденный пацифист, он на протяжении десяти предвоенных лет (1905—1914) неустанно боролся за предотвращение надвигающейся войны в Европе. И на пороге Первой мировой войны, перед объявлением мобилизации, был застрелен в парижском «Кафе до Круассан» в двух шагах от редакции коммунистической газеты L'Humanité, основанной Жоресом в 1904 г. Его называют первой жертвой еще не начавшейся войны (первым из десяти миллионов). Как историк Жорес организовал работу над многотомным коллективным трудом «Социалистическая история (1789—1900)». Первые четыре тома (1901—1904), посвященные Французской революции XVIII в., написал он сам, используя широкий круг новых материалов. Эти тома Жореса издаются в России начиная с 1906 г.

- 210 ...Кабе — «История революции 48 года»... — Этьен Кабе (1788—1856) — французский мыслитель и политик, теоретик и пропагандист утопического коммунизма. Изобразил в романе «Путешествие в Икарию» (1840, рус. пер.: *Кабэ Этьен*. Путешествие в Икарию / сокр. пер. с фр. М. П. Богословской; под ред. и с предисл. Б. И. Горва. М.: Новая Москва, 1924. — 176 с.; *Кабе Этьен*. Путешествие в Икарию: Философский и социальный роман. Т. 1 / ст. Н. Л. Мещерякова; коммент. Г. О. Гордона. М.: Л.: Academia, 1935. — 588 с.) идеальное общество, в котором полностью утвердился коммунистический строй. Среди произведений Кабе на исторические темы — «Революция 1830 г.» (1832), «Народная история Французской революции» в четырех томах (1839—1840), а также брошюра «Восстание 23 июня» (осень 1848), посвященная событиям революции 1848 г. Возможно, ее имел в виду Гронский, поэтизировав название книги, которая в отличие от брошюры Кабе была доступна в русском переводе. Скажем, этой: *Блан Луи*. История революции 1848 года / пер. С. Ч.; критич. очерк Е. Колбасина. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1907. — 679 с. Объединение имен Луи Блана и Этьена Кабе встречалось в обиходе, напр., в книге Поля Луи «Французские утописты Луи Блан, Видаль, Пеккер, Кабе» (М.: изд-во «Красная новь» при Главполитпросвете, 1923. — 56 с.)
- 211 ...*Генрих Кунов* — «Борьба классов и партий в Великой французской революции». — Генрих Кунов (1862—1936) — немецкий историк, социолог, этнограф, публицист, один из теоретиков германской социал-демократии. Член редколлегии социал-демократического теоретического журнала Die Neue Zeit («Новое время») (с 1898), редактор (1917—1923), одновременно редактор главного органа немецких социал-демократов — газеты Vorwärts («Вперед») (с 1902). Профессор Берлинского университета (1919—1930), директор Музея народоведения (1919—1924). С 1933 г. в эмиграции во Франции. Книга Кунова «Теологическая или этнологическая история религии?» (1910) была переработана будущим коллегой Гронского — И. Искворцовым-Степановым и впервые вышла на русском языке под его именем: *Степанов И.* Происхождение нашего бога: (По Г. Кунову). М.: Гос. изд-во: Отдел печати Московского Совета р-абочих и к-расноармейских д-епутатов», 1919. — 125 с.; 2-е переработ. изд. М.: Изд-во «Красная новь» при Главполитпросвете, 1924. — 152 с. Параллельно издавалась книга: *Кунов Генрих*. Возникновение религии и веры в бога / пер. и предисл. И. Степанова. М.; Пг. Книгоизд-во «Коммунист», 1919. — 162 с.; 4-е, испр. изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. — 168 с. Упомынутую Гронский книгу Кунов сначала назвал «Революционная журналистика во Франции 1789—94 годов» (1908). Во втором издании автор уточнил заглавие: «Партии Великой Французской революции и их пресса» (1912). В русском переводе с предисловием и добавлениями того же Скворцова-Степанова эта книга получила название «Борьба классов и партий в Великой Французской революции 1789—1794 г.» (Вып. 1, 2, 3—4. М. Книгоизд-во «Волна», 1918. — 96 с., 104 с., 175 с.); 2-е изд., пересмотр. и расшир. по новому нем. изд. М.; Пг.: Книгоизд-во «Коммунист», 1919. — 544 с.; 3-е изд., вновь пересмотр. и расшир. по новому нем. изд. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. — 640 с.
- 212 *Циммерман Вильгельм* (1807—1878) — немецкий историк и поэт. В переводе на русский выходила его трехтомная «История Крестьянской войны в Германии по летописям и рассказам очевидцев» (2-е изд. СПб.: Тип. А. Моригерофов, 1872. — 347 с.; 348 с.; 509 с.).
- 213 *Гаусрат Адольф* (1837—1909) — немецкий протестантский богослов и историк церкви, духовный писатель. В переводе на русский под редакцией Э. Л. Радлова выходил его двухтомник «Средневековые реформаторы: [Абеляр; Арнольд Брешианский; Арнольдисты; Вальденцы; Франциск Ассизский; Вечное Евангелие; Сегарелли; Дольчино]» (СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. — 380 с.; 322 с.).
- 214 *Каутский Карл* (1854—1938) — немецкий экономист, историк, публицист и социал-демократический политик; теоретик марксизма, редактор четвертого тома «Капитала» К. Маркса. Редактор основного в то время марксистского журнала в мире Die Neue Zeit (1883—1917). Допуская поначалу полемику внутри социал-демократии, Каутский со временем становится всё более ортодоксальным. Л. Д. Троцкий считал Каутского самым выдающимся теоретиком Второго Интернационала, отмечал, что его даже называли «папой Интернационала». Относил расцвет деятельности Каутского к глубокому провалу между разгромом Парижской Коммуны и началом Первой Русской революции. Однако уже Первая мировая война для В. И. Ленина обозначила разрыв Каутского с марксизмом. В дальнейшем только подтвердилось, что диктатура пролетариата и в теории, и тем более в советской практике не вызывает у него энтузиазма. Ленинское слово «ренегат» приклеилось к Каутскому в советском обиходе, как «зеркало русской революции» к Льву Толстому, а прозвище «Иудушка» к Льву Троцкому.
- 215 ...была двухтомная работа «Предшественники новейшего социализма». Она была выпущена под очень любопытным названием: «По Циммерману, Гаусрату, Каутскому и так далее...» Это работа Каутского. Ее так зашифровали и издали. — В 1907 г. работа Карла Каутского «Предшественники новейшего социализма» в двух томах (СПб.: Тип. М. Стасюлевича. — 389 с.; 416 с.) вышла в переводе Е. и И. Леонтьевых под именем автора и с авторским названием. Но первое издание семью годами раньше, опасаясь цензурного запрета, издатели назвали так: «Общественные движения в средние века и в эпоху Реформации. Составлено по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и др. Под редакцией В. Базарова и И. Степанова» (*Степанов И.* От переводчика // *Каутский Карл*. Предшественники новейшего социализма. Т. 1. Коммунистические движения в Средние века / пер. и предисл. И. Степанова. 2-е изд., переработ. по 3-у нем. изд. М.: Отдел печати Моск. Совета р-абочих и к-расноармейских д-епутатов», 1919. С. 5).
- 216 ...разногласия между народниками и марксистами: Плеханова, Ленина читали рабочие.— Народники исходили из того, что Россия счастливо пропустит капиталистическую стадию развития. Полемицируя с ними, марксисты доказывали, что капитализм уже пришел в Россию. О работе Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) речь шла выше. Из работ Ленина прежде всего надо назвать «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) и «Развитие капитализма в России» (1899).
- 217 ...*Михайловский преимущественно литература...* — Николай Константинович Михайловский (1842—1904) — один из идеологов народничества, социолог, публицист, литературный критик. Ведущий редактор журнала «Русское богатство» (1893—1903). Целью прогресса считал гармоничное развитие личности, которое возможно только при свободе и равенстве. Отрицал насилие, сомневался в способности народа выступить в качестве преобразующей социальной силы. Опасался революционных потрясений больше, чем политической реакции. Критиковал марксистов за односторонность экономического подхода и игнорирование субъективного фактора в истории. В литературе ценил прежде всего ее общественную значимость. Широкою известность приобрели статьи Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875) — о противоречиях в мировоззрении писателя как свойствах его личности и «Жесткий талант» (1882) — о Ф. М. Достоевском.
- 218 *Южаков Сергей Николаевич* (1849—1910) — социолог, публицист и экономист, либеральный народник. Автор биографических очерков «М. М. Сперанский: Его жизнь и общественная деятельность» (СПб.: Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1892. — Жизнь замечательных людей: Биографическая б-ка Ф. Павленкова. — 88 с.); «Жан-Жак Руссо: Его жизнь и деятельность» (Там же, 1894. — Та же серия. — 79 с.), а также политического этюда «Англо-русская распря: Небольшое предисловие к большим событиям» (Там же, 1885. — 106 с.) политико-исторического очерка «Афганистан и сопредельные страны» (Там же, тогда же. — 195 с.); кн.: Социологические этюды. Т. 2. Изд. пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. — 344 с. Главы первого тома этой книги, вышедшего в 1891 г., «коренным образом переработанные и развитые», составили первый этюд второго тома.
- 219 *Даниельсон Николай Францевич* (1844—1918) — экономист, публицист-народник, издатель, один из теоретиков и идеологов так называемого либерального народничества. С 1868 г. состоял в переписке с К. Марксом, затем с Ф. Энгельсом. Совместно с Н. Н. Любавиным завершил начатый Г. А. Лопатиным перевод первого тома «Капитала» К. Маркса и самостоятельно перевел второй и третий тома, положив четверть века на эту работу. Главный авторский труд Даниельсона — «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», изданные книгой (353 с.) в 1893 г. Даниельсон соглашался с Марксом в том, что общественная жизнь зависит от хозяйственной деятельности людей. Но предсказывал близкий крах капитализма в России из-за узости внутреннего рынка и закрытости внешних рынков для отечественных товаров. Надеялся на благотворность постепенных социально-экономических преобразований, возлагаемых на интеллигенцию, вызывая резкую критику как «легальных», так и революционных марксистов.
- 220 *Конт Огюст* (1798—1857) — французский социолог и философ, родоначальник позитивизма. В поздних произведениях разрабатывал программу такого общественного устройства, которое почитало бы науку новой, «позитивной» религией, а ученых-позитивистов новым духовенством. При этом императивом позитивной морали предполагался альтруизм (термин введен Контом) — жизнь для других.
- 221 *Спенсер Герберт* (1820—1903) — английский философ, социолог и политический мыслитель, виднейший представитель британского позитивизма. Испытал влияние взглядов Огюста Конта, хотя последователем его себя не считал. Центральным принципом своей теологии полагал идею эволюции, которую распространял на всё мироздание, включая человеческое общество. В процессе эволюции оно, как и всякая структура, усложняется, становится более организованным, сплоченным и приспособленным к внешним условиям. В политической теории Спенсер как один из наиболее последовательных сторонников классического либерализма XIX в. выступал против доминирования государства над гражданским обществом, считая социально значимые инициативы частных лиц основным источником благоденствия и прогресса.
- 222 *Солдатёнков Козьма (Кузьма) Терентьевич* (1818—1901) — предприниматель, крупнейший благотворитель и меценат, издатель, действительный член Академии художеств (1895). В 1856 г. основал некоммерческое издательство, выпускавшее художественную, научную литературу, книги по истории и искусству (около двухсот названий).
- 223 ...«Богатство народов» *Адама Смита*... — *Смит Адам*. Исследования о богатстве народов / пер. М. Щепкина. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1895. — Б-ка экономистов. — 289 с.
- 224 ...«Политическую экономию» *Давида Рикардо*... — Эта работа выходила по-русски в разных переводах и под разными названиями: *Рикардо Давид*. Начала политической экономии / пер. Н. В. Фабриканта. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1895. — Б-ка экономистов. — 301 с.; *Он же*. Начала политической экономии и податного обложения / пер. с англ. под ред. Н. Рязанова; предисл. и примеч. его же. М.: Звено, 1910. — 304 с.; *То же / пер.*, предисл., очерк жизни и деятельности Давида Рикардо и примеч. Д. Рязанова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. — 368 с.; *Он же*. Принципы политической экономии / сокр. пер. с англ. под ред. и с ист.-критич. очерком В. Р. Чернышева. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1924. — 198 с.

- 225 *Сэй (фр. Say, произносится: Сэ) Жан-Батист* (1767—1832) — французский экономист, представитель классической школы политэкономии. Иностранннй член Петербургской Академии наук. Считал, что в процессе производства создаются не материальные блага, а услуги, и наоборот. И отношения между рабочим и капиталистом рассматривал как обмен услугами. Выделял три фактора производства: труд, капитал и землю, которые образуют «производительные фонды». С их участием образуются все блага нации, а их совокупность составляет основное национальное богатство. Каждый фонд оказывает «производительную услугу», при посредстве которой производятся настоящие продукты. В доходе содержатся три части соответственно «производительным фондам»: вознаграждение за труд, земельная рента и прибыль на капитал. Сам капитал работает так же, как и человек, и его деятельность должна быть вознаграждена. Процент на капитал представляет собой аналог заработной платы. В издании К. Т. Солдатенкова «Трактат политической экономии» Жана Батиста Сэя (112 с.) вышел вместе с сочинениями его ближайшего последователя Фредерика Бастиа (240 с.) (М., 1896). Фамилия первого автора сведена до двух букв: Сэ.
- 226 *...Мальтус вышел почти полный, двухтомный.* — Томас Роберт Мальтус (1766—1834) — английский священник и ученый, демограф и экономист. Член Лондонского королевского общества (1819) и Французской академии (1833), иностранный член Петербургской Академии наук (1826). Доказывал, что неконтролируемый рост народонаселения приведет к голоду на Земле. Основной труд Мальтуса — «Опыт закона о народонаселении, или Изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла» (1798) — вышел в переводе на русский П. А. Бибикова в двух томах (СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1868. — 476 с.; 468 с.). Солдатенков издал эту работу в сокращении: *Мальтус Т. Р.* Опыт закона о народонаселении / пер. И. А. Вернера. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1895. — Б-ка экономистов. — 251 с.
- 227 *Кенэ (фр. Quesnay) Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, основоположник школы физиократов (физиократия — господство природы). Единственным самостоятельным фактором производства приверженцы этой школы считали почву, природу. Если англичане, а за ними немецкие и русские историки политической экономии изначально сходились на то, что родоначальником самой этой науки был Адам Смит, то французы видели в этой роли Кенэ и физиократов, которые создали первую систематическую теорию политической экономии. Первейшим знаком человеческого общежития Кенэ считал право каждого на свободу и на возможность пользоваться без помех своей собственностью. Но чистый доход приносит обществу только класс земледельцев. Особый класс занят переработкой продукции земледелия для улучшения ее вкусовых качеств. А класс собственников не участвует ни в производстве, ни в оптимизации его результатов, сосредоточиваясь на духовном развитии и управлении государством. Гронский имеет в виду книгу: *Кенэ Франсуа.* Выбранные места / пер. А. В. Горбунова. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1896. — Б-ка экономистов. — 279 с.
- 228 *...Ипполит Тэн, по истории живописи...* — Художественные интересы Ипполита Тэна в основном были сосредоточены на искусстве Древней Греции, итальянского и немецкого Возрождения, а также Нидерландов. На основе курсов, прочитанных Тэном в 1864—1869 гг. в парижской Школе изящных искусств, в 1880 г. впервые были изданы его «Лекции об искусстве: Философия искусства» в пяти томах, многократно выходившие в переводе на русский. В частности: Чтения об искусстве: Пять курсов лекций, читанных в Парижской школе изящных искусств Ипполитом Тэном / пер. А. Н. Чудинова, тщательно испр. и доп. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1874. — 372 с.; 5-е испр. изд. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1904. — 415 с.; Тэн И. Лекции об искусстве: (Философия искусства). Ч. 1—5. [Уменьшенный формат]. М.; Изд-во Всерос. Центрального Исполнительного Комитета Советов р-абочих», «содатских», «крестьянских» и «казацких» депутатов; Гос. изд-во, 1919. — 96 с., 104 с., 123 с. 163 с.; 113 с.
- 229 *Бенуа Александр Николаевич* (1870—1960) — живописец, график, сценограф, историк искусства, художественный критик, музейщик. Главный организатор (1898) и идеолог художественного объединения «Мир искусства». Одна из ключевых фигур художественной культуры Серебряного века в России. Автор «Истории русской живописи в XIX веке» (Ч. 1—2. СПб.: Издание Товарищества «Знание», 1901—1902. — 132 с.; 285 с.), «Истории живописи всех времен и народов» (Т. 1—4. СПб.: Шиповник, 1912—1916. — 550 с.; 502 с.; 518 с.; 424 с.). Эмигрировал в 1926 г. Жил в Париже.
- 230 *«Эстетика» Гегеля* — это курс лекций, прочитанный немецким философом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (1770—1831) в университетах Гейдельберга (летние семестры 1817 и 1818) и Берлина (зима 1820/1821, лето 1823 и 1825, зима 1828/1829). Для печати его составил по запискам автора, а также студенческим конспектам и обработал преданный ученик и друг философа Генрих Густав Гото (Хото) (1835). Первый русский перевод «Эстетики» под названием «Курс эстетики, или Наука изящного» вышел в 1847 г. (1-я и 2-я части) и в 1859—1860 гг. (3-я часть). Переводчиком был как раз В. А. Модестов, но он перевел Гегеля не с немецкого оригинала, а с облегченного французского изложения, выполненного и выпущенного французским философом Шарлем Бенаром (1840—1852). Видимо, поэтому для Гронского в этом переводе нет «гегелевской тарбарщины». В 1869 г. опять же в переводе Модестова была переиздана только 3-я часть «Эстетики» (2-е изд. М.: Тип. В. Готье). Суммарный объем всех трех частей русского перевода составил 1377 с., а одной только 3-й части — 655 с. Скорее всего, именно это издание и читал Гронский и до революции, и после. Следующее русское издание (уже научно) в переводе с немецкого Б. Г. Столпнера начало выходить только в 1938 г. (первый том подписан к печати в Государственном издательстве экономической литературы 10 января, почти за полгода до ареста Гронского). И Гронский уже тогда мог обратить на него внимание и решительно предпочесть этому переводу перевод Модестова.
- 231 *Бальзак Оноре де* (1799—1850), *Мопассан Ги де* (1850—1893), *Теккерей Уильям Мейкпис* (1811—1863), *Диккенс Чарльз* (1812—1870) — классики французской и английской литератур.
- 232 *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867—1942) — поэт-символист и один из лидеров символизма, переводчик и эссеист. Первым из символистов получил всероссийскую известность. Автор 35 поэтических сборников и 20 книг прозы. В 1906—1913 и 1920—1942 гг. жил в эмиграции.
- 233 *Шелли.* Полное собрание сочинений, в переводе К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное издание. Т. 1. Лирика; Царица Маб; Демон мира; Аластор. М.: Издание Товарищества «Знание», 1903. С. 71.
- 234 *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865—1919) — экономист, социолог, теоретик кооперативного движения, историк, один из представителей «легалного марксизма». Впоследствии открытый защитник капитализма. Украинский политик и государственный деятель, министр финансов Центральной Рады (конец 1917 — январь 1918), академик Украинский АН (1918).
- 235 *...я его «Историю хозяйственных форм» сдавала...* — Скорее всего, это не название книги, а название учебной темы.
- 236 *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — экономист, социолог, философ, историк, политик и публицист. Теоретик «легалного марксизма». Еще обучаясь в Петербургском университете, он основал марксистский кружок (1890), в который входил, в частности, М. И. Туган-Барановский. Впоследствии Струве один из лидеров кадетской партии. Редактор журналов «Освобождение» (Гайсбург, пригород Штутгарта; Париж, 1902—1905), «Русская мысль» (Москва, 1906—1918) и др. (О «Русской мысли» см. примеч. 255.) Участник сборника «Вехи» (1909). Академик Российской Академии наук (май 1917, исключен в декабре 1928, восстановлен в 1990). С февраля 1920 г. в эмиграции.
- 237 *«Хозяйство и цена» — великолепная книга, надо вам сказать.* — *Струве Петр.* Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1. Хозяйство и общество: Цена-ценность. СПб.; М., 1913. — 358 с.; Ч. 2. Критика некоторых основных проблем и положений политической экономии. Вып. 1. Там же, 1916. — 108 с. Наконец этот главный экономический труд Струве собран под одной обложкой: М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. — 625 с. Издание подготовил Л. А. Дмитриев.
- 238 *У Тугана очень много исследований самостоятельных: «Русская фабрика» — история русской фабрики...* — *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1898. — 497 с.; 3-е изд. СПб.: Книжный магазин «Наша жизнь», 1907. — 562 с.; 7-е изд. М.: Соцгиз, 1938. — 460 с.
- 239 *...затем «Курс политической экономии»...* — По-видимому: *Туган-Барановский М. И.* Политическая экономия: Курс популярный. Киев: Дніпровський союз споживчих союзів України, 1919. — 208 с.
- 240 *...я там цитировал книгу Туган-Барановского «Очерки истории политической экономии».* — *Туган-Барановский М.* Очерки из новейшей истории политической экономии: Смит, Мальтус, Рикардо, Сисмонди, историческая школа, катедер-социалисты, австрийская школа, Оуэн, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Родбертус, Маркс. СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1903. — 434 с.
- 241 *Дволацкий Ш. М.* (1893—1937) — ученый-экономист. Член РСДРП (с 1917), большевик (с 1917). Преподавал экономические дисциплины в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердловла, Институте Красной профессуры, 1-м Московском государственном университете. Член Коллегии Народного комиссариата торговли СССР (1926—1930), член Коллегии Народного комиссариата внешней торговли (с 1930), Торгпред СССР во Франции (1934—1936). 1-й заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнарком (1936—1937). Арестован 15 октября 1937 г. 27 ноября приговорен к смертной казни. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957.
- 242 *«Такой книги у Тугана нет. Есть «Очерки истории политической экономии и социализма».* — В отличие от объемистых «Очерков из новейшей истории политической экономии...» (434 с.) более скромные по объему «Очерки из новейшей политической экономии и социализма» Туган-Барановского широко переиздавались: 2-е изд. СПб.: Издание редакции журнала «Мир Божий», 1905. — 16 с.; 6-е изд. М.: Издание Всерос. Центрального Союза потребительных обществ, 1919. — 260 с.
- 243 *Маленькая брошюрка Петти переведена на русский язык.* — *Слуцкий Евгений.* Сэр Вильям Петти: Краткий очерк его экономических воззрений с приложением нескольких важнейших отрывков из его произведений. Киев: Тип. А. И. Гросман, 1914. — 48 с. (Эта брошюра есть в Российской национальной библиотеке.)
- 244 *Савин А. Н.* (1873—1923) — историк-медиевист, доктор всеобщей истории (1907). После окончания Московского университета (1895) здесь же преподавал: приват-доцент (с 1903), экстраординарный (с 1908), ординарный профессор кафедры всеобщей истории (1914—1918). В английских архивах и библиотеках Савин работал в научной командировке (1903—1905), летом 1908 г., когда на английский переводили главы из его диссертации, в летние каникулы 1910, 1912, 1914 гг. После Октябрьской революции служил в архиве бывшего Министерства иностранных дел, изучая документы по истории русско-германских отношений. В Институте Красной профессуры Савин вел семинары по истории Англии (1922). В начале декабря 1922 г. он выехал в Англию для продолжения занятий, прерванных из-за начавшейся в 1914 г. войны, но простудился и 29 января 1923 г. умер в Лондоне.

- ²⁴⁵ *Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — министр народного просвещения (1911—1914, управляющий Министерством с 1910). В начале 1911 г. после студенческих беспорядков в Московском университете Совет министров по предложению Кассо предоставил московскому градоначальнику право вмешиваться во внутреннюю жизнь университета для наведения порядка. Ректор университета А. А. Мануйлов, его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков подали в отставку. Вслед за ними демонстративно уволились около 130 преподавателей и сотрудников (в том числе 24 профессора и 74 приват-доцента).
- ²⁴⁶ *Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925) — историк-медиевист. После окончания Московского университета (1875) оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Приват-доцент (с 1881), экстраординарный профессор (1884—1889), ординарный профессор кафедры всеобщей истории (1889—1901). Член-корреспондент Императорской Академии наук (1892), действительный член (1914). В 1902 г. после конфликта с министром народного просвещения П. С. Ванновским подал в отставку. С 1903 г. — профессор сравнительного правоведения в Оксфордском университете. В 1908 г. вернулся в Московский университет, сохраняя профессорскую должность в Оксфорде. Но в 1911 г. в знак протеста против насаждения полицейщины навсегда покинул университет. В начале 1917 г. удостоен звания рыцаря Англии, затем баронета и сэра. В 1918 г. стал британским подданным.
- ²⁴⁷ *...снят с кафедры... Виппер...* — Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954) — историк. Действительный статский советник (с 1 января 1910). Кавалер императорских орденов Святого Станислава 2-й степени (1901), Святой Анны 2-й степени (1904) и Святого Владимира 4-й степени (1907). В 1880 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Через 17 лет вернулся вальма-матер преподавателем: приват-доцент (с 1897), ординарный профессор (1901—1922). Читал курсы по истории древнего мира. Уволенный из университета (1923), эмигрировал в Латвию. В 1924—1940 гг. профессор Латвийского университета в Риге. В списке 24-х уволенных в 1911 г. профессор Московского университета Виппера нет. Нет его и на их групповой фотографии. Да и в отставку подали не все профессора, а лишь треть.
- ²⁴⁸ *...снят с кафедры... кажется, Покровский.* — В 1911 г. М. Н. Покровский не мог быть снят с кафедры Московского университета, потому что с 1908 по 1917 г. жил в эмиграции.
- ²⁴⁹ *Эти книжки были изданы Пармоновым, «Донской речью».* — Успешный донской предприниматель-миллионер, просветитель и меценат Николай Елпидифорович Пармонов (1876—1951) считался социал-демократом, поддерживал оппозиционную печать, основал в 1903 г. в Ростове-на-Дону издательство «Донская речь». После 1905 г. издательство большей частью переместилось в Петербург, где были легче цензурные условия. Под маркой «Донской речи» вышло около двухсот пятидесяти книжек — в основном художественная литература, история и брошюры социально-политического содержания. В 1907 г. против издателей — Пармонова и его компаньона А. Н. Сурата — начался судебный процесс за неуважение к власти и призывы к свержению государственного строя. Подсудимым грозило три года крепости. Спасло их то, что процесс удалось дотянуть до амнистии 1913 г. по случаю 300-летия династии Романовых. После революции Пармонов включается в борьбу за независимость Области Войска Донского. 2 февраля 1919 г. в составе Войскового круга он принял отставку атамана П. Н. Краснова. При генерале А. И. Деникине Пармонов — управляющий Отделом пропаганды по борьбе с большевиками. В 1920 г. семья Пармонова эмигрировала в Турцию на собственном пароходе «Принцип».
- ²⁵⁰ *Сухаревка* — многолюдная барахолка, или толкучка, в которую превратился после революции Сухаревский рынок на Большой Сухаревской площади по обеим сторонам Сухаревой башни, где более сотни лет по воскресеньям продавали утварь, одежду, книги и другой товар. В 1915 г. рынок занимал около четырех гектаров. Попытки закрыть его как рассадник спекуляции и прочего криминала предпринимались в 1920 и 1924 гг., но он только сжимался и перетекал главным образом в Сухаревские переулки. Ликвидирован лишь в 1930 г.

Уход Маяковского из «Известий»

В. Д.: Вы остановились на том, что вы сказали, что, вообще, старые большевики, как правило, относились к Маяковскому настороженно.

И. Г.: Да. И я объясняю почему. Потому что, повторяю, старики и даже уже второе поколение, или даже третье (это поколение, к которому я принадлежу) воспитывались на старой классической литературе. И новшества мы не принимали.

В. Д.: Но вот, простите, один только еще вопрос.

И. Г.: Пожалуйста.

В. Д.: Я вас спросил, как вы относились к символистам. Вы, так сказать, ушли... сказали, что разные символисты по-разному... Ну, просто вы были... в числе читаемых вами журналов были «Золотое руно»²⁵¹, «Аполлон»²⁵² и «Весы»²⁵³ прежде всего? 908-й год — это же расцвет «Весов». Брюсов²⁵⁴ был в поле зрения, в «Русской мысли»²⁵⁵ он...

И. Г.: Видите, дело в чем... дело, видите ли, в том, что эти журналы в рабочей среде не пользовались популярностью. Рабочая интеллигенция, то есть мыслящие рабочие, которые много читали, этими журналами не увлекались.

В. Д.: А вы лично?

И. Г.: Я лично читал, скажем, издания «Мусгета»: ²⁵⁶ «Арабески» и «Символизм»²⁵⁷ — две книжки в красных обложках²⁵⁸ я прочитал.

В. Д.: Издевались, наверное?

И. Г.: Видите, я хотел понять. Я сам немножко писал стихи в то время, поэтому я занимался различными течениями русской поэзии, поэтому я занимался и символистами. Но это не характерно... для...

В. Д.: Среды?

И. Г.: ...для поколения молодых революционеров, и особенно для стариков. Не характерно.

В. Д.: Вы сверстник Маяковского, так что вы не старик по отношению...

И. Г.: Да, мы, собственно, с ним одногодки.

В. Д.: Да, он на год старше.

В. А.: Нет, он на год старше.

И. Г.: Он разве в 3-м году?

В. А.: Да.

В. Д.: 93-м...

И. Г.: Тогда он старше меня. Так вот, видите ли, я читал Брюсова и, надо вам сказать... Я потом познакомился с Брюсовым... это уже после революции, конечно... Но Брюсов как-то мной не завладел.

В. Д.: Не задевал.

И. Г.: Да. И я не увлекался. Я так разумом понимал значение творчества Брюсова, причем Горький очень высоко ставил

Брюсова, очень высоко, и несколько раз у меня с Горьким на этот счет были споры даже, что вот на меня он не производит большого впечатления. Ну, читал я, конечно, и стихи Андрея Белого²⁵⁹, и Мережковского²⁶⁰, и... читал я, скажем... и акмеистов читал: Городецкого... и других... Но главное читал Блока.

В. Д.: Под влиянием Иванова-Разумника.

И. Г.: Да. Блока я читал очень внимательно. Причем я видел эволюцию Блока. (*Провал в записи.*) Я сам к этой мысли пришел. Пожалуй, эту мысль мне подсказал Иванов-Разумник...

В. Д.: «Испытание в грозе и буре» Иванова-Разумника, очень популярная в то время...²⁶¹

И. Г.: Не только, не только. Он обращал внимание на стихи Блока. Вот, скажем, ранние стихи и стихи периода революции 5—7-го годов и после. Можно легко проследить эволюцию Блока. Это подсказывал Разумник Васильевич²⁶². Причем Разумник Васильевич очень сильно влиял на Есенина, очень сильно, очень сильно!²⁶³ В значительной степени Есенин развивался под влиянием Разумника Васильевича. Маяковский относился к народнической литературе отрицательно.

В. Д.: Да.

И. Г.: Старики, как я говорил, относились к Маяковскому отрицательно. Но некоторые из стариков понимали значение Маяковского и его поэзии, например, Валериан Владимирович Куйбышев. Говорят, что Маяковский бывал у Куйбышева.

В. Д.: Я слышал тоже об этом.

И. Г.: Куйбышев мой друг большой.

В. Д.: Его сын жив²⁶⁴.

И. Г.: Я знаю. Его жена жива и сестра жива²⁶⁵.

В. Д.: Я хочу сына тоже записать.

И. Г.: Мы общались. Куйбышев постоянно бывал у меня, я — у него. В общем, мы дружили. Оба мы были на «ты» с ним. Я его звал Валерианом, он меня — Иваном, вот такие были отношения у нас с Валерианом. Он, надо вам сказать, в первых анкетах своих на вопрос «профессия» писал «поэт», Куйбышев, поэтому вы поймете, почему Куйбышев занимался поэзией.

И как-то у меня дома... А надо вам сказать, о начале 30-х годов, что в первой половине 30-х годов собирались у Горького и у меня (*провал в записи*), главным образом, деятели искусства. У Горького — двадцать-тридцать человек. У меня — до семидесяти человек. Как-нибудь об этом поговорим отдельно. И было так, что раз Куйбышев сел рядом с Андреем Белым. И, конечно, Андрей Белый с ним заговорил о поэзии. И Куйбышев читал на память стихи и статьи символистов. И потом Борис Николаевич мне говорил (Андрей Белый): «Меня Валериан Владимирович поразил. Он профессионально знает поэзию». Я говорю: «А чего вы удивляетесь? Он готовил себя именно к работе в области литературы, поэтому профессионально знает поэзию».

Так вот, Куйбышев понимал Маяковского. Я бы сказал, даже ценил его поэзию. Но, думаю, что с Маяковским он... Маяковский у него не бывал, думаю, не бывал. Где-то я прочитал, что Маяковский якобы бывал у Куйбышева, и Куйбышев... и прочее... что-то подсказал ему, способствовал устройству чтения поэмы «Владимир Ильич Ленин» там, на собрании. Я думаю, что это выдумка, думаю, что это выдумка. Кто-то другой это устраивал, по-моему, не Валериан²⁶⁶.

Ну, затем дальше... Как-то у меня с Серго разговор зашел о Маяковском. Некоторые стихи ему нравились. Он тоже писал стихи.

В. Д. (удивленно): Серго Орджоникидзе?²⁶⁷

И. Г.: Да. Теперь. К Маяковскому очень внимательно относился Чичерин²⁶⁸. Надо вам сказать, что Георгий Васильевич сам поэт. Он писал стихи. Я настаивал, чтобы он печатался. Он не хотел печататься. Где его архив — я не знаю. Но он писал стихи. И являлся крупнейшим знатоком античной литературы.

В. Д.: Но это не пролетарская интеллигенция.

И. Г.: <нрзб>.

В. Д.: Да. Это племянник этого...

И. Г.: Бориса Чичерина²⁶⁹.

В. Д.: Да. Историка.

И. Г.: Он не только историк, а философ, социолог и так дальше, Борис Чичерин. У него же столько книг.

В. Д.: Ну, да. А сейчас племянник Георгия заведует кафедрой во Львове²⁷⁰.

И. Г.: Теперь дальше. Ну, Чичерин, между прочим, очень крупный пианист.

В. Д.: Вот этого я не знаю.

И. Г.: Очень крупный пианист, так сказать, профессионально крупный пианист.

В. А.: Кто?

В. Д.: Чичерин.

В. А.: Нет, какой Чичерин? О каком Чичерине вы сейчас говорите?

И. Г.: Георгий Васильевич. Нарком. Леплевский. Был такой работник ОГПУ и ВЧК, он тоже относился с симпатией к Маяковскому²⁷¹. В общем, я мог бы вам назвать несколько... целый ряд людей, из старых большевиков, которые высоко ставили творчество Маяковского, но подавляющее большинство относилось к Маяковскому отрицательно или во всяком случае сдержанно. Ну, вот это.

Теперь дальше. Вернусь вновь к тому, о чем я говорил в связи с этим литературным кружком. Маяковский в кругу близких, вот, в кругу редакционных работников, был очень тихим, застенчивым, скромным. Было два... как бы два человека уживались в одном: один Маяковский на трибуне, другой — в частной жизни. Уход Маяковского из «Известий». Маяковский ушел из «Известий» в 27-м году. Принес он стихотворение «Хулиган»²⁷². Мне стихотворение не шибко понравилось.

В. Д.: Не шибко?

И. Г.: Не шибко.

В. А.: Но оно было напечатано.

И. Г.: Не в «Известиях».

В. А.: Там и «Хулиган», и «Хулиганы в мировом масштабе», по-моему, напечатаны в «Известиях»?

И. Г.: Это раньше. Это раньше. А я говорю о стихотворении 27-го года. Это стихотворение... я сказал, почему оно в таком виде пойти не может. Ну, видите, он... дескать, вот... объяснял тем, что хулиганы — это люди, ну, молодые, силу некуда девать...

В. Д.:

Парень взвинчен.

Парень распарен.

Один кулак —

*четыре кило*²⁷³.

И. Г.: Да. И вот эта силушка, понимаете, находит выход в хулиганстве. Я говорю, что хулиганство — это явление социальное, не биологическое никакое, а именно социальное явление, и надо посмотреть, собственно говоря, из какой среды вербуются хулиганы и как это происходит, процесс. В общем, Маяковский со мной согласился и говорит, что «ну хорошо, я стихотворение переработаю, перепишу и принесу». А в редакции в это время был Скворцов-Степанов. Он бывал редко в редакции, не каждый день, и бывал час-полтора-два только. Газету, в общем, мне приходилось вести. Поскольку был Скворцов, поскольку стихотворение было такое острое, я считал: нужно привлечь к обсуждению Скворцова-Степанова. Я говорю: «Давайте пойдем к Ивану Ивановичу». Он говорит: «А зачем? Мы же с вами договорились. Зачем же к Скворцову еще идти? Ни к чему». Я говорю: «Все-таки давайте пойдем, пойдем». Мы зашли к Скворцову-Степанову. Прочитал стихотворение Маяковский. Я высказал свои соображения, сказал, что Владимир Владимирович согласился стихотворение переработать в духе тех замечаний, которые были сделаны. Скворцов очень резко выступил против этого стихотворения. И Маяковский... Маяковского это задело, выступление Скворцова, резкостью, и он резко стал полемизировать со Скворцовым. Первый раз в редакции «Известий» Маяковский так полемизировал. Первый раз. Я пытался как-то примирить Скворцова с Маяковским, Маяковского со Скворцовым, но расстались мы... точнее Скворцов и Маяковский расстались очень холодно. Стихотворение Скворцов не принял. Сказал, что печатать, особенно в таком виде, не следует, не будем. Я говорю, что вот Владимир Владимирович согласился переработать. Скворцов промолчал. Когда Маяковский ушел (мы тут с ним простились, в кабинете Скворцова), мы остались вдвоем с Иваном Ивановичем. Скворцов говорит, что дело, в конечном счете, даже не в стихотворении. «Я прекрасно понимаю, я согласен с вашими замечаниями и убежден, что Маяковский стихотворение переработает и даст в таком виде, чтобы его можно было бы напечатать. Дело в другом. Маяковский хулигански выступил против Горького. И это выступление вызвало бурю негодования и в ЦК, и в среде старых большевиков...»

В. А.: Где он выступил?

В. Д.: Ну, «Письмо Горькому», стихотворение.

И. Г.: «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»²⁷⁴. «...И вот это главное. Я не хотел бы, — говорит Скворцов, — чтоб Маяковский печатался в «Известиях». Кстати, я договорился с Демьяном Бедным (он еще раньше мне об этом говорил), что Демьян переходит к нам, в «Известия»...»

В. Д.: Из «Правды», да?

И. Г.: Из «Правды». «...Но Демьян не терпит Маяковского. И это другая причина, по которой, вообще говоря, мы должны будем избавиться от Маяковского». Так кончилось сотрудничество Маяковского в «Известиях».

В. Д.: Да, вы об этом рассказывали как-то в Библиотеке-музее Маяковского. Только там, кажется, даже не стенографировали.

И. Г.: Да, не стенографировали. Хотя у меня есть стенограмма обширная беседы в этом музее. Я еще до сих пор ее не обработал, собираюсь обработать...

В. Д.: Еще при Езерской?²⁷⁵

И. Г.: Да-да-да. Ну вот. Так Маяковский ушел из «Известий». Это пока нигде не опубликовано и пока прошу не публиковать.

В. Д.: Мы вообще ничего не публикуем. Публиковать будут, когда Маяковский <нрзб>.

И. Г.: Теперь дальше о Маяковском. Встречи наши прекращаются.

В. Д.: А как его известили об этом? Он, наверное, очень обиделся?

И. Г.: Тут же сказали, что стихотворение его не пойдет.

В. Д.: Нет, а что вообще? Он, может, субъективно...

И. Г.: Этого он не знал. Этому ему не сказал ни Скворцов, ни я. Так что...

В. Д.: Не могло быть так, что он мог... он мог поступить так: они не напечатали — я ухожу.

И. Г.: Нет-нет-нет-нет. Он понял, что редакция против него, что Скворцов, обычно очень вежливый в разговорах и очень, так сказать, внимательно рассматривавший его стихотворения, вдруг так обрушился. Он понял, что тут причина не только в стихотворении, а что-то другое... И этот суд... который... о котором вы знаете...

В. Д.: Суд давно был.

И. Г.: Давно. Но...

В. Д.: Скворцов в нем принимал какое-то участие?

И. Г.: Скворцов был заведующим издательством.

В. Д.: Это по поводу «Мистерии-буфф»?

И. Г.: Да, нет... да, и по поводу «Мистерии-буфф»... гонорара и так дальше... Маяковский подал в суд, Ленин вмешался в это дело. Возмущенные были записочки Ленина²⁷⁶. Это можно достать собрание сочинений, почитать... Ленина. Просто, когда напечатано, не к чему сейчас об этом говорить. Во всяком случае Маяковский понял, что Скворцов и старое припомнил, и «Письмо Горькому», с которым Скворцов-Степанов дружил очень тесно. В общем, связи редакции «Известий» с Маяковским были порваны. Маяковский в «Известиях» перестал печататься. Последнее стихотворение, по-моему, напечатано в марте 27-го года²⁷⁷.

В. Д.: Он уже работал в «Комсомольской правде».

И. Г.: В «Комсомольской правде», в «Труде», в других газетах, но не в «Известиях». Теперь так: стихотворение «Письмо Маяковского к Горькому» было напечатано в «ЛЕФе», в первом номере за 27-й год.

В. Д.: Так, правильно.

И. Г.: Полонский, Вячеслав Павлович²⁷⁸, принес в редакцию «Известий» этот номер. Это было... то ли в феврале... пожалуй, даже в марте... и показал Скворцову и мне. Я до этого «Письма Маяковского к Горькому» не читал. И только тут по совету Полонского и Скворцова, и я прочитали это стихотворение Маяковского. Ну, Скворцов был возмущен. Меня тоже покорило это стихотворение.

²⁵¹ «Золотое руно» — роскошный по преимуществу ежемесячный художественный и литературно-критический журнал, издававшийся в Москве в 1906—1909 гг. За четыре года вышло 34 тома журнала. Редактор-издатель — промышленник, меценат и коллекционер Николай Павлович Рябушинский (1877—1951) — тратил огромные средства как для поддержки беспрецедентно высокого художественного и полиграфического уровня журнала, так и для привлечения к сотрудничеству самых солидных авторов. Изначально вокруг журнала объединились поэты и критики — главным образом приверженцы символизма. И если со временем из-за конфликта с издателем журнал покинули В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Андрей Белый, то на ведущие роли выдвинулись Вяч. И. Иванов, А. А. Блок, Г. И. Чулков, видевшие в искусстве прежде всего форму религиозно-мистического «соборного» действия. Монографические выпуски «Золотого руна» были посвящены таким замечательным художникам, как М. А. Врубель, В. Э. Борисов-Мусатов, Л. С. Бакст, А. Н. Бенуа, А. А. Иванов, М. В. Нестеров, А. Г. Венецианов, Н. Н. Ге, Анри Матисс и др.

²⁵² «Аполлон» — иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы (1909—1917). Устоявшись, выходил 10 раз за год. На первых порах привлекал символистов, с 1913 г. стал трибуной акмеистов. В журнале печатались И. Ф. Анненский, А. А. Ахматова, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, М. А. Волошин, С. М. Городецкий, Вяч. И. Иванов, О. Э. Мандельштам... Раздел «Письма о русской поэзии» вел Н. С. Гумилев, рубрику «Заметки о русской беллетристике» — М. А. Кузмин, «Петербургские театры» — С. А. Ауслендер.

²⁵³ «Весы» — ежемесячный научно-литературный и критико-библиографический журнал (январь 1904 — декабрь 1909). Основной периодический орган символистов. Редактором-издателем его бесценно был меценат С. А. Поляков, но фактически руководил журналом В. Я. Брюсов. Здесь сотрудничали К. Д. Бальмонт, Андрей Белый, А. А. Блок, М. А. Волошин, З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин, В. Э. Мейерхольд, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Б. А. Садовской, Федор Сологуб и мн. др. Журналы «Золотое руно» и «Аполлон» по-своему продолжали линию «Весов».

²⁵⁴ Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк. Теоретик и один из основателей русского символизма.

²⁵⁵ «Русская мысль» — общесоциально-политический и культурологический ежемесячный журнал (1880—1918) поначалу четкой конституционной направленности. Но с 1908 г. его новый руководитель П. Б. Струве отказался от единого выдержанного направления, предпочтя свободу мнений, «оригинальную и свежую постановку проблем». Сохраняя упор на публицистику, он расширил литературный отдел, заведовать которым пригласил лидеров символизма — сначала Д. И. Мережковского и З. Н. Гиппиус, затем В. Я. Брюсова.

²⁵⁶ «Мусагет» (в пер. с гр. — предводитель муз, т. е. Аполлон) — издательство символистов (1909—1917), выпускавшее русские и переводные книги, в основном стихи и критику философского и религиозно-мистического профиля. Организатором издательства был музыкальный и литературный критик Э. К. Метнер, ближайшими сотрудниками — поэты Андрей Белый и Эллис (Л. Л. Кобылинский), а также литераторы и переводчики А. С. Петровский и М. И. Сизов. Всего «Мусагет» выпустил 44 издания, из них 14 переводных.

²⁵⁷ «Арабески», «Символизм» — сборники статей (М.: Мусагет, 1910, 1911) Андрея Белого, которые подводят итог его литературно-критической деятельности, отчасти символизма в целом.

²⁵⁸ ...две книжки в красных обложках... — Обложки этих сборников ближе к желтому цвету, но названия отчетливо красные.

²⁵⁹ Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — автор поэтических сборников «Золото в лазури» (1904), «Пепел» и «Урна» (1909), «Звезда» и «Королева и рыцари» (1919), «После разлуки» и «Стихи о России» (1922) и поэм «Глоссолалия» (1917), «Христос воскрес» и «Первое свидание» (1918).

²⁶⁰ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — автор поэтических сборников «Стихотворения, 1883—1887» (1888), «Символы. Песни и поэмы» (1892), «Новые стихотворения» (1896) и «Собрание стихов» (1904, 1910) и поэм «Протопоп Аввакум» (1888), «Вера» и «Семейная идиллия» (1890), «Смерть» (1891), «Конец века. Очерки современного Парижа» (1892) и др.

²⁶¹ «Испытание в грозе и буре» Иванова-Разумника, очень популярная в то время... — Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре; Блок Александр. Скифы; Двенадцать. Берлин: Изд-во «Скифы», 1920. — 67 с. Очерк Иванова-Разумника (с. 5—44) предваряет тексты «Скифов» и «Двенадцати» и широко толкует их: «Давно не писал он ничего подобного поэме своей "Двенадцать" — да и писал ли? Лицом к революции, лицом к России стоит здесь поэт — и принимает, и понимает, и любит, и скорбит, и видит мировое значение совершающегося... <...> Если поэму "Двенадцать" мы поставили в ряд "Медного Всадника", то в ряду "Клеветников России" надо поставить его вслед за "Двенадцатью" написанных "Скифов". "Скифы" с новой силой ставят старый вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе» (с. 10, 23).

- 262 *Можно легко проследить эволюцию Блока. Это подсказывал Разумник Васильевич*— В статье «Роза и Крест» (1913) Иванов-Разумник отмечал, что сущность поэзии А. Блока определяется «словом: *влюбленность*» (Иванов-Разумник; Вершины: Александр Блок; Андрей Белый. Пб.: Колос, 1923. С. 20). Однако сам Блок приходит к осознанию, что «*влюбленность* — не тот путь, на котором можно спастись от одиночества, от безумия, от поргеребания заживо; преодолеть свое «декадентство» влюбленностью — безнадежная попытка поэзии А. Блока. Отсюда его незавершенная трагедия, его отчаяние, его безнадежность, его мольба: — «о, исторгни ржавую душу!» Здесь кончаются розы «влюбленности», здесь начинается крест страдания. <...> Одно время ему казалось, что он нашел <...> свое воскресение в любви к России... <...> Цикл стихов «Родина» должен знаменовать собою разрыв поэта с «декадентством» <...> «Символизм» его забудется, а поэтом влюбленности и поэтом страдания, поэтом розы и креста он останется навсегда» (Там же. С. 22—23, 24). Эту намеченную Ивановым-Разумником эволюцию Блока Гронский излагал по-своему: «Он (Блок. — *В. Р.*) перешел на позиции борющегося народа, трудящихся масс. В это время он связал себя с так называемым левым народничеством. Вы знаете, что А. А. Блок постоянно общался с идеологом этого народничества, критиком Р. В. Ивановым-Разумником. И его влияние на А. А. Блока было достаточно большим» (Гронский И. М. О крестьянских писателях: Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 8. С. 145).
- 263 *...Разумник Васильевич очень сильно влиял на Есенина, очень сильно, очень сильно!*— Мистическое восприятие Октябрьской революции привело Иванова-Разумника к идее русского скифства. В ее свете современная Россия представлялась воплощением очистительного первобытного бунтарства, здоровой жестокости, праведной мести и великолепного мессианства. Всё это вместе должно было открыть пути для духовного преобразования человечества. У этой утопии нашлись рьяные приверженцы. Среди них и А. А. Блок, автор программного стихотворения «Скифы» (1918). Тесно общавшийся с Ивановым-Разумником Е. А. Есенин создает в духе скифства свои революционные поэмы: «Небесный барабанщик» (1918) и др.
- 264 *Его сын жив.*— Куйбышев Владимир Валерианович (1917—2003) родился в самарской тюрьме. Его мать — Прасковья (Паня) Афанасьевна Стяжкина (1890—1962) — первая жена Куйбышева — была вместе с мужем в сибирской ссылке, откуда бежала весной 1916 г. через три недели после него и приехала к нему в Самару, где была снова арестована. Сын по совету отца поступил в ФЭУ при Авиазаводе № 1, работал слесарем, затем учился в морском техникуме, проходил практику на пароходе «Буг», потерпевшем аварию возле финского острова Нерва. Отец, год назад руководивший спасением затертого льдами парохода «Челюскин», называл сына «мой маленький челюскинец». Впоследствии Владимир Куйбышев закончил фортификационный факультет Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева, принимал участие в Великой Отечественной войне. Отучился в Московском архитектурном институте (1947). Защитил диссертацию кандидата архитектуры, стал доцентом Центрального института физической культуры. Проектировал жилые дома и спортивные сооружения, в том числе олимпийские комплексы. Как архитектор участвовал в установке в 1974 г. 16-метрового памятника отцу из бронзы и гранита в Кокчетаве. Автор мемуарного очерка «Отец» (О Валерiane Куйбышеве: Воспоминания, очерки, статьи / составитель М. И. Владимирова; предисл. И. М. Гронского. М.: Политиздат, 1984. С. 252—260).
- 265 *Его жена жива и сестра жива.*— Речь о четвертой жене и вдове Куйбышева Ольге Андреевне Лежаве (1901—1984) — дочери заместителя председателя Совнаркома РСФСР А. М. Лежавы и Л. С. Александровой, сестры председателя Истпарта М. С. Ольминского. О. А. Лежава вышла замуж за Куйбышева в 1928 г. Работала заместителем директора по научной работе Центрального научно-исследовательского института лубяных волокон Министерства легкой промышленности СССР. Одна из авторов книги: Валериан Владимирович Куйбышев: Биография. М.: Изд-во полит. лит., 1966. — 360 с. В 1974 г. были живы две сестры Куйбышева. Елена Владимировна (1895—1990) в начале 1920-х гг., спасаясь от голода в Поволжье, приехала в Москву и жила в семье брата. До 1945 г. была председателем Радиокomiteта СССР. Галина Владимировна (1901—1982) училась на машиностроительном факультете Промышленной академии. Работала инженером в Самаре, затем в отделе машиностроения Госплана СССР, в Министерстве электропромышленности, научным редактором большой Советской энциклопедии. Как и О. А. Лежава, одна из авторов книги «Валериан Владимирович Куйбышев: Биография» (1966).
- 266 *Где-то я прочитал, что Маяковский якобы бывал у Куйбышева, и Куйбышев <...> способствовал устройству чтения поэмы «Владимир Ильич Ленин» <...> Я думаю, что это выдумка <...> Кто-то другой это устроивал, по-моему, не Валериан.* — В воспоминаниях Бориса Федоровича Малкина о Маяковском, впервые напечатанных в «Известиях» 12 апреля 1937 г., приводятся слова Маяковского о том, что он «обязательно должен почувствовать, как воспринимает поэму партийная аудитория и товарищи, лично знавшие Ильича». «Одну из таких чточ, — продолжает Малкин, — мы устроили на квартире покойного В. В. Куйбышева, который восторженно отозвался о поэме» Малкин Б. Ф. Воспоминания // В. Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. З. С. Паперного; сост., подгот. текстов и примеч. Н. В. Реформатской. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. С. 152—153). После смерти Л. Ю. Брик я смотрел этот сборник с надписью: «Мой экз. Л. Брик». На полях с. 152, где упоминалась читка поэмы о Ленине на квартире Куйбышева, Лия Юрьевна написала: «На самом деле на квартире Каменева». Л. Б. Каменев, в отличие от В. В. Куйбышева, по-настоящему «лично знал» В. И. Ленина, но был расстрелян до публикации мемуаров Малкина и положительно упоминаться не мог.
- 267 *Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886—1937)* — один из высших руководителей партии и государства: председатель ЦКК ВКП (б) (1926—1930); председатель ВСНХ (1930—1932, до Куйбышева), затем нарком тяжелой промышленности (1932—1937), член Политбюро (1930—1937).
- 268 *Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936)* — нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918—1930), член ЦК ВКП (б) (1925—1930); племянник правоведа и философа Б. Н. Чичерина (см. ниже). Полиглот, пианист, автор книги о Моцарте.
- 269 *Чичерин Борис Николаевич (1828—1904)* — правовед, один из основоположников конституционного права в России, философ, историк, публицист, педагог.
- 270 *Чичерин Алексей Владимирович (1899—1989)* — литературовед, доктор филологических наук (1947), автор стихотворного сборника «Крутой подъем» (1927); племянник наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. Сорок лет заведовал кафедрой зарубежной литературы Львовского университета. Дважды записал беседу с А. В. Чичериным 4 февраля 1968 г.
- 271 *Леплевский. Был такой работник ОГПУ и ВЧК, он тоже относился с симпатией к Маяковскому.* — Старший из двух братьев Леплевских — Григорий Моисеевич (1889—1938) — работал в ОГПУ РСФСР (с 1920), возглавлял административно-финансовую комиссию СНК СССР (с 1923). На момент ареста (март 1938) — помощник прокурора СССР. Младший брат — Израиль Моисеевич (1896—1938) — руководящий сотрудник ОГПУ-НКВД СССР, комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). Был наркомом внутренних дел Белорусской ССР (1934—1936) и наркомом внутренних дел Украинской ССР (1937—1938). На момент ареста (апрель 1938) — начальник 3-го Управления НКВД СССР.
- 272 *Принес он стихотворение «Хулиган».* — В сентябре 1926 г. Маяковский напечатал три стихотворения со словом «хулиган» / «хулиганы» в заголовке: «Хулиган» («Республика наша в опасности. В дверь...») (Известия, 19 сентября), «Хулиган» («Ливень докладов. Претее? Прей!..») (журнал «За семь дней», № 10, Сентябрь) и «Хулиганы в мировом масштабе» (Известия, 26 сентября). Но и раньше, и позже Гронский уточняет, что он имеет в виду стихотворение 1927 г. А под это уточнение подходит только стихотворение «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» с отсылкой к декрету Совнаркома «О мероприятиях по борьбе с хулиганством», принятому 29 октября 1926 г.:
- Законы
не знают передевания
а без
преувеличенности
хулиганство —
это озорные деяния,
связанные
с неуважением к личности (Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. 1927 / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М.: Госизд-во худож. лит., 1958. С. 28).*
- 273 Там же. Т. 7. С. 184. Дувакин цитирует стихотворение «Хулиган» («Ливень докладов. Претее? Прей!..») с перестановкой строк.
- 274 *«Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому».* — Там же. С. 206—212. Далее Гронский уточняет, что это антигорьковское стихотворение Маяковский напечатал в первом номере журнала «Новый ЛЕФ» за 1927 г. Добавим: с 2—6. Номер вышел в январе.
- 275 *Езерская Агния Семеновна (1898—1970)* — директор Библиотеки-музея В. В. Маяковского (апрель 1937 — октябрь 1960). Дочь генерал-лейтенанта Семена Ивановича Езерского (1852—1921) — участника Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн. Член РКП (б) с 1919 г.
- 276 *Маяковский подал в суд, Ленин вмешался в это дело. Возмущенные были записки Ленина* — 15 июня 1921 г. в виде приложения к № 91—92 журнала «Вестник театра» была напечатана вторая редакция «Мистерии-буфф» Маяковского. После того как Госиздат отказался уплатить Маяковскому гонорар за эту публикацию, он 6 августа написал возмущенное заявление в Юридический отдел Московского городского совета профессиональных союзов, подробно изложил свои многочисленные, но безрезультатные обращения в Госиздат и профессиональные организации. Отдел нормирования труда передал дело в Дисциплинарный товарищеский суд при Губернском отделе труда и МГСПС. 25 августа суд постановил немедленно выплатить гонорар Маяковскому и, признав виновными членов коллегии Госиздата Д. Л. Вейса и И. И. Скворцова-Степанова, лишил их права быть членами профсоюза в течение шести месяцев с объявлением выговора в печати. Госиздат обжаловал приговор, и 8 сентября тот же Дисциплинарный товарищеский суд пересмотрел дело: Скворцов-Степанов был оправдан, а Вейсу поставили на вид недопустимость небрежного отношения к своим обязанностям. Гонорар Маяковскому был выплачен. Критические записки Ленина — А. В. Луначарскому и М. Н. Покровскому (6 мая 1921) не касаются Мистерии-буфф. Ленин убийственно отзывается о поэме Маяковского «150 000 000» и возмущен тем, что она вышла (в конце апреля) чрезмерным, по его мнению, тиражом (5 000 экз.). «По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудачков» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 52. Письма. Ноябрь 1920 — июнь 1921 / том подгот. к печати М. М. Вассер, В. В. Горбунов и Л. А. Кашницкая. М.: Изд-во полит. лит., 1970. С. 179).
- 277 *Последнее стихотворение, по-моему, напечатано в марте 27-го года.* — Последним 10 марта 1927 г. было напечатано в «Известиях» стихотворение Маяковского «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь», рекламировавшее выпуск Государственного внутреннего 10-процентного выигрышного займа 1927 г.

О возвращении Репина в СССР

Кстати, мы вспомнили поломанное возвращение Репина в Советский Союз. Надо вам сказать, что Репин согласился вернуться в Советский Союз. Ему было сказано, что ему будет присвоено звание народного художника и прочее, и прочее, и прочее — Репин согласился. И было подготовлено возвращение Репина в Советский Союз. Его отговорил от возвращения в Советский Союз Корней Чуковский.

В. А.: Это я знаю, он мне рассказывал²⁷⁹.

И. Г.: Грязная фигура.

В. А.: Ну, нет. Нисколько не грязная. Он просто...

В. Д.: Корней Иванович грязная?

И. Г.: Корней Иванович Чуковский.

Он обливал грязью Ленина и большевиков в свое время. 17-й год. Кони передал, умирая, передал Чуковскому архив Некрасова с просьбой передать государству этот архив — Корней Иванович присвоил себе и всю жизнь его эксплуатировал²⁸⁰.

В. А.: Но зато сколько он открыл нового.

И. Г.: Видите ли, может быть, было бы открыто больше исследователями. И когда Корней Иванович Чуковский явился в Институт мировой литературы, стремясь получить степень доктора, ему сказали, что «Корней Иванович, вы можете прийти в институт. Мы такое собрание устроим. Книг у вас достаточно. Так сказать, защитить вы можете и претендовать на присуждение вам звания доктора филологических наук. Но учтите, что наши исследователи знают ваше прошлое и вытащат всё, и вас обольют грязью, вас выкупают в океане грязи». И Чуковский, конечно, не пришел и конечно не... больше он даже не поднимал вопроса о защите диссертации или своих книг на соискание степени доктора филологических наук²⁸¹.

В. Д.: Он премию получил потом Ленинскую²⁸².

И. Г.: Да! «Дедушка», «дедушка». Умилялись, возились с ним и так дальше. Теперь дальше. Репин. Сидят у меня в кабинете (это 30-е годы, уже в «Новом мире») Алексей Толстой²⁸³, Новиков-Прибой²⁸⁴ и, по-моему, Леонов и Малышкин²⁸⁵. Секретарша докладывает, Белоконов²⁸⁶ «Там Чуковский». Я говорю: «Просите». Входит, открывает двери Чуковский. Толстовка на нем, длинный, становится в солдатскую стойку и говорит: «Вам, Иван Михайлович, вытаскившему моего друга, Илью Ефимовича Репина, из-под пыли забвения, я преподношу свои воспоминания о нем». Это был 36-й год, по-моему. И положил мне на стол свои воспоминания²⁸⁷. Я подал ему руку, поблагодарил. Когда ушел, Толстой посмотрел и говорит: «Ну и прохвост!».

В. А. (усмехаясь): Толстой сам был прохвостом.

И. Г.: А дело, видите ли, в том, что я выступал у художников (была дискуссия), я приехал, я делал доклад. Кончилась дискуссия, и я выступил с заключительным словом, говорю, что вершиной русской живописи XIX века является Илья Ефимович Репин, а быть может, и мировой живописи XIX века. Когда я уходил, ко мне подошел Аполлинарий Васнецов²⁸⁸, у него текли слезы, протянул мне руку и говорит, что...

В. Д.: Кто сказал, что вершина?

И. Г.: Я. ...и говорит, что «у нас сегодня светлое Христово воскресенье». Я растерялся. А я приехал с женой и с Демьяном Бедным на это собрание. Я растерялся и как дурак стал на месте и топтался: «Что такое за "светлое Христово воскресенье"»? Он говорит: «Ну как же: представитель правительства говорит, что нужен реализм и нужны мы, реалисты». Ну, тут я понял, в чем дело, и меня пошли провожать. Вышли на улицу. Машина. Я говорю, что «давайте, я вас подвезу». «Нет, мы вас пойдём провожать пешком». Был Васнецов, Машков...²⁸⁹ (*поправка*) Мешков Василий Никитич...²⁹⁰

В. Д.: Машков или Мешков?

И. Г.: Нет, Мешков Василий Никитич, затем Бакшеев²⁹¹, Юон и так дальше. Словом, человек десять. Они пошли меня провожать. На другой день меня вызвал... позвонил мне Сталин и: «Что вчера была за демонстрация?» Я говорю: «Какая? Никакой демонстрации не было». — «Но вас провожали?» — «Провожали». — «Что вы для них сделали?» И начинается разговор о живописи. Кончился разговор тем, что... ну, я рассказал о Третьяковке, в которой рукоомойники там висели всякие, всякая мазня супрематистов²⁹². Сталин был возмущен. Я рассказывал, что привел Барбюса в Третьяковку и, когда увидел всю эту мазню, увел его сразу. Я говорю: это позорище.

²⁷⁹ ...было подготовлено возвращение Репина в Советский Союз. Его отговорил от возвращения в Советский Союз Корней Чуковский. <...> Это я знаю, он мне рассказывал. — Напротив, внучка К. И. Чуковского Елена Чуковская в статье «Почему Репин не приехал в СССР? История одного вымысла» (Литературная газета, 11 июня 1997. С. 12) цитирует сохранившиеся у Репина письма деда, в которых Корней Иванович уговаривает Илью Ефимовича (1919 г.; февраль 1924 г.; 30 мая 1925 г.) приехать в Россию. Правда, в первом из этих писем речь идет именно о возвращении: «Я думаю, что, если бы Вы жили в России, Вам было бы очень хорошо». А во втором и третьем — лишь о приезде «погостить»: на юбилей, на собственную выставку. В 1925 г. Чуковский был у Репина в Куоккала. И, возможно, предостерегал его от безвозвратного переезда.

- 280 *Кони передал, умирая, передал Чуковскому архив Некрасова с просьбой передать государству этот архив — Корней Иванович присвоил себе и всю жизнь его эксплуатировал.* — Анатолий Федорович Кони (1844—1927), государственный и общественный деятель, судебный оратор и мемуарист, был душеприказчиком Анны Алексеевны Буткевич, родной сестры Н. А. Некрасова и хранительницы его архива. По просьбе Чуковского в 1913—1914 гг. Кони передал ему этот архив для работы. В переписке Кони с Чуковским по поводу архива просьб о передаче его государству нет (см.: *Петровский Мирон.* Сюжет для небольшого исследования / Огонек. 1982. № 13. С. 20—21). Изучая литературное наследие поэта, Чуковский существенно его приумножил. «Прежнее "полное" собрание стихотворений Некрасова, — писал еще в 1939 г. Ю. Н. Тынянов, — включало всего 32 214 стихов. Чуковский дал стране больше 15 000 новых, неизвестных стихов Некрасова. Чуковский нашел и прокомментировал 35 печатных листов новых прозаических текстов» (*Тынянов Ю. Корней Чуковский // Воспоминания о Корнее Чуковском.* 2-е изд. / сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. М.: Сов. писатель, 1983. С. 62). А к «Мастерству Некрасова» подошел после серии биографических очерков: «Жена поэта (А. Я. Панаева)» (1921), «Поэт и палач» (1922), «Некрасов и деньги» (1923), «Некрасов и его враги» (1928) и др. Высоко оценил Кони книгу Чуковского о жене Некрасова: «Давно не читал я ничего до такой степени удовлетворяющего нравственное чувство и кладущего блистательный конец односторонним толкованиям и поспешно-доверчивым обвинениям» (А. Ф. Кони — К. И. Чуковскому. XII. 18. <1921> // *Воспоминания о Корнее Чуковском* / сост. и коммент. Е. Ц. Чуковской и Е. В. Ивановой. М.: Никея, 2012. С. 408).
- 281 *...больше он даже не поднимал вопроса о защите диссертации или своих книг на соискание степени доктора филологических наук* — В СССР степень доктора филологических наук была присуждена Чуковскому без защиты диссертации в 1957 г. Нельзя исключить, что эта процедура понадобилась, чтобы избежать скандала в случае присуждения докторской степени honoris causa за рубежом. Вот и вручение Чуковскому докторской мантии Оксфорда в 1962 г. прошло не только триумфально в Англии, но и гладко на родине триумфатора.
- 282 *Он премию получил потом Ленинскую.* — Ленинская премия, самая высокая в стране, была присуждена Чуковскому в 1962 г. за книгу «Мастерство Некрасова», впервые выпущенную десятью годами ранее (1952) и переизданную до присуждения премии в 1955 и 1959 гг.
- 283 *Толстой Алексей Николаевич* (1882—1945) — писатель, публицист и общественный деятель, выдвинувший после смерти А. М. Горького на центральное место в литературе. Даже клеймо эмигранта (1919—1933) не лишило его покровительства кремлевской власти. Он автор идеологически выдержанного социально-психологической трилогии «Хождение по мукам (1922—1941), исторического романа «Петр I» (1929—1945), фантастических романов «Аэлита» (1922—1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1925—1927). Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1945). Академик АН СССР (1939).
- 284 *Новиков-Прибой Алексей Сильч* (1877—1944) — писатель-маринист и публицист. Во время Русско-японской войны (1904—1905) служил во 2-й Тихоокеанской эскадре, участвовал в Цусимском сражении, попал в японский плен. И с тех пор вынашивал замысел своего главного романа «Цусима» (1932). Воспоминания о Новикове-Прибое Гронский начинает так: «Моя дружба с Алексеем СильчемНовиковым-Прибоем была непродолжительной, но крепкой. Она длилась всего лишь десять лет: с 1928 по 1938 год» (*Гронский Иван.* Из прошлого...: Воспоминания. С. 306).
- 285 *Малышкин Александр Георгиевич* (1892—1938) — писатель, участник Гражданской войны (1918—1920). После службы в Красной Армии заведовал военно-морским отделом в газете «Красная звезда» (1925). Входил в литературную группу «Перевал», при Гронском был членом редколлегии «Нового мира». Известность ему принесли повесть «Падение Дaira» (1923) и роман «Люди из захолустья» (1937—1938). Похоронен на Новодевичьем кладбище.
- 286 *Белоконь Вера Константиновна* — зав редакцией «Нового мира», «исполняла одновременно обязанности машинистки, кассира и бухгалтера» *Дипкин Семен.* В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Он же. Квадрига: Повесть; Мемуары. М.: Книжный сад; Аграф, 1997. С. 313). «...Яркая, деловая, безудержная, энергичная», по словам Елены Ржевской, заставшей ее после войны в журнале «Октябрь», где она тоже заведовала редакцией (*Ржевская Елена.* Домашний очаг: Как оно было // Дружба народов. 2005. № 5. С. 69).
- 287 *И положил мне на стол свои воспоминания.* — Книга Корнея Чуковского «Илья Репин. Воспоминания» (М.; Л.: Гос.изд-во «Искусство», 1936. — 160 с.) сдана в производство 22/XI 1936 г., подписана к печати через три дня, 25/XI.
- 288 *Васнецов Аполлинарий Михайлович* (1856—1933) — живописец и график, пейзажист и реконструктор средневековой городской старины («Река Кама», «Сумерки», «Эльбрус перед восходом солнца», «Вероятный вид белокаменного Кремля Дмитрия Донского. Конец XIV века», «Московский застенек. Конец XVI века», «Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке», «Улица в Китай-городе», «Новгородская рыночная площадь»), младший брат художника Виктора Михайловича Васнецова (1848—1926), увлекавшегося сказочными и древними историческими сюжетами («Витязь на распутье», «Поле битвы князя Игоря», «Аленушка», «Иван-Царевич верхом на сером волке», «Крещение князя Владимира», «Богатыри»). Один из основателей Союза русских художников (1903—1923)
- 289 *Машков Илья Иванович* (1881—1944) — мастер натюрморта, пейзажист и портретист, начинавший как вывесочник и сезаннист. Член-учредитель и секретарь самого крупного творческого объединения раннего авангарда «Бубновый валет» (1910—1916). Следом вошел в более традиционное объединение «Мир искусства». В сентябре 1918 — июне 1919 г. член коллегии Изобразительного отдела Наркомпроса. Преподавал во ВХУТЕМАСе — ВХУТЕИНе. С 1924 г. примыкал к АХРР. В духе социалистического реализма стремился создать «парадный стиль».
- 290 *Мешков В. Н.* (1867—1946) — художник-традиционалист, живописец и график. Член Московского товарищества художников (с 1893), АХРР (с 1922). Преподавал в собственной школе живописи и рисования в Москве (1892—1917) и Академии художеств в Ленинграде (1937—1940). Писал жанровые картины, стилистически близкие поздним передвижникам («Зубоврачевание», 1891; «Вечерняя серенада. Флейтист», 1893; «Ослепший художник», 1898), пейзажи («Стынет», 1898; «Во дворе. Углич», 1904; «Деревенский пейзаж», 1919), портреты («Портрет матери художника», 1880; «Портрет настоятельницы Елецкого Знаменского монастыря игуменьи Клеопатры», 1890; «Сын Василий в детстве», около 1898; «Л. Н. Толстой», март 1910). После революции переключается главным образом на портреты руководителей партии и государства, рабочих, красноармейцев.
- 291 *Бакшеев Василий Николаевич* (1862—1958) — член Товарищества передвижников (с 1896), один из организаторов Союза русских художников (1903), академик живописи (1913). Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и преподавал в нем более двадцати лет, до его закрытия в 1918 г. Начиная, работал как художник-жанрист: «Житейская проза» (1893), «Возвращение домой» (1898). В 1922 г. вступил в АХРР. Сосредоточился на политических сюжетах: «Восстание в тылу белой флотилии», «Ленин в Разливе», «Накануне 9 января», «Демонстрация». С 1932 г. стал членом творческого объединения «Искусство — социалистическому строительству». Вернувшись к пейзажу, сочетал импрессионистическую манеру с лирической символикой.
- 292 *Супрематисты* — художники, отдававшие дань обоснованному в 1915 г. К. С. Малевичем супрематизму — разновидности абстракционизма, которая выражалась в комбинациях разноцветных плоскостей простейших геометрических очертаний (в виде прямой линии, квадрата, круга и прямоугольника).

Ну, мы приняли решение выкинуть всю эту мазню из Третьяковки, Третьяковку восстановить... музей русской живописи, настоящей.

Я поднял вопрос об открытии Академии художеств, о создании четырех институтов²⁹³. Сталин предложил «устроить выставку, ряд выставок, вот тех художников, о которых вы говорили». «А как вы, — говорит, — отнесетесь, если мы Репина подыдем, назовем его гением русского народа?»

В. Д.: Это Сталин спрашивает?

И. Г.: Да. Я говорю, что буду голосовать обеими руками. И тогда было дано распоряжение: включить в учебник, который готовился Шестаковым по истории СССР, портрет Репина и несколько... и заметку о Репине²⁹⁴. И по распоряжению ЦК, по решению ЦК, персонально Сталина, было собрано всё, что Репин написал, и была устроена грандиозная выставка Репина²⁹⁵. Я когда пришел на вернисаж <нрзб>, ко мне подошел Давид Петрович Штеренберг²⁹⁶. Вы его знаете, какую роль он играл в <нрзб>, он протягивает мне руку, говорит: «Иван Михайлович, поздравляю с победой». Я заложил руку за спину — прошел мимо.

В. А.: Вы к нему очень отрицательно относились?

И. Г.: Очень!

В. А.: Почему?

И. Г.: Если бы только вот в 33-м году мы не произвели этого переворота, русская школа живописи была бы уничтожена. Это работа Штеренберга. Ведь понимаете, кто сидел в ИЗО? Штеренберг возглавлял ИЗО, Брик — футурист²⁹⁷, этот...

Малевич²⁹⁸, Кандинский²⁹⁹ и прочая публика. Возьмите, прочитайте, что они тогда писали: что главное, что в русском искусстве надо сохранить, — это иконы... и вывески. Вот в этом содержится русское искусство. А что всё остальное: Репин там и всё прочее — надо эту мазню всю выкинуть.

В. Д.: У них, конечно, и эпатаж был...

В. А.: Они бы не выкинули.

В. Д.: Пунин прекрасно русскую живопись знал всю, Пунин Николай Николаевич³⁰⁰.

И. Г.: Знаю их.

В. Д.: Он великолепно...

И. Г.: Но мы отвлеклись.... Дело, видите ли, в том, что в этом заключительном слове... да, в докладе своем... С чего началась дискуссия? Мне была подана записка: «Скажите хоть что-нибудь о социалистическом реализме в области живописи».

В. Д.: Это когда же было?

И. Г.: Это был 33-й год. Я делал у художников доклад о пленуме ЦК и ЦКК³⁰¹.

В. Д.: Уже слово было в 33-м году?

И. Г.: Да. Я прочитал эту записку (я отвечал на все записки, какие бы ни были мне поданы), говорю: «Ну, грубо говоря, социалистический реализм в области живописи — это Рембрандт, Рубенс и Репин, поставленные на службу рабочего класса, на службу социализма». И пошел дальше. С этого началась дискуссия. Она продолжалась неделю. Заключительное заседание было на Кузнецком³⁰². Я приехал с Демьяном Бедным и с женой, мне дали... закончились прения, дали заключительное слово. И когда я назвал Репина (вот то, что я вам привожу), в зале поднялся несусветнейший хай: свистели, визжали, стучали, шумели — словом, говорить было невозможно. Я подошел к рампе, ну, там маленькая сценка, достал папиросу, закурил и вот так, расставив ноги, улыбаясь, смотрел на эту визжащую аудиторию. Когда немножко стали стихать, и шум, и гвалт, и крик, я очень резко обрушился на аудиторию, говорю: «Что вы пицтите, что вы визжите, что вы стучите? Вы думаете, вы хозяева жизни? Ошибаетесь. Хозяином жизни является рабочий класс, и он вам будет диктовать, что надо делать, как надо делать». И начал говорить. Ну, тут я разносил формалистов, что называется, сбросив перчатки, не церемонясь, и постепенно аудиторией овладел — приняли нашу резолюцию. А дальнейшее было вот у Сталина.

В. Д.: А «социалистический реализм», слово-то, Сталин произнес, нет?

И. Г.: Нет.

В. Д.: Горький?

И. Г.: Нет, и не Горький.

В. А.: Это в каком году было заседание?

И. Г.: Это было в 33-м году.

В. А.: В 33-м? Потому что вот тут... о реализме...

В. Д.: «Тут» — это непонятно. Подождите, сейчас не отвлекайте.

И. Г.: Впервые это слово было названо мной, впервые. Ну это... теперь уже пишут об этом...*(Обращается к Арутчевой.)* Разрешите?

В. А.: Пожалуйста.

(Гронский берет у Арутчевой номер «Литературной газеты» от 23 мая 1932 г. и цитирует статью «Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы»).

И. Г.: «На собрании актива литературных кружков Москвы».

В. А.: Ваше выступление.

И. Г.: Мое выступление. Вот где впервые прозвучало... дана формулировка метода социалистического реализма. Впервые³⁰³.

В. Д.: То есть ваши слова... так впервые было сказано... употреблено слово «социалистический реализм»?

И. Г.: Да-да. Вот я вам прочитаю. «До последнего времени очень много писалось деклараций, много разговаривали о методах, но разговаривали схоластически, абстрактно. Было очень много группочек, но мало творческого соревнования. А надо больше заниматься литературой, творчеством. Вопрос о методе нужно ставить не абстрактно, не подходить к этому делу так, что писатель должен сначала пройти курсы по диалектическому материализму, а потом уже писать.

²⁹³ ...вопрос об открытии Академии художеств, о создании четырех институтов.— 11 октября 1932 г. ВЦИК и Совнарком приняли постановление об открытии в Ленинграде высшего образовательного учреждения — Всероссийской Академии художеств. В ее состав был включен Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры, преобразованный из Ленинградского же института пролетарского изобразительного искусства (1930—1932). Параллельно в 1934 г. был организован Московский институт изобразительных искусств (нынешний МГАХИ им. В. И. Сурикова). Киевский художественный институт (1924—1930), реорганизованный в Киевский институт пролетарской культуры (1930—1934), в том же 1934 г. получил новое название — Всеукраинский художественный институт. Тогда же, в 1934 г., обрело свое историческое название и Одесское художественное училище (в 1924—1930 Одесский политехникум изобразительных искусств, в 1930—1934 Одесский художественный институт).

²⁹⁴ И тогда было дано распоряжение: включить в учебник, который готовился Шестаковым по истории СССР, портрет Репина... и заметку о Репине.— Учебник для 3-го и 4-го классов «Краткий курс истории СССР» (затем он же для 4-го класса под названием «История СССР. Краткий курс») под редакцией профессора А. В. Шестакова, построенный на идее преемственности, был одобрен Всесоюзной правительственной комиссией и издавался с 1937 по 1955 г. Портрет И. Е. Репина помещен здесь рядом с портретом Л. Н. Толстого. В итоге Репину вместе с В. И. Суриковым отведено 7 строк. Но Репин представлен еще и картиной «Бурлаки на Волге», использованной для обличения изнурительного труда в дореволюционной России

- ²⁹⁵ ...была устроена грандиозная выставка Репина.— Самая полная прижизненная выставка И. Е. Репина прошла в Москве и Ленинграде еще в 1924—1925 гг., к его 80-летию. Гронский говорит о посмертной выставке, посвященной 90-летию художника.
- ²⁹⁶ Штеренберг Давид Петрович (1881—1948) — приверженец авангарда, работавший в жанрах натюрмортов, портрета и пейзажа. Учился живописи и начал выставляться, находясь в эмиграции, в Париже (1907—1917). Испытал влияние различных художественных школ — от импрессионизма до кубизма. Благодаря поддержке будущего наркома просвещения А. В. Луначарского, вернувшись в Россию после революции, заведовал Изобразительным отделом Наркомпроса (1918—1920). Преподавал во ВХУТЕМАСе (1920—1930). Был участником объединения Комфутов (коммунистов-футуристов). В то же время, противостоя Левому фронту искусств, стал основателем и руководителем Общества станковистов (1925—1932). В аскетизме, суровой конкретности и осязательности его живописи проступала неприкрашенная современность.
- ²⁹⁷ Брик Осип Максимович (1881—1945) — друг В. В. Маяковского (с 1915), издатель его поэм «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник» (обе 1915), литератор, один из теоретиков авангарда, один из организаторов Общества изучения поэтического языка (1916—1925), идеолог Левого фронта искусств (1922—1929).
- ²⁹⁸ Малевич Казимир Северинович (1879—1935) — художник-авангардист, теоретик искусства, философ, педагог; основоположник супрематизма. В 1918 г. ненадолго был избран членом Художественной коллегии ИЗО Наркомпроса. В 1929 г., незадолго до своей отставки с поста народного комиссара просвещения, А. В. Луначарский назначил Малевича руководителем ИЗО. И это назначение вскоре потеряло силу.
- ²⁹⁹ Кандинский Василий Васильевич (1866—1944) — художник-авангардист, теоретик изобразительного искусства. Участвовал в выставках художественного объединения «Бубновый валет». Стоял у истоков абстракционизма. Вместе с Францем Марком основал группу «Синий всадник» (1911—1914), в которую вошли также художники-экспрессионисты Марианна Верёвкина, Алексей Явленский, Пауль Клее и др.
- ³⁰⁰ Пунин Николай Николаевич (1888—1953) — историк искусства, художественный критик. Сотрудник журнала «Аполлон» (1913—1916). Заведовал Ленинградским Изобразительным отделом Наркомпроса (1918—1919). Одновременно комиссар при Русском музее и Эрмитаже (до 1934). В 1927 г. создал в Русском музее экспозицию новейших течений в искусстве. В 1949 г. арестован по политическим обвинениям, приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в Абезьском отделении Минлага. Реабилитирован в 1957 г. Искусствовед Н. И. Харджиев (1903—1996) гордился тем, что присутствовал при развесе Пуниным картин.
- ³⁰¹ Я делал у художников доклад о пленуме ЦК и ЦКК.— В книге мемуаров Гронский отсылает это выступление к 1932 г. В сноске — уточнение: «XVII Всесоюзная партконференция проходила с 30 января по 4 февраля 1932 года» (Там же. С. 141).
- ³⁰² Заключительное заседание было на Кузнецком.— В мемуарах Гронский уточняет: «...в выставочном зале на Кузнецком мосту...» (Там же. С. 141—142). Сейчас это Московский Дом художника (Кузнецкий мост, д. 11, стр. 1).
- ³⁰³ Вот где впервые прозвучало... дана формулировка метода социалистического реализма. Впервые — в письме к А. И. Овчаренко от 22 октября 1972 г., которое далее будет обильно цитироваться, Гронский более аккуратно: «...я впервые на широком собрании, а затем впервые и в печати сформулировал метод социалистического реализма» (Там же. С. 338). В этом же письме он рассказывает, что его «первую, черновую формулировку» Сталин удачно сократил, отчетливо ухватив с современностью и только после этого утвердил. А на следующий день на заседании Комиссии Политбюро с участием Сталина приглашенным пяти-семи рапповцам она уже навязывалась как верховная партийная воля. Но «на широком собрании» и «в печати» Гронский действительно был первым. См. следующее примечание.

Основное требование, которое мы предъявляем писателям, — пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична.

Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма³⁰⁴. Вот впервые употреблен...

В. Д.: Этот термин.

И. Г.: Теперь дальше. Вот вам письмо Овчаренко. Я прочитаю только из этого письма очень маленькую выдержку. Овчаренко встретился в Дубултах, в санатории, с Кирпотиным. Кирпотин был секретарем Оргкомитета. И Кирпотин ему рассказал о перестройке литературных организаций. Вот он пересказывает рассказ Кирпотина:

«— В то время идеологическим фронтом руководили Постышев³⁰⁵ и Стецкий, но они ничего не делали без согласования со Сталиным. Сталин же лично занимался вопросами литературы. К нему был вхож Гронский. Сталин ему доверял, принимал его “без доклада”. Обсуждение вопроса о теоретических основах советской литературы проходило на верхах, в которые я допущен не был (то есть он, Кирпотин). Может быть, там существовала комиссия. Во всяком случае, после каждой почти беседы с писателями, художниками, Гронский и Стецкий поднимались к Постышеву, а от него или с ним к Сталину. Как-то Гронский, зайдя ко мне, сказал, что он и Стецкий только что были у Сталина, беседовали о литературе. Заговорили вновь о стиле нашей литературы. Обобщая результаты бесед с писателями, учеными и критиками, Гронский сказал: теоретической платформой советского искусства должен быть коммунистический реализм. Он сказал не “основой”, не “стилем”, а, как тогда было принято говорить, **лозунгом** <советского искусства>»³⁰⁶ и так дальше. Это вот...

В. Д.: А потом Сталин употребил это слово на встрече с писателями.

И. Г.: Вот, собственно говоря, то, что сказал Кирпотин... Овчаренко. Мое письмо Овчаренко:

«Он верно замечает (то есть Кирпотин), что “Сталин лично занимался вопросами литературы...” и так дальше. Да, Кирпотин прав: «Да, Комиссия существовала. Это — Комиссия Политбюро ЦК ВКП (б), состоявшая из пяти человек (Сталин, Каганович³⁰⁷, Постышев, Стецкий, Гронский). Она была создана для рассмотрения заявлений руководителей РАПП, поданных ими в ЦК в конце апреля или начале мая 1932 года, и принятия по ним необходимых решений.

Так как работа комиссии фактически определила всё дальнейшее развитие советской литературы и всего советского искусства, я вынужден на ней остановиться более или менее подробно.

Начну с вопроса о творческом методе.

Накануне заседания Комиссии И. В. Сталин позвонил мне по телефону и просил зайти к нему.

Я застал его за чтением заявлений руководителей РАПП. На вопрос: читал ли я эти заявления и как отношусь к ним? — я ответил: рапповцы выступают против решения ЦК о перестройке литературно-художественных организаций, поэтому их домогательства надо осудить и отвергнуть.

— Организационные вопросы перестройки литературно-художественных организаций, — сказал Сталин, — Центральным Комитетом решены и для перерешения их нет абсолютно никаких оснований. Остаются нерешенными творческие вопросы, и главный из них — вопрос о рапповском диалектико-материалистическом творческом методе. Завтра, на Комиссии, рапповцы этот вопрос, безусловно, поднимут. Нам поэтому нужно заранее, до заседания, определить свое отношение к нему: принимаем мы его или, наоборот, отвергаем. У вас есть на этот счет какие-либо предложения? (Это «говорит» Сталин.)

Готовых предложений у меня не было. Их нужно было еще найти и сформулировать. Поэтому, отвечая Сталину, я, **во-первых**, решительно высказался против принятия рапповского творческого метода, указав, в частности, на несостоятельность **механического** перенесения философии марксизма-ленинизма (диалектического материализма) на область литературы и искусства; **во-вторых**, остановился на творческом методе дореволюционной прогрессивной литературы — критическом реализме, возникшем в России на этапе **буржуазно-демократического общественного движения** и, как известно, не выводившем литературу за пределы капиталистического общества; **в-третьих**, указал на то, что наша литература, являясь продолжением и дальнейшим развитием литературы критического реализма, сложилась в совершенно иных исторических условиях — на этапе пролетарского **социалистического** движения. Она рассматривает все явления общественной жизни не с общедемократических позиций, а с позиции рабочего класса, его борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, за социалистическое переустройство общества.

Это совершенно новая литература. Новая и по своим общественным, и по своим эстетическим идеалам. Вот эти ее особенности, на мой взгляд, и должен отразить творческий метод советской литературы, который я предложил назвать **пролетарским социалистическим, а еще лучше коммунистическим реализмом**. В этом определении творческого метода, говорил я, мы подчеркнем два момента: **во-первых**, классовую, пролетарскую природу советской литературы, **во-вторых**, укажем литературе цель всего движения, всей борьбы рабочего класса — коммунизм.

— Вы правильно указали на классовый, пролетарский характер советской литературы, — отвечая мне, заметил Сталин, — и правильно назвали цель всей нашей борьбы. Но стоит ли нам в определении творческого художественного метода, который должен объединить всех деятелей советской литературы и искусства, специально оговаривать и даже подчеркивать пролетарский характер советской литературы и искусства. Мне думается, большой нужды в этом нет. Указали на конечную цель борьбы рабочего класса — коммунизм — тоже правильно. Но ведь мы пока не ставим в качестве **практической** задачи вопрос о переходе от социализма к коммунизму. Придет время, и эта задача, безусловно, встанет перед партией, встанет как **практическая** задача, но произойдет это не скоро. Указывая на коммунизм как практическую цель вы несколько забегаете вперед. Вы нашли правильное решение вопроса, а сформулировали его не совсем удачно. Как вы относитесь к тому, если мы творческий метод советской литературы и искусства назовем **социалистическим реализмом**? Достоинством такого определения является, **во-первых**, краткость (всего два слова), **во-вторых**, понятность и, **в-третьих**, указание на преемственность в развитии литературы (литература критического реализма, возникшая на этапе буржуазно-демократического общественного движения, переходит, перерастает на этапе пролетарского социалистического движения в литературу социалистического реализма).

Я не настаивал на своей формулировке, которую Сталин так удачно сократил, сведя ее всего лишь к двум словам.

Сталин предложил мне выступить на Комиссии с критикой рапповского диалектико-материалистического творческого метода и заявить, что партия не поддерживает этот метод и заменяет его другим методом — методом социалистического реализма, который она выдвигает как **партийный** метод, определяющий позиции партии в вопросах литературы и искусства.

Я сказал, что будет лучше, авторитетней, если на Комиссии с подобным заявлением выступит он, Сталин.

В тот же день, ночью, у меня дома собрались мои ближайшие друзья — Куйбышев, Стецкий, Межлаук³⁰⁸, Поскрёбышев³⁰⁹ и Савельев. Должен был прийти и Постышев, но он задержался в ЦК. Я рассказал товарищам о своей беседе со Сталиным, о принятой нами формулировке творческого художественного метода и добавил: завтра на заседании Комиссии, видимо, нам придется основательно повоевать за него»³¹⁰.

Стецкий сказал, что Сталин с ним говорил и с Постышевым. Ну, как проходило заседание комиссии. *(Продолжает читать письмо.)*

«В разгоревшейся дискуссии, которая, кстати сказать, проходила очень бурно, рапповцы по **организационным** вопросам уступили довольно быстро (сняли свое предложение о создании в ЦСП автономной секции пролетарской литературы). Свой творческий метод они отстаивали долго и решительно. Со стороны РАПП, ВОАП и МОРП выступали: Киршон³¹¹ (не менее 15 раз), Афиногенов³¹² (4 раза) и кто-то еще, сейчас уже не помню. От Комиссии — Сталин (10—15 раз), Стецкий (2 раза), я (4 раза), Постышев председательствовал, Каганович молчал (он бросил лишь одну или две реплики).

Заседание проходило в Кремле, в кабинете Сталина, и продолжалось 6 или 7 часов.

Усилия членов комиссии увенчались успехом»³¹³ и так дальше...

В. Д.: Это вы что, писали Овчаренке?

И. Г.: Да.

В. Д.: <нрзб>.

И. Г.: Да-да-да-да-да. Теперь дальше.

«Как видите, Александр Иванович, ни Сталин, ни я, ни Стецкий, ни Постышев нигде не называли социалистический реализм ни “лозунгом”, ни “теоретической платформой” (как утверждал Кирпотин), а везде говорили о нем как о **творческом методе**, и только как о творческом методе. Что же касается “коммунистического реализма”, то выше я уже сказал, в каком контексте он был назван.

В этой беседе со Сталиным, содержание которой я очень кратко изложил выше (она длилась не менее двух-трех часов), мы оба искали решение очень важного вопроса или, другими словами, продумывали (вырабатывали) основы **художественной политики партии**. Сталин и я как бы мыслили вслух — говорили о разных возможных решениях вставших перед партией вопросов, пока не нашли решения, которое нам казалось правильным и которое, как вы знаете, с честью выдержало суровую проверку временем.

Приведенная мною формулировка “пролетарский социалистический”, а еще лучше “коммунистический реализм” была,

по сути дела, **первой черновой** формулировкой нашего метода. Так и только так ее и следует понимать»³¹⁴. Вот вам о методе.

В. Д.: Это очень важно. <нрзб> слава богу, всё записано, и вы непосредственно переслали это... Нам бы, конечно, надо в следующий раз надо начать...

И. Г.: Это большое письмо... Это записано, так что не надо... Тут, видите ли, два письма: Овчаренко и два моих письма — ответ Овчаренко. Это как раз касается...

В. Д.: Вот Овчаренко <нрзб> и опубликует <нрзб>.

И. Г.: Дело в том, видите ли, что ни я не публикую эти письма³¹⁵, ни Овчаренко не публикует. Овчаренко пытался подбить меня на согласие с ним о том, что якобы вначале было два метода: социалистический реализм и красный романтизм — и что эти методы якобы существовали как равноправные. Я отвожу, возражаю ему. Между прочим и Кирпотин на этой позиции стоит. Ничего подобного не было.

Дело, видите ли, в том, что тогда художественной политикой занимались: ну, Сталин и я главным образом, меньше Постышев и Стецкий. Собственно, Постышев и Стецкий проводили то, что мы вырабатывали.

³⁰⁴ Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков: На собрании актива литкружков Москвы: [Отчет о собрании, состоявшемся 20 мая 1932] // Литературная газета. 23 мая 1932. С. 1. «Литературную газету» в это время редактировал В. Я. Кирпотин. И уже в следующем номере газеты от 29 мая на первой странице помещена написанная им редакционная статья (без подписи) «За работу!», и в ней — такие строки: «Массы требуют от художника искренности, правдивости революционного, социалистического реализма в изображении пролетарской революции». А через 35 лет, 5 апреля 1967 г., в той же «Литгазете» Кирпотин похвастался: «В печати упоминание о социалистическом реализме впервые прозвучало в моей статье «За работу!» («ЛГ» 29 мая 1932 г.)». И в тот же день, 5 апреля 1967 г., Гронский написал ему:

«Дорогой Валерий Яковлевич! В твоей статье «Рожденный жизнью», напечатанной в последнем номере «Литературной газеты», сказано: «В печати термин «социалистический реализм» впервые появился в передовой «Литературной газеты» 29 мая 1932 года, озаглавленной «За работу!»».

В целях установления истины позволю себе привести цитату из моего выступления на собрании актива литературных кружков города Москвы 20 мая 1932 года...» (Кирпотин В. Я. Ровесник железного века: Мемуарная книга / Составители Эдуард Пашнев, Наталья Кирпотина. М.: Захаров, 2006. С. 194—195).

В чем же смысл социалистического реализма, на приоритет в упоминании которого азартно претендовали слуги партийной идеологии? Этот смысл, по словам Кирпотина, «очень удачно, образно сформулировал» сам Сталин: «Художник, пользующийся этим методом, должен видеть не только развороченный котлован, но высокие стены будущего здания. И когда Сталин говорил: «Пишите правду!» — это означало — писать высокие стены будущего здания» (Там же. С. 194). Другими словами — пишете с закрытыми глазами, но с услужливым воображением.

³⁰⁵ Постышев Павел Петрович (1887—1939) — секретарь ЦК ВКП (б) (1930—1933), заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК (1931—1933). Позже кандидат в члены Политбюро ЦК (1934—1938). Арестован в ночь на 22 февраля 1938 г. Расстрелян 26 февраля 1939. Реабилитирован в 1956 г.

³⁰⁶ [Письмо А. И. Овчаренко — Гронскому от 7 октября 1972 г.] // Гронский Иван. Из прошлого... Воспоминания. С. 332.

³⁰⁷ Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — государственный, хозяйственный и партийный деятель. Первый секретарь Московского областного (1930—1935) и городского (1931—1934) комитетов ВКП (б), член Политбюро / Президиума ЦК (1930—1957). Бывал четвертым и даже третьим (вслед за В. М. Молотовым или Г. М. Маленковым) человеком в сталинском руководстве.

³⁰⁸ Межлаук Валерий Иванович (1893—1938) — первый заместитель председателя Госплана В. В. Куйбышева (с ноября 1931) и его преемник на посту председателя, а также заместитель председателя Совнаркома (с 25 апреля 1934). Член ЦК ВКП (б) (с 1934). Арестован 2 декабря 1937 г., Военной коллегией Верховного суда приговорен 28 июля 1938 к смертной казни и в ночь на 29 июля расстрелян. Реабилитирован 17 марта 1956.

³⁰⁹ Покрѣбышев Александр Николаевич (1891—1965) — заведующий особым сектором ЦК, личный помощник И. В. Сталина (1928—1952).

³¹⁰ <Письмо Гронского — Овчаренко от 22 октября 1972> / Там же. С. 334—336.

³¹¹ Киршон Владимир Михайлович (1902—1938) — публицист, драматург и поэт, автор стихотворения «Я спросил у ясеня...», положенного на музыку Микаэлом Таривердиевым, и эта песня включена Эльдаром Рязановым в телефильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975). Один из секретарей РАППа (с 1925). Воспел коллективизацию. В пьесе «Хлеб» (1931) на примере хлебозаготовок героизировал борьбу партии за социализм. Активно боролся с попутчиками, травил М. А. Булгакова, полемизировал даже с «благополучными» драматургами — В. В. Вишневским, автором «Оптимистической трагедии» (1933), и Н. Ф. Погодиным, автором пьесы «Аристократы» (1934) о перековке блатных. Как «приспешник» «разоблаченного» литературного функционера Л. Л. Авербаха был исключен из партии и Союза писателей. Арестован 29 августа 1937 г. Приговорен к смертной казни 21 апреля 1938. Расстрелян 28 июля. Реабилитирован в 1955 г.

³¹² Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941) — драматург. Заведовал литературной частью 1-го Московского рабочего театра Пролеткульта (1927—1929). В начале 1930-х гг. один из руководителей РАППа. Редактор журнала «Театр и драматургия» (с 1934). По пьесе Афиногенова «Машенька» (1940) был поставлен одноименный кинофильм. Тоже ходил в «приспешниках» Авербаха, был исключен из партии и Союза писателей, но репрессирован не был. В начале войны возглавил Литературный отдел Совинформбюро. Погиб в здании ЦК ВКП (б) на Старой площади от осколка во время бомбежки.

³¹³ Там же. С. 337.

³¹⁴ Там же. С. 337—338.

³¹⁵ ...я не публикую эти письма... — Как видно из предыдущих ссылок, переписка Овчаренко и Гронского напечатана в сборнике последнего «Из прошлого...: Воспоминания», вышедшего в 1991 г., после смерти Гронского.

” Я ходил к Сталину, когда мне нужно было, без всяких докладов, безо всего, приходил и разговаривали.

Беседовали мы с ним (вертушка у меня была на работе и дома) ежедневно. Когда надо было, беседовали ночью, просиживали часов до четырех, до пяти утра. И тут я только затронул частичку вопроса: как вырабатывалась политика партии. Тут, видите ли, очень много вопросов. Вот.

Ну, в дальнейшем... поскольку мы сегодня много времени потратили на побочные всякие... вообще, на всякие разговоры...

В. Д.: Ну, не так много, но все-таки, да.

И. Г.: ...то в следующий раз мы будем беседовать о писателях. Во-первых, о Маяковском, немножко о Есенине, если это вас интересует...

В. Д.: Безусловно! О Демьяне. У меня почти ничего нет о Демьяне.

И. Г.: Затем... затем о Демьяне Бедном. Не для публикации я расскажу вам вещи любопытные о Демьяне: о его попытке на самоубийство.

В. Д.: Когда его исключали, да?

И. Г.: Нет. Нет. Ну вот... Дальше... Я ведь занимался его реабилитацией.

В. Д.: Ах, тогда, при жизни еще?

И. Г.: Нет, уже после смерти.

В. Д.: Какой реабилитацией?

И. Г.: Реабилитацией? Его же из партии исключили, и мы восстанавливали его в партии.

В. Д.: Посмертно?

И. Г.: Посмертно. Я и Стасова³¹⁶.

В. Д.: А как же он? Ведь он же все-таки в последние месяцы жизни, в 45-м году, он печатался.

И. Г.: Печатался, да. Он не был арестован, но он был исключен из партии.

В. Д.: И он умер не членом партии?

И. Г.: Не членом партии, да. И мне позвонили из Комитета партийного контроля, просили помочь в реабилитации Демьяна Бедного. Я к ним приехал. Мне дали дело Демьяна Бедного и ушли все из комнаты. Я полтора часа сидел с этим делом. Внимательно все материалы причитал и написал письмо в Комитет партийного контроля. Большое. И Демьян Бедный был в партии восстановлен.

В. Д.: Вообще, о том, что он не был членом партии... это не было сказано нигде.

³¹⁶ Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — член РСДРП-РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС (с 1898). Член ЦК РКП(б) (1918—1920), член ЦКК ВКП(б) (1930—1934). Была агентом «Искры» (с 1901), вела подпольную работу в Петербурге, Орле, Москве, Минске, Вильно (до 1905). В эмиграции в Швейцарии участвовала в издании газеты «Пролетарий» (1905—1906), из Финляндии занималась переправкой оружия, денег и людей (1906). В Петербурге неоднократно арестовывалась. С сентября 1918 г. по март 1919 входила в Президиум Петроградской ЧК. Работала в Коминтерне (с 1921), была заместителем председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и председателем ЦК МОПР СССР (1927 — 1937), участвовала в создании Всемирного антивоенного и антифашистского женского комитета (1934), работала в редакции журнала «Интернациональная литература» (1938—1946). Помогала В. И. Ленину и не мешала И. В. Сталину. До глубокой старости оставалась в немногочисленной касте благополучных старых большевиков.

О реабилитации писателей

И. Г.: Вообще, надо вам сказать, я занимался реабилитацией писателей.

В. Д.: Это я знаю. И очень многих вытащили.

И. Г.: Клычкова я реабилитировал. Пильняка³¹⁷ я реабилитировал. Воронского...

В. Д.: Пильняка вы реабилитировали?

И. Г.: Да.

В. Д.: Я даже не знал, что его удалось до конца реабилитировать.

И. Г.: Да. Он реабилитирован. У меня есть моя справка.

В. Д.: И Воронского?

И. Г.: И Воронского. И Воронский в партии восстановлен. Причем анекдотический случай.

В. Д.: Он умер там?

И. Г.: Да. Расскажу вам анекдотический случай. Ко мне пришла Галя, его дочь³¹⁸. Ее в Москве не прописывали, на учет не ставили и так дальше. Вот она пришла ко мне жаловаться. Говорит: «Иван Михайлович, напишите в райсовет, чтоб меня хоть на учет поставили». Я говорю: «Ну, Галя, у меня же власти-то нет. Если б вот раньше — я бы мог тебе и квартиру дать, и всё, что угодно, но сейчас же у меня власти-то нет». Она ко мне пристала. Я говорю: «Ведь ничего же из этого дела не получится. Зря я буду писать». Она не отставала от меня. И я на клочке бумаги написал зампредседателю райсовета, что вот безобразие, что дочери старого большевика, делегата Пражской конференции и так далее и тому подобное отказывают в том-то, в том-то и в том-то и так дальше. И подписался. Она отнесла, передала. И мне через день позвонил этот зампредседателя, спрашивает адрес Галины. Я говорю: «Не знаю, но у вас есть ее заявление. Там, надо полагать, есть адрес, где она обретается». Словом, через две недели ей дали квартиру, отдельную, двухкомнатную. Галя прибегает ко мне: «Иван Михайлович, мне дали квартиру!» Я говорю: «Ну, Галя, зачем же ты врешь-то?» — «Ей-богу, — говорит, — дали квартиру!» Пригласила меня на новоселье. Я говорю: «Ну, знаешь, бывают чудеса и в советское время».

(Все смеются.)

В. Д.: Да. Вот писателей... Конечно, Воронский, Клычков... Я, между прочим, хорошо знаю сына Клычкова³¹⁹. Он...

И. Г.: Я виделся с ним.

В. Д.: Как его... Он был...

И. Г.: Он кандидат наук.

В. Д.: Он был студентом, членом научного общества, я был куратором НСО.

И. Г.: Он на меня произвел очень хорошее впечатление, сын Клычкова.

В. Д.: Он очень, так сказать... собранный человек.

И. Г.: Да. Собранным был и его отец.

В. Д.: Отец выступал под вашим председательством, это я помню, как он насчет черного круга магического Хомы Брута³²⁰. И слышал его... вообще по тем временам его выступление было, конечно, очень волнительное. А вы, так сказать: «Это не враг», — так пальчиком... Помню. (*Усмехается.*)

В. А.: А Авербаха³²¹ вы знали тоже, конечно?

И. Г.: А как же! Я всех знал: Киршона, Афиногенова, Авербаха...

В. А.: У вас чудная память.

В. Д.: Память у вас... Я вас несколько раз ловил, проверял сейчас. Всё очень точно.

В. А.: Имена, отчества, всё помните.

И. Г.: Вы книгу «На новом этапе» видели?³²²

В. Д.: Нет. Это какую?

И. Г.: Это стенограмма Первого пленума Оргкомитета.

В. Д.: Она что, вышла книгой?

И. Г.: Да. Она вышла в 33-м году, по-моему.

В. Д.: Ах, тогда!

И. Г.: Да. А стенограмму Второго пленума не издали³²³. Причем я брал материалы — они все сфальсифицированы: заседания Оргкомитета и всё прочее. Сплошная фальсификация. Это проделали Фадеев, Ставский, Ермилов и Кирпотин³²⁴.

В. А.: А вы где-нибудь это отметили?

И. Г.: Я им обещал написать...

В. А.: Ну, вы хоть на магнитофоне запишите.

И. Г.: Нет. Я им написал маленькую записочку, что это всё фальшивка. Ведь когда я вернулся...

В. Д.: Вы в каком году вернулись?

И. Г.: В 54-м.

В. Д.: Уже, да?

И. Г.: Да. Я первый... один из первых реабилитированных.

В. Д.: Я хотел вас спросить: вот это постановление Верховного суда... как-то ваша фраза была так построена, что я не совсем понял, касается ли она... отменить всё только относительно вас или вообще... уже общее?

И. Г.: Там персонально не было обо всех. Только меня касалось. Только меня.

В. Д.: А общего еще не было?

И. Г.: Дело ведь вот в чем. Общего... такого постановления общего не было. Каждый осужденный проходил персонально.

В. Д.: Но комиссии работали в лагерях.

И. Г.: Это позже. Это позже. Дело в том, что комиссии... там проверяли и людей и тут же принимали решение о реабилитации. Ну, так сказать, мелкие, массы... мелкие работники, а что касается крупных работников, они все проходили через пленум Верховного суда. Понимаете? И пленум Верховного суда по представлению генерального прокурора принимал решение об отмене приговора Военной коллегии Верховного суда СССР.

В. Д.: В отношении Бухарина вопрос не ставился, да?

И. Г.: Нет. Он до сих пор не реабилитирован. До сих пор³²⁵. А я... когда меня военная прокуратура просила помочь им, они мне прямо заявили: «Мы не знаем писателей. Вы их знаете. Мы вам верим. И то, что вы напишете, мы сделаем».

³¹⁷ Пильняк Борис Андреевич — один из самых издаваемых при жизни советских прозаиков. Как и В. В. Маяковский, имел личный автомобиль. А за границей бывал даже чаще, чем он. Рассказ «Голый год» (1922) был высоко оценен И. В. Сталиным. Но «Повесть непогашенной луны» (1926), намекавшая на причастность Сталина к убийству председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе, предсказуемо вызвала гнев партийного руководства и жесткую проработку в печати. Майский номер «Нового мира» с повестью через два дня изъяти из продажи, а Политбюро запретило трем ведущим журналам («Красной нови», «Новому миру» и «Звезде») печатать Пильняка. Правда, после покаяния автора запрет был отменен уже через восемь месяцев, в январе 1927 г. А в 1929 г. разнос Пильняка из номера в номер ведет «Литературная газета» после публикации за рубежом его повести «Красное дерево». Предложенная тогда Маяковским обвинительная формулировка: мол, повесть Пильняка он не читал, но сдачу ее в белую прессу приравнивает к фронтной измене, почти через тридцать лет была использована в травле Б. Л. Пастернака и стала мемом: не читал, но осуждаю. Арестован Пильняк 28 октября 1937 г. 21 апреля 1938 приговорен Военной коллегией Верховного суда к смертной казни. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 28 ноября 1956.

³¹⁸ Воронская Галина Александровна (1914—1991) — прозаик, мемуарист. Училась в первом наборе Литературного института. Арестована на последнем курсе 16 марта 1937 г., через месяц после ареста отца. Осуждена на пять лет за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Освобождена через семь с половиной лет, 14 сентября 1944 г. В 1949 г. арестована повторно и пять лет, до 1954 г., отбывала ссылку. Реабилитирована в 1957 г.

³¹⁹ Клычков Георгий Сергеевич (1932—1987) — лингвист, доктор филологических наук (1967). Окончил Московский государственный университет, где преподавал Дувакин. Сам преподавал в Московском областном пединституте им. Н. К. Крупской. Статью Г. С. Клычкова об отце «Медвяный источник» посмертно напечатал журнал «Наше наследие» (1989. № 5).

- ³²⁰ Дувакин вспоминает выступление С. А. Клычкова на Первом пленуме Оргкомитета ССП под председательством Гронского в 1932 г.: «Искусство страшная штука, страшнее нет ничего на свете. Страшная не потому, что Вс. Иванов гуляет в нем, как по Зоологическому саду, в котором за решетками сидят дикие и страшные звери, а потому, что искусство от художника прежде всего требует ограничения в мире мудрого разбора и выбора, того самого ограничения, которое мне напоминает меловую черту философа Хомы Брута, отчитывающего в чертовом храме чудесную усопшую колдунью. Таков художник в творчестве, и таков он, пожалуй, и в жизни, — на этом самом базарном развале, по которому ходит такой человек, скажем, как Всеволод Иванов, с туго набитым кошельком дарований и талантов, и выбирает вещи, только ему нужные и необходимые. Словом, я хочу сказать, что художник по своей природе есть прежде всего результат самого строгого самоограничения, если можно так выразиться, художник есть продукт ограниченности, в противоположность той дурной универсальности, которая порождает людей, подобных Авербаху и его соратникам. Тов. Авербах никогда не понимал и сейчас не понимает, а судя по его вчерашнему выступлению — не поймет никогда, что такое художник» [Советская литература на новом этапе: Стенограмма Первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей: (29 октября — 3 ноября 1932). М.: [б. и.], 1933. С. 157—158].
- ³²¹ Авербах Леопольд Леонидович (1903—1937) — литературный критик и публицист, генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей (1925—1932), единственный постоянный редактор журнала «На литературном посту» (1926—1932) — критико-теоретического органа РАППа. Журнал боролся, в частности, «за живого человека» в литературе и «за одолевание поэзии», а также за единый «диалектико-материалистический творческий метод», основанный на «срывании масок». Позже он был переименован в социалистический реализм. Племянник председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, шурин наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды. Арестован Авербах 4 апреля 1937 г. Расстрелян 14 августа. См. далее примеч. 341.
- ³²² Вы книгу «На новом этапе» видели? — К описанию в примеч. 320 можно добавить, что в этой книге 259 с.
- ³²³ ...стенограмму Второго пленума не издали. — Второй пленум Оргкомитета ССП прошел 12—19 февраля 1933 г.
- ³²⁴ Фадеев Александр Александрович (1901—1956), Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965), Ставский Владимир Петрович (1900—1943) — в прошлом главные активисты и идеологи РАППа, вошедшие в Оргкомитет Союза советских писателей, — и Кирпотин Валерий Яковлевич (1898—1987) — сотрудник Агитпропа ЦК ВКП (б) и секретарь того же Оргкомитета.
- ³²⁵ В отношении Бухарина вопрос не ставился, да? <...> Нет. Он до сих пор не реабилитирован. До сих пор. — См. примеч. 72.

О том, как «возился» с Николаем Клюевым

В. Д.: И вы очень много... известно было, что вы, как только вышли...

И. Г.: Я этим делом занимался. И мне удалось реабилитировать очень многих писателей, то есть всех, кого, так сказать, надо было реабилитировать. Я отказался писать справки, то есть реабилитацию, двух человек: Клюева и Авербаха. Клюев был выслан из Москвы, он стоял на паперти храма, куда ходили иностранцы, с протянутой рукой: «Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Клюеву».

В. Д.: Иван Михайлович, вы откуда это знаете? Я к этому сообщению отношусь настороженно. И вот почему. Потому что это очень похоже на легенду и по следующим соображениям: я в точности, почти буквально, в такой формулировке, еще во время войны слышал, что так, только не на паперти, а на улице, стоял и просил милостыню Бальмонт, который, однако... ну, после этого я записывал... это неверно. Он даже не там, он в Париже умер...³²⁶ Он говорил: «Подайте великому русскому поэту...»

И. Г.: Где он стоял на паперти?..

В. Д.: В Париже.

И. Г.: В Париже?

В. Д.: Да.

И. Г.: Не думаю. Думаю, что это сплетня.

В. Д.: Вот я тоже думаю, что сплетня, поэтому мне кажется, и ваше... если вы слышали это от кого-то, то это...

И. Г.: Я это не слышал от кого-то... Дело, видите ли, в том... Я вас не задерживаю?

В. Д.: Нет-нет-нет.

В. А.: Это мы вас задерживаем.

И. Г.: Время еще есть. Я должен быть то ли в шесть, то ли в семь в Союзе журналистов. Я успею.

В. Д.: Но вам отдохнуть надо перед этим.

И. Г.: Ничего, ничего, ничего страшного нет. У меня работоспособность волосья. Это я вам докладывал уже...

С. Г.: Только распыляешь.

И. Г.: Распыляюсь, ну, что ж делать, это уж...

С. Г.: А вот так вот не допросишься.

И. Г.: Да, бывает. Так вот, видите ли, о Клюеве. О Клюеве. (Видя, что Светлана показывает что-то.) Что это такое у тебя?

С. Г.: Нет-нет, это Шешуков³²⁷. Ты вот вспоминал...

И. Г.: А! Ну, Шешуков опубликовал прямо, что это впервые... в книге, что впервые термин «соцреализм» употреблен мною³²⁸.

В. Д.: А <нрзб> книжка <нрзб>. А, да-да-да.

И. Г.: Так вот, о Клюеве. Мне докладывают, что Клюев, во-первых, разлагает поэтическую молодежь, во-вторых, ходит на паперть храма, куда ходят иностранцы, причем назван был храм, и стоит на паперти с протянутой рукой: «Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Клюеву». Я вначале не поверил...

В. А.: Это в каком году?

И. Г.: Это было в 32-м году. Я вначале не поверил этим сообщениям и проверил. Возможностей проверки у меня было много. Я, во-первых, послал своего помощника. У меня одним из помощников моих был очень молодой, очень талантливый

профессор Попов Валентин³²⁹. Ну, и по другим линиям и каналам проверил — точно совершенно. Тогда я вызвал Клюева в «Известия», если не ошибаюсь, часов на десять примерно вечера, ночи. Секретарь докладывает, что вот к вам Клюев. «Просите». Открывается дверь — входит Клюев. Ну, он среднего роста, тип дьячка: борода, умные колючие глаза, рубашка русская, подпоясанная пояском, ремешком, пиджак поношенный, такие же штаны, поношенные, русские сапоги, в руках он мнет кепку или фуражку. (*Передавая прямую речь Клюева, окает*) «Ох, и хорошо у вас, Иван Михайлович. Ох, хорошо, кутенька-ляля. Я прямо как в раю, как в раю у вас. Вот сподобил Господь Бог с вами встретиться, сподобил». Я встаю из-за стола (передаю фотографически), встаю из-за стола, иду ему навстречу, говорю: «Николай Алексеевич, ведь мы с вами знакомы». — «Как же, как же, встречались мы с вами, встречались: и у Александр Александровича (Блока), и у Сергей Митрофановича (Городецкий), и у Сергей Александровича (Есенин)». — «Так вот, — я говорю, — либо мы с вами будем говорить как серьезные люди, без всяких комедий, либо я с вами совсем говорить не буду». — «Хорошо, хорошо, кутенька-ляля... (Это у него поговорка.) Будем говорить серьезно, как серьезные люди». Я говорю: «Садитесь». И в следующую минуту передо мной сидит образованнейший человек. Завязывается беседа: о литературе, о живописи, в частности о церковной живописи, об иконах, о новгородской школе и о строгановской школе³³⁰, о многом другом, о философии — о чем хотите. Это прекрасно эрудированный человек. Я говорю, что «Николай Алексеевич, как же так получилось, что вот вы пошли на паперть храма и с протянутой рукой, просите милостыню: “Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Клюеву?” Было это?» — «Да, кутенька-ляля, было».

В. А.: Какая поговорка?

И. Г.: «Кутенька-ляля».

В. А.: «Кутенька-ляля»? (*Смеется*.)

И. Г.: «Да, кутенька-ляля, было, было это. Ведь кушать-то надо. Кушать-то ведь надо, а заработков-то нет. Вот и пошел на паперть. Вот милостыню приходится просить». Я говорю: «Николай Алексеевич, а скажите, у вас Рублёв оригиналы?» — «Да, кутенька-ляля, оригиналы, оригиналы»³³¹. — «А Библия XVI—XVIII века — это верно, это точно датировано?» — «Да, старая, XVI, ну, может быть, начала XVII века, может быть». Я говорю: «Так вот, Николай Алексеевич, если б вы нуждались, вы бы продали одного Рублёва, икону, и на вырученные деньги вы бы там год-другой могли существовать. Значит, вас не нужда привела на паперть. Потом, ведь я же знаю, как вы живете». Я говорю: «Мне все уши прожужжали люди, которые у вас бывают чуть ли не ежедневно»³³². Я говорю: «Хотите, я вам назову, что у вас есть в вашей келье. (*Дувакин смеется*.) Даже количество подушек на кровати. Так что, — я говорю, — это не от нужды. Это метод антисоветской пропаганды. Так вот, — говорю, — мы народ очень простой и очень серьезный. Власти другой нет и, уверяю вас, не будет, поэтому нравится вам советская власть или не нравится, но вам работать придется с советской властью. А если вы пойдете на паперть, то уж пеняйте на себя. Причем я в это дело ввяжусь». — «Так вот ведь, кушать, кушать...» Я говорю: «Вот вам карточка академического пайка. (У меня их было шестьсот, в личном распоряжении.) И будет вам, Николай Алексеевич, академический паек, самый лучший паек, какой вообще существует в Москве. Вы всё получите». — «А вот бы получить хоть ситцу, что ли...» Я говорю, что «вы можете купить одежду, если вам нужно, белье, всё, что вам необходимо, по этому пайку вы всё купите: и продовольствие, и одежду, и всё прочее». Ну, судя по всему, он был доволен. «Вы знаете, конечно, работать надо, конечно, я согласен. Но я хочу уехать в деревню». — «Так поезжайте». — «Так вот билеты же трудно достать». Я вызываю секретаря, говорю... «Вы куда поедете?» — «Туда-то». — «Когда? День?» — «Такой-то». Я говорю: «Обеспечьте Николаю Алексеевичу билеты, билет». — «А у меня, кутенька-ляля, племянник, я вдвоем с племянником». Я говорю: «Два билета». — «Так вот ведь денег-то нет». Я открываю сумку, даю ему тысячу рублей.

В. Д.: Это не ахти как много было тогда.

В. А.: Как?! В 32-м году?! Огромные деньги, что вы! Я получала зарплату сто семьдесят пять рублей и считала: это очень много.

В. Д.: Рублей триста, по-моему, теперешних, да?

В. А.: Да что вы говорите! Тысяча рублей — это грандиозно было!

И. Г.: Это много.

В. А.: Я в полгода не получала столько.

В. Д.: Я получал, правда, тогда сорок пять рублей.

И. Г.: Партмаксимум был двести двадцать пять рублей³³³.

В. А.: Да.

В. Д.: Еще тогда существовал партмаксимум?

И. Г.: Да.

В. А.: Да, да.

И. Г.: Это пять партмаксимумов, пять зарплат ответственных работников партийных, руководящих.

Ну вот. Дал ему тысячу рублей, говорю, что, «если потребуется, вы мне напишите, я вам деньги вышлю, нуждаться вы не будете». — «А как же?..» Я говорю: «Никаких расписок, ничего мне не надо от вас, ничего». Уходит Клюев за билетами. На другой день приходит его так называемый племянник, художник, показывает мне фотографии со своих работ. Мастеровито сделанные вещи. Красивый парень, стройный и прочее³³⁴. Я даю ему билеты. Николай Алексеевич уезжает и пишет мне письма. Черные конверты и по черному белым написан адрес. Идет переписка с Клюевым. Присылает он мне поэму. Посвящается какому-то юноше. Любовная поэма. Я просмотрел ее. Мне вспомнилась поэма Шелли «Эпипсихидион», это любовная такая поэма, гимн в честь женщины любимой, графини Эмилии Вивиани, в которую Шелли был влюблен³³⁵. Но тут поэт объяснялся в любви не девушке, не женщине, а какому-то юноше. Я отложил. И утром, садясь завтракать, я обычно что-то читал... вот напротив сидит Павел Васильев... У меня всегда кто-то дома был, жили...

Павел Васильев. 1934. Источник: архив семьи Гронских

В. Д.: Тоже фигура интересная!

И. Г.: ...целый этаж ведь у меня был в Доме правительства, так что... квартира колоссальная, двести с лишком квадратных метров.

- ³²⁶ *Он даже не там, он в Париже умер...* — Бальмонт умер в Нуази-ле-Гран, в 15 км от Парижа.
- ³²⁷ *...это Шешуков.* — Книга С. Шешукова «Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов» (М.: Московский рабочий, 1970. — 352 с.).
- ³²⁸ *...Шешуков опубликовал прямо, что <...> впервые термин «соцреализм» употреблен мною.* — «Впервые термин “социалистический реализм” прозвучал в печати 23 мая 1932 года, когда “Литературная газета” поместила информацию “Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы”. На этом собрании с большой речью выступил председатель оргкомитета Союза писателей И. М. Гронский. Вот в этой-то речи впервые не только прозвучали слова “социалистический реализм”, но и было указано на главную особенность этого метода. <...> В прежней нашей научной и учебной литературе указывалось, что термин “социалистический реализм” впервые прозвучал в октябре 1932 года в беседе руководителей партии и правительства на квартире у А. М. Горького. Это неправильная информация» (*Шешуков С. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов.* С. 336, 337).
- ³²⁹ *У меня одним из помощников моих был очень молодой, очень талантливый профессор Попов Валентин.* — Дополнительных сведений о нем обнаружить не удалось.
- ³³⁰ *Завязывается беседа: <...> о живописи, в частности о церковной живописи, об иконах, о новгородской школе и о строгановской школе.* — В России сформировалось несколько иконописных стилей, школ, или «пошибов», из которых главными признаются Новгородский, Строгановский и Московский. В Новгороде после таких величественных сооружений, как Софийский собор, церкви строились по преимуществу общинами, купеческими объединениями, а не централизованной властью, и постройки были небольшие. Поэтому иконы писались маленькие, до полуметра в высоту. Многофигурных сюжетов и сложных архитектурных фонов и горок мастера старались избегать. В охотку использовалась кинозвезда — насыщенный красный цвет — в сочетании с золотым фоном, с белой, зеленой, оливковой, нежно-розовой, голубовато-синей, вишневой и желтой красками. Самой распространенной иконой было Предстояние: один или несколько святых стоят и молятся, и можно было помолиться вместе с ними. В фигурах святых угадывался местный этнический тип: невысокие, круглолобые, плотного телосложения мужчины. Строгановская школа получила свое название от богатых купцов-солепромышленников Строгановых. Лучшие мастера этой школы были московскими иконописцами из царских мастерских. Строгановские иконописцы открыли красоту и поэтичность пейзажа. Населяя его множеством зверей и птиц, громоздили палаты и горы. Свалились виртуозностью рисунка. Освоили тонкое письмо, играющее яркими красками. Любили многофигурные, дробно проработанные композиции.
- ³³¹ *«...у вас Рублёв оригиналы?» — «Да, кутенька-ляля, оригиналы, оригиналы».* — На сегодня, за исключением редчайших фресок, которых разговор не касается, бесспорно принадлежащей Андрею Рублёву признается лишь «Троица» (1411 или 1425—1427), что не мешало и не мешает циркуляции легенд о рублёвском авторстве. На основании ордера № 356 ГУГБ НКВД от 20 февраля 1935 г. «комиссар отряда» Аракчеев составил опись имущества и вещей Клюева, находившихся после его ареста на хранении в домоуправлении по Гранатному переулку, 12. В описи числится «икон разных дерев-янных» («старых») 34, «икон метал-лических» разн-ых» («белого металла») 5; «книг церковных» («старинных») 24» (*Клюев Н. А. Словесное древо: Проза / вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина.* СПб.: Издательство «Росток», 2003. С. 415, 416).
- ³³² *«Мне все уши прожужжали люди, которые у вас бываюи чуть ли не ежедневно».* — Среди тех, кто бывал у Клюева, — поэт Павел Васильев, женатый на сестре жены Гронского и временами живший в квартире Гронских.
- ³³³ *Партмаксимум был двести двадцать пять рублей.* — Партмаксимум — это максимальный месячный оклад для членов ВКП (б), занимавших руководящие должности в учреждениях и на предприятиях в 1921—1932 гг.
- ³³⁴ *Красивый парень, стройный и прочее.* — По-видимому, это художник Яр-Кравченко (приставку «Яр» он прибавил к своей фамилии по совету Клюева) Анатолий Никифорович (1911—1983). На втором допросе в день ареста оперуполномоченный Н. Х. Шиваров спрашивает: «С кем вы поддерживали установившиеся связи на почве мужеложства за последние годы?» И Клюев, судя по протоколу, отвечает, в частности: «с Анатолием Кравченко, за период с 1928 по 1932 г., без непосредственного полового акта» (*Шенталинский Виталий. Песня Гамаюна: Николай Клюев // Он же. Рабы свободы: Документальные повести.* М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 271). В письме, которое предположительно датируется 1931—1932 гг., Клюев писал Яр-Кравченко: «Я знаю внутренне, что уже три-четыре года назад лежал бы я на Волковом кладбище, если бы не было в моем сердце тебя — моего индийского царевича — твоих слов и дыхания» (*Клюев Николай.* Из писем к А. Н. Яр-Кравченко: (1931—1934) / вступ. заметка и публ. К. Азадовского // Звезда. 1994. № 2. С. 155).

³³⁵ ...поэма Шелли «Эпипсихидион», это любовная такая поэма, гимн в честь женщины любимой, графини Эмили Вивиани, в которую Шелли был влюблен.— В пространной поэме «Эпипсихидион» (1821) (в пер. с гр.: то, что в душе) возлюбленная возвышенно воспевается как «заоблачное виденье». К осени 1820 г., когда Шелли познакомился с Эмилией Вивиани, она уже три года провела в монастыре.

Я читаю и... отбросил: «Ни черта не понимаю!» Васильев говорит: «А что ты не понимаешь?» Я говорю: «Любовная поэма, объяснение в любви какому-то юноше». — «Так что ты не понимаешь? Это же его жена». — «Как жена?» — «Так жена».

(В. Д. и В. А. *посмеиваются*.) Мне хотелось встать и пойти умыть руки.

Приезжает Клюев. Приходит ко мне в редакцию. Я говорю: «Как дела, Николай Алексеевич?» — «Поэму получили мою?» — «Получил. Но, — говорю, — печатать не буду». — «А я не буду работать. Пока эта поэма не будет напечатана, я работать не буду». Я говорю: «Знаете что, я, надеюсь, вы понимаете и отвечаете за свои слова? — я говорю. — Подобную рода мерзость мы в литературу не можем пустить». — «Я не буду работать, если поэма не будет напечатана». Я с ним так и не договорился. Клюев ушел. Я предупредил, что ему не поздоровится. Я тут же позвонил Ягоде, говорю: «Генрих Григорьевич, надо прекратить разложение поэтической молодежи, надо убрать Клюева». — «Арестовать?» — «Нет, не надо арестовывать, выслать». — «Куда?» Я говорю: «Тут надо подумать и как-то надо узнать, куда бы он сам хотел. Но подальше, скажем, в Пермь, в Омск, что-то в этом духе». — «Ну хорошо, будет сделано». Это единственная репрессия, которую я себе позволил. Клюев был выслан³³⁶. И там он разложил Педагогический институт³³⁷. И был арестован.

В. А.: Так куда его выслали?

И. Г.: В Пермь. А потом в <нрзб> его переадресовали³³⁸, уже позже, спустя какое-то время.

В. А.: Где он и умер?

И. Г.: Не знаю. Одним словом, так: он страдал, педераст был. За это полагалось десять лет. Мне не хотелось его арестовывать, а тем паче судить. Вот я ограничился высылкой.

В. Д.: А ведь указ об уголовной ответственности за это самое дело, он был позже.

И. Г.: Может быть, позже.

В. А.: Нет, что вы! Гораздо раньше.

И. Г.: Может быть, раньше. Во всяком случае, уже кое-кого осуждали³³⁹. Я не хотел арестовывать, литератор, не хотел арестовывать его и ограничился высылкой. Причем я его предупредил, Клюева, и думал, что это его исправит. Но выходит, что горбатого могила исправит. Вот вам Клюев.

³³⁶ Выступая в ИМЛИ, Гронский добавляет: «Я позвонил Ягоде и попросил убрать Н. А. Клюева из Москвы в 24 часа» *Гронский И. М.* О крестьянских писателях: Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 8. С. 151). Клюев был арестован 2 февраля 1934 г. по своему московскому адресу: Гранатный переулок, дом 12, квартира 3. 5 марта Коллегия ОГПУ постановила заключить его «в исправтрудлагерь на 5 лет с заменой высылкой» в г. Колпашево» (*Пичурин Лев.* Последние дни Николая Клюева. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во научно-технич. лит., 2009. С. 12).

³³⁷ *И там он разложил Педагогический институт.* — Известный в Томске педагог и краевед В. Ф. Козуров рассказал в мемуарном очерке «Поход за поэзией», как вместе с тремя друзьями-студентами второго курса литературного факультета Педагогического института осенью 1935 г. поступался в калитку небольшого белого флигеля в переулке Красного Пожарника, где квартировал ссыльный поэт. Отозвавшаяся молодая женщина пообещала похлопотать за них. И минут через десять из дома вышел старик, очень похожий на Льва Толстого. Его попросили рассказать о Есенине. Ограничившись несколькими общими фразами, он прочитал много его стихотворений. От вопросов о себе уклонился: «После. В другой раз как-нибудь. Коли доведется встретиться». Пытались с ним поговорить и другие студенты, но безрезультатно: он к ним не вышел. Сокращенную версию этих воспоминаний приводит Лев Пичурин (Там же. С. 34—38). Возможно, Гронскому стал известен этот эпизод, и он расширительно истолковал его в уголовно-обвинительном ключе.

³³⁸ *А потом в <нрзб> его переадресовали...* — Итак, по приговору Клюев был сослан в рабочий поселок Колпашево Нарымского округа, в 270 км к северо-западу от Томска. Постановлением Особого совещания при НКВД от 17 ноября 1934 г. ему разрешено «отбывать оставшийся срок наказания в г. Томске» (Там же. С. 29). В 1935 г. переведен в Томск. 23 марта 1936 г. последовал новый арест и тюрьма. Из-за слабости и болезни Клюева содержали не в камере, а в тюремной больнице. 4 июля его выпустили. Летом 1937 г. по Сибири прокатилась волна арестов по обвинению в принадлежности к выдуманному в НКВД Союзу спасения России. «Клюеву в этой дутой организации была уготована ведущая роль. Показания на него выжали из аспиранта Томского медицинского института Голова: — Идейным вдохновителем и руководителем организации является поэт Клюев... Он пишет стихи и большую поэму о зверствах и тирании большевиков...» (*Шенталинский Виталий.* Песня Гамаюна: Николай Клюев // *Он же.* Рабы свободы: Документальные повести. С. 278). В ночь с 5 на 6 июня Клюев снова арестован. 13 октября тройка НКВД Западно-Сибирского края вынесла постановление о его расстреле. Список расстрелянных, среди которых значится и он, датирован 23—25 октября 1937 г.

³³⁹ *Во всяком случае, уже кое-кого <за мужеложство> осуждали.* — После московского ареста Клюев был привлечен в качестве обвиняемого по двум статьям: 58-10 и 16-151 УК РСФСР.

58-10 — это:

«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58²—58⁸ настоящего кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев» (Уголовный кодекс РСФСР с изменениями до 1 сентября 1933 г.: Официальный текст с прилож.

постатейно-систематизированных материалов. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933. С. 24). Тут же содержится уточняющая отсылка к ст. 28:

«Лишение свободы устанавливается на срок от одного года до десяти лет» (С. 10). А ст. 58²—58⁹ предусматривают: «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества» (С. 21—22).

А ст. 151 — это:

«Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах, —

лишение свободы на срок до восьми лет.

Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанныхотячающих признаков, —

лишение свободы на срок до трех лет» (С. 56—57).

Так как эта статья к Клюеву явно не подходила, то была применена «через ст. 16»:

«Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления» (С. 7).

О Леопольде Авербахе

В. Д.: А Авербах, конечно <нрзб>?

И. Г.: Теперь Авербах. Я прямо сказал в военной прокуратуре, что я напишу об Авербахе. Я ничего против него не имею, считаю, что он неправильно осужден, но напишу после того, как напишут его друзья и соратники: Фадеев, Ермилов, Безыменский³⁴⁰ и другие. «Они не могут». — «Почему? Они писали доносы на него, на своего приятеля? Заставьте их дезавуировать доносы, которые они писали». — «Не можем». Я говорю: «Вот пока они не напишут, пока они своих доносов не дезавуируют, я ни слова не напишу об Авербахе». Авербах остался не реабилитированным. Единственный человек.

В. Д.: А о нем пишут.

И. Г.: Через какое-то время, спустя несколько лет, меня вызвали в МГБ: «Иван Михайлович, что вы имеете против Авербаха?» Я говорю: «Ничего. Неправильно арестован, неправильно осужден, незаконно осужден. Я считаю, что надо реабилитировать». — «Напишите. Напишите нам несколько строк — мы сегодня же его реабилитируем». Я говорю: «Давайте так: когда напишут имярек такие-то, дезавуируют свои доносы, которые они посылали вам, в ваше ведомство, я напишу. Буду хлопотать о реабилитации. Но пока эти люди не возьмут обратно своих клеветнических доносов, я ни звука не напишу». И Авербах еще несколько лет не был реабилитирован. Только в 63-м году, по-моему, он был реабилитирован³⁴¹.

В. А.: Нет, он, по-моему, немножко раньше. Когда собрание сочинений Маяковского выходило, я как раз его сыну звонила, мне надо было некоторые справки...³⁴²

И. Г.: Может быть, в 61—62-м, вот в это время. Дело, видите ли, в том, что, испугавшись, Ставский, Фадеев, Ермилов и прочие писали доносы... На всех...

В. Д.: Это уже после ликвидации РАППа?³⁴³

И. Г.: В период культа личности: 36-й, 37-й, 38-й и последующие годы.

В. Д.: Авербах ведь работал все последние годы в «Истории фабрик и заводов»³⁴⁴, по-моему... и горьковское всё окружение... Крючков...³⁴⁵

И. Г.: Да-да, да-да.

В. Д.: Вот, между прочим, неприятный был человек, Крючков. Я с ним...

И. Г.: Таинственный человек.

В. Д.: Ну, я не знаю, правильно или неправильно его...³⁴⁶ Ну, Иван Михайлович, все-таки вам надо отдохнуть.

И. Г.: Ничего страшного нет...

³⁴⁰ *Безыменский Александр Ильич* (1898—1973) — поэт и журналист, активный деятель комсомольского движения. Две его книги — сборник стихов «Как пахнет жизнь» и поэма «Комсомолия» — вышли в 1924 г. с предисловиями Л. Д. Троцкого. В начале 1924 г. Безыменский стал одним из авторов заявления в поддержку «Нового курса» Троцкого, что не помешало ему вскоре присоединиться к обличителям троцкизма. Был он и одним из самых ярых преследователей М. А. Булгакова. Перевел текст суровой песни немецких социал-демократов («Вперед, заре навстречу!..») (1922), и текст шуточной французской песенки «Всё хорошо, прекрасная маркиза...» (1935). Были у Гронского и личные счеты с Безыменским. Иван Михайлович вспоминал: «Однажды я встретился на партконференции Краснопресненского района с поэтом А. Безыменским, сказал: — Саша, я ставлю вопрос о реабилитации Павла Васильева. — Как? Этого бандита! — Тебе не стыдно бросаться такими словами? — Пашка будет реабилитирован через мой труп!» (*Гронская Светлана*. «Здесь я рассадил свои тополя...»: Документальная повесть о Елене Вяловой и поэте Павле Васильеве; Письма. М.: Изд-во «Флинта», 2005. С. 57).

³⁴¹ *Только в 63-м году, по-моему, он <Авербах> был реабилитирован.* — Авербах посмертно реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 29 мая 1961 г. А следом, 6 июня, Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС восстановлен в партии.

³⁴² *Когда собрание сочинений Маяковского выходило, я как раз его сыну звонила, мне надо было некоторые справки...* — Речь о 3-м Полном собрании сочинений Владимира Маяковского в 13 томах (1955—1961). Последний том, в подготовке которого как раз принимала участие Арутючева, сдан в набор 3 мая, подписан в печать 14 октября 1960 г. Л. Л. Авербах в текстах Маяковского и в комментариях собрания упоминается, а в сводном указателе имен его нет, как нет и других репрессированных, но не реабилитированных к тому времени деятелей: Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина...

³⁴³ *...после ликвидации РАППа...* — РАПП, как и ряд других литературных объединений, расформирован постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.

³⁴⁴ *«История фабрик и заводов»* — иницированная А. М. Горьким книжная серия. В 1931—1938 гг. в этой серии вышло более тридцати книг: сборники документов, воспоминания рабочих, очерки и научно-художественные монографии. Пользуясь покровительством Горького, Л. Л. Авербах стал ее редактором.

³⁴⁵ *Крючков Петр Петрович* (1889—1938) — личный секретарь и поверенный А. М. Горького, директор Музея Горького в Москве (с 14 февраля 1937). Сотрудничал с ГПУ и напрямую с Г. Г. Ягодой. Регулировал доступ к писателю и просеивал его переписку. Арестован 5 октября 1937 г. 13 марта 1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян через два дня. Реабилитирован в 1988.

³⁴⁶ По-видимому, Дувакин не договаривает слово: репрессировали.